

Николай
ВТОРУШИН

*Жизни моей
бытие*

Николай
Вторушин

Жизни моей бытие

Издательство «Зуралье»
г. Курган, 2010 г.

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6
В 87

Вторушин Николай Михайлович

Жизни моей бытиё / Вторушин Н. –

г. Курган: Издательство «Зауралье», 2010. – 180 с .

Автор искренне благодарит директора Бобровского лесозаготовительного предприятия **Андрея Фёдоровича Селивёрстова** за содействие при подготовке материала для данной книги.

Автор также весьма признателен своим родственникам – сестре **Вале Родионовой**, жене племянника **Андрея – Оле Бехтеревой**, за подбор и обработку фотографий для книги «**Жизни моей бытиё**».

Книга издана в авторской редакции.

ISBN 978-5-87247-557-6

© Н.М. Вторушин, 2010.

© Издательство «Зауралье», 2010.

Зачем я пишу?

Многие или, по крайней мере, те, кто имеет хоть какие-то писательские способности, прожив солидный кусок жизни, начинают писать мемуары.

Не стал исключением и я.

С выходом на пенсию появляется много свободного времени, и волей или неволей начинаешь задумываться о бренности бытия. Особенно обостряется это чувство, когда смотришь в ночное глубокое небо. И всегда при этом возникают вопросы: Кто мы? Что мы? И зачем на этой грешной земле живем?

Когда-то мне запали глубоко в душу прочитанные слова Гавриила Державина: «Мы (имеется в виду земля со всем её содержимым) всего лишь пылинка в глазах Господа. Поэтому всё, в том числе и мы все находимся под Его полной и неоспоримой властью. И всё, вернее, почти всё, тленно, только душа наша бессмертна». Многие философы доказали это, и я вполне согласен с ними. Возьмём такой пример - человека охватил жуткий страх, при этом у него мгновенно бегут по спине «мурашки», и волосы встают дыбом. Я полагаю, что это душа в минуту опасности концентрируется на макушке головы и готовится сигануть из грешного тела.

Душа - это, скорее всего, энергия, наделённая разумом. А коли энергия, то она может быть положительной или отрицательной. Какой душой Господь наградит человека, таким он и будет.

Я ушёл немного в сторону от основной мысли - зачем мы здесь?

Так вот, я полагаю, мы на этой грешной земле для того, чтобы создавать и созидать красоту, а также любить своего ближнего. Одним словом - оставить какой-то, пусть маленький, но яркий следочек на безупречно созданном Господом

теле земли. Может, это получится не у всех и не всегда, но стремиться к любви и созиданию должен каждый человек. Иначе, когда настанет время отчёта перед Всевышним (а отчитываться придётся всем без исключения), ваш багаж грехов наверняка потянет на очищение в аду.

За свою жизнь я не совершил никаких подвигов, но, по-моему, свой мизерный следочек на земле всё-таки оставил. А уж какой он, этот штрих, будете судить вы, прочитав повествование о моём жизненном пути. Это будет не увлекательный роман или детектив, а как бы предварительный отчёт перед Господом и читателями за все добрые, а может, и не очень добрые дела.

...Итак, сегодня - 25 апреля 2010 года - я начинаю свою книгу с этого вступительного слова, а когда закончу (да и закончу ли вообще) одному Богу известно, всё в Его Великих руках. Дай, Господи, мне сил завершить сей непомерно тяжёлый труд. Своим же читателям желаю мира, добра и благоденствия. Храни нас всех Господь!

Николай Вторушин.

Детство

Меня тошнило, кружилась голова, копны и валки сена качались перед глазами, словно живые, на волнах охваченного полуденным жаром моря. Увидев моё неустойчивое состояние, убиравшая неподалёку сено мама посоветовала меж делом: «Иди, Колька, полежи возле копны».

Я из последних сил доплёлся до ближайшей копёшки и рухнул в спасительную тень.

Через полчаса, малость оклемавшись, обвёл всё ещё затуманенным взглядом покосы: мать по-прежнему деловито копнула сено, а ей так же помогал, в меру своих шестилетних сил, мой братец Гошка (К слову сказать, здоровьем он всегда был покрепче меня). Всё вокруг так же пылало июльским жаром, и повсюду вились злобными роями неутомонные кусучие пауты. Это я сейчас понимаю, что со мной случился солнечный удар. А тогда, полежав ещё с полчаса, я поднял брошенные грабли и побрёл собирать проклятущее сено. И было мне в ту далёкую пору где-то около восьми лет. Вот с этих покосов и началась моя трудовая деревенская жизнь.

Школы в нашей деревне не было, поэтому пришлось учиться с первого по четвёртый класс в Луговой Субботе – деревне в четырёх километрах, за Иртышом. Раз в неделю мы приходили к реке напротив Шалимово (это уже моя деревня), а потом долго и протяжно кричали хором: «Перевозу-у-у!!! Перевоз-у-у-у!!!» – до тех пор, пока кто-то не перевозил на домашнюю сторону. Зимой же по субботам мы в любую погоду уходили домой пешком. А обратно, собрав запас продуктов на неделю, нас увозили уже на лошадях. Жили во время учёбы по чужим людям, – дадут

какой-нибудь уголок за печкой, и ладно. Голодать не голодали, но и деликатесов никаких, кроме сахара, не было.

Почти всю одежду, в том числе и школьную сумку, мама шила сама. Конечно, мы слегка завидовали ребятишкам служащих, родители которых могли одевать их из магазина. Чем-то особенным время обучения в начальной школе мне не припомнится, если не считать того, что всегда сильно тянуло домой. Да ещё всплыл в памяти случай, приключившийся с нами весной в Луговой Субботе.

Тогда мы, человек семь-восемь, бегали под вечер по вытаявшему берегу Полоя. Надо сказать, что берег был довольно-таки крутой, а деревня находилась от него метрах в пятидесяти. Хотя снегу наверху не было, но внизу, под яром, он ещё лежал белой соблазнительной для игр полосой. И, как вскоре оказалось, не хилой глубины. Кому-то из нас неожиданно пришла в голову авантюрная идея: а что, если разбежаться и прыгнуть в этот снег. Как словом – так и делом. Первый прыжок был удачно совершён, а следом, будто стадо баранов, попрыгали остальные.

И тут же все увязли по пояс в тающем снегу. Наверху не осталось никого, кто бы смог позвать на помощь. Мы стали биться, как попавшие в силок птицы, и кричать, но из-под яра голоса в деревню, по-видимому, не доносились, и помощи не было. Бились мы таким образом около часа, но снег держал мёртвым ледяным капканом. Одежда промокла, стало постепенно темнеть, и мы уже почти выбились из сил. Наконец пареньку, года на два постарше нас, – Вальке Зоркальцеву всё-таки удалось выбраться, и он тут же повытаскивал нас всех.

А ещё помню, как мы с Гошкой ставили зимой пленицы на куропаток, правда, ни одной не добыли, но охотничий азарт брал своё. Многие, конечно, не знают, что такое пленица, так я заодно и объясню. Это ловушка на птицу, в том числе и на уток, сделанная из двух толстых ниток полметра длиной, на которые привязываются скрученные из волос конского хвоста силки.

Втыкаются два колышка на проплавы в осоке или в снег, а между ними натягивается пленица, и настораживаются силки.

Чуть повзрослев, я всё-таки научился ловить куропадок. Оказалось, что всего-то и нужно воткнуть с одной и с другой стороны пленицы по пучку мелких веток, и птица обязательно побежит от одного к другому.

Из тумана далёкой юности ещё мне запомнились вечера в Луговой Субботе. Молодёжь в этой ныне не существующей деревне была, и она почти каждый вечер собиралась на берегу Полоя. Играли в лапту. И частенько в торжествующий весенний вечер летели чарующие звуки гармошки. Пели песни. А парни и девушки плясали так, что пыль летела. Кстати, о гармошке, вернее, о гармонисте тоже необходимо сказать несколько слов. Это был невысокого росточка щупленький паренёк – Венко, но играл «зараза» так, что не пуститься в пляс было невозможно. Помню, даже я, совершенно не умея плясать, выскакивал в клубе на круг и топтался, когда Венко «жарил» плясовую.

Вообще, своей игрой он задевал такие струны моей хрупкой детской души, что какое-то сладостное томление поднималось во мне невообразимой волной. Когда я учился уже в четвёртом классе, родители тоже купили мне гармошку, но научить меня было некому, и её продали этому же Венке. Однако через год мама снова мне купила инструмент. До сих пор не перестаю задавать себе один и тот же вопрос – откуда она знала, что из шестерых братьев и сестёр гармошка нужна именно мне, ведь я ни разу не просил её об этом. Отец как-то не вникал в эти дела, но когда я учился уже в шестом классе в Тугалово и, придя домой, заиграл плясовую, то подвыпивший отец пустился в пляс.

А плясал он до того красиво, что, глядя на него, можно было только удивляться или, точнее, восхищаться талантом человека. Так же хорошо папа и пел. И вот с той далёкой поры и до самой кончины на любой гулянке, где был я, он обязательно просил сыграть ему «Тонкую рябину» и «Одинокую гармонь». А потом, добавив ещё «коксу», выходил плясать.

Ещё при этом успевал давать мне команду:

– Не части, Колька!

Ну, коли я стал вам характеризовать отца, то опишу его чуть-чуть подробнее.

Папа был степенный, уважаемый в округе человек. Мы, ребяташки, скажем так, уважительно его побаивались, хотя он и пальцем никого не трогал. Воевал с сорок третьего по сорок пятый год, имел медали, но никогда не носил, и мы частенько ими играли, пока все не растеряли. Был ранен, контужен, но трезвый про войну никогда не рассказывал. Зато пьяный... о-о-о-о, тут тебе и вой снарядов, и свист пуль, однако кое-что, по-моему, он привирал. Лет до сорока работал сначала на тракторе, потом на катере и, наконец, на разных работах в колхозе. Когда была возможность, выпивал, вернее, не упускал любую возможность, однако никогда не напивался до беспамятства – знал меру.

В ту пору было заведено гнать самогон и ставить брагу, которую мы звали пивом. Так вот, всю жизнь между отцом и матерью шла, с переменным успехом, необъявленная война: одна умела искусно прятать спиртное, другой – не менее искусно находить его. Бывало, мать мне жаловалась:

– Знаешь, Коля, куда бы я не спрятала самогон – всё равно найдёт! Даже сквозь землю видит, пройдоха!

Или:

– Я давеча на крышку бидона с пивом положила нитку особым манером, так он, после того, как отведал из него, положил нитку обратно, только не по-моему. И как, и где прятать от него, – сетовала мама, – ума не приложу! Везде вышнурит!

Но однажды папино чутьё всё-таки его подвело, да так, что мы долгие годы вспоминали мамино неординарное решение о сохранении самогонопивной продукции. Как-то раз она забодяжила пару бидонов гущи, чтоб после того, как зелье перебродит, перегнать его на самогон. Однако, когда субстанция начинает бродить, выделяется газ, который, если бидоны в доме,

попахивает весьма чувствительно и своеобразно. Естественно, отец сразу же учуял вождеденный запах и при первой же возможности приступил к поискам.

Сначала он перелопатил почти всю картошку, основательно прозондировал завалины, обшарил полати, печку, голбец. Но горячительной жидкости нигде не было, а запах был, да ещё какой запах-то! Отец, конечно, понимал, что два сорокалитровых бидона практически спрятать невозможно, это же не бутылка самогона. И на следующий день он продолжил поиски уже на улице, вокруг дома. Но всё было напрасно – бидоны как сквозь землю провалились, лишь сладостный запах в избе всё усиливался. Наконец, папа, махнув рукой на поиски, успокоился.

Прошло дней десять, когда мама сказала отцу:

– Миша, подготовь всё, а завтра с утра пораньше увезём бидоны к озеру, надо перегнать на самогон.

– Какие бидоны?

– Какие, какие..., с гущей!

– А где они стоят?

– Да вон, под койкой, на которой спим, – чуть усмехнувшись, сказала мама.

Отец сначала удивлённо, с открытым ртом уставился на неё. А потом заразительно, от души долго смеялся, а мы, ребятня, дружно поддерживали его.

– Ну, Катерина, молодец! Это же надо так обвести бывалого фронтовика вокруг пальца! – сквозь смех, восхитился отец.

Утром они погрузили всё, что нужно, и увезли за полкилометра к озеру, т.к. самогон у нас дома не перегоняли. А причина была до банальности проста – могли посадить в тюрьму. И садили, но об этом позже. Так вот, папа остался заниматься самогонными делами, а мама на лошади вернулась домой. Сразу после обеда она решила проверить, как идут дела у озера и не видно ли сильно дыма. Когда мать подошла поближе, то дыма не увидела, зато услышала громкое заунывное пение. Она ускорила

шаги и вскоре увидела сидевшего на пенёчке муженька. Он, обхватив голову руками, раскачивался и пел во всю Ивановскую: «Укрой, тайга, укрой, густая...»

А ещё однажды мать предложила отцу выпить с устатку пару кружек пива. Когда он принял их, то захорошел. Попросил было ещё, но, получив решительный отказ, успокоился. Зная характер отца, мама решила устроить ему проверку на выдержку. Она сподобила какое-то пойло для скотины и пошла во двор, сказав мимоходом:

– Ладно, Миша, я пойду управляться, а ты тут заканчивай с едой и убери со стола.

– Иди, иди, Катенька, – елеиным голосом проворковал отец, – а я тут сделаю всё, как полагается!

Мать вышла с вёдрами на заднее крыльцо, постояла минуты три и быстро вернулась в дом. Отец стоял, наполовину высунувшись из подпола, а в руке держал полную кружку пива.

– Ты чё делаешь!? – гневно спросила мать.

Он громко крякнул и с такой силой поставил кружку на пол, что часть содержимого выплеснулась. Потом отец выбрался из подпола и молча возлѐг на кровать.

– Когда хоть ты напьѐшься, халей! – закрывая подпол проворчала мать. – Ну уж коли налил, так допивай, – и поставив кружку на стол, пошла.

– Не буду! – рявкнул он ей в след.

Однако, когда мама вернулась с управы, кружка была пуста.

Один раз мать поставила бидон с пивом в крапиве. Ну это отцу были семечки, он в два счѐта открыл заначку и стал оттуда потихоньку попивать. Тогда мама перетаскала пиво в другой бидон и перепрятала в более надёжное место, а пустой оставила, где был. Так отец, когда пришѐл в очередной раз за добавкой и обнаружил пустую посудину, так разозлился, что забросил её на стоящий неподалѐку хлев.

Конечно, я обрисовал лишь некоторые черты характера

моего отца. На самом деле, это был великий труженик. Впрочем, деревенский труд отличается от городского тем, что, как впряжешься с малых лет в крестьянский хомут, так и не снимешь его до самой кончины. И нет тебе ни выходных, ни отпуска, да и праздники гуляешь наполовину – скотину не оставишь. Ей всё равно – болеешь ты или собираешься съездить куда-то в гости, но ты должен управиться с ней и утром, и вечером. Со своим хозяйством – косить сено, растить картошку и т.п., ты обязан заниматься только в свободное от колхозной работы время. По крайней мере, так было, сколько я помню, в пятидесятые-восемидесятые годы.

А вообще в летнюю пору у нас в деревне (да и в других, наверное, тоже) почти никто не пил. Представьте себе – июль, адова жара, а ты с похмелья целый день работаешь на покосе. Так и окочуриться недолго. Это я к тому, что папа был справным хозяином и хорошим отцом. Ну, уж коли я его охарактеризовал, то рассказать о маме – сам Бог велел.

Моя мать – Вторушина (в девичестве Куратник) Екатерина Антоновна – белоруска. В 1914 году при наступлении немцев её годовалым ребёнком вместе с семьёй эвакуировали из Могилёвской губернии. Приехали они под Ишим и обустроились. А так как семья была работающая, то хозяйство у них быстро окрепло и пошло в гору, благо землицы-то хватало. Однако грянул 1935 год, и их раскулачили. Родителей угнали в деревню Черпию Уватского района, а маму выслали за Обдорск (Салехард), в какое-то хантыйское поселение. Там она помогала местным жителям ловить неводом рыбу. На пропитание была она же, хлеба не было. Аборигены-то к такому рациону привыкшие, а маме приходилось нелегко. Она пыталась для разнообразия варить грибы, но без хлеба они в желудке не задерживались.

В конце концов, не выдержав такой жизни, она каким-то образом сумела сесть на пароход и уехать в Тобольск. Но на этом её приключения не закончились. Когда мама пошла с пристани

в город, то лоб в лоб столкнулась с сыном коменданта, который распределял и осуществлял надзор за раскулаченными. Он, видимо, помнил её, поэтому сразу схватил за руку и отвёл в милицию. И маму опять отправили на колхозные работы в деревню Серебриху Уватского района. А так как эта деревня находилась по соседству с нашей, Шалимово, то мои будущие родители познакомились и вскоре поженились. В 1937 году у них родился сын Анатолий, а в августе сорок первого – дочь Зоя.

Жили родители хорошо. Папа трудился на тракторе, а мама в колхозе на разных работах. Хлеб в те времена убирали отдельно, а не прямым комбайнированием, т.е. сначала скашивали, а потом вязали снопы и ставили в суслоны. Если кто не знает, что такое суслон, поясню: ставятся стоя четыре снопа, а сверху кладётся пятый. Потом их свозили в скирды, подвозили молотилку и обмолачивали хлеб. Тогда было заведено, что снопы всегда вязали женщины. Так вот, мама, рослая, крепкого телосложения женщина, навязывала их по две тысячи в день.

Никто в Уватском районе (да и в других, наверное, тоже) такую прорву снопов никогда не вязал. Очень хорошим показателем считалась норма выработки лишь в семьсот снопов. Недаром же её наградили во время войны медалью «За доблестный труд».

Зимой всех более или менее трудоспособных мужиков отправляли на колхозных лошадях заготавливать лес. А женщины в любую погоду – мороз ли, вьюга ли – должны были возить сено для лошадей. И мама рассказывала, как они вставали до рассвета, запрягали коней и уезжали накладывать возы сена, которые везли потом за двадцать километров. Там складывали сено в отведённое место, кормили лошадей и поздно вечером возвращались домой. Утром всё повторялось сначала. Что поделаешь, война. Хотя ещё лет пять-шесть после неё работа шла с таким же напрягом. Обо всём этом я слышал что-то от жителей нашей деревни, а кое-что и от самой мамы.

А вот как её посадили в тюрьму за самогон, это я помню хо-

рошо, вернее, как она возвратилась оттуда. Нас было уже четверо, к тому же мама была беременна, и, не смотря на это, её всё же осудили за какую-то вонючую гущу для самогона на три месяца. Как только она узнала, что ей дали реальный срок, решила покончить с собой:

– Плавать я не умею и, когда повезут в колонию, прыгну в воду – и всё!

В ожидании лодки мама прилегла на кровать, и только задремала, как увидела во сне Иисуса Христа. Он подошёл к ней и со словами:

– Не бойся! Не бойся! Не бойся! – перекрестил три раза.

Тут же в дверь постучали, и маму повезли. Она хотела, было, исполнить свою задумку, но, вспомнив наказ Божий, отвергла эту мысль – раз и навсегда. И, действительно, отсидев всего полтора месяца, мама вернулась домой. Я помню этот момент тем, что на ней было то ли зелёное, то ли синее платье и большой живот, в который я уткнулся и заплакал от радости. А младший братишка Гошка не узнал её и не подошёл, но это и не мудрено, он был младше меня на целый год и три месяца.

Была мама невероятно доброй души человеком. Ведь недаром же почти каждый, кто проходил или проезжал через нашу деревню, останавливался у нас. И всех она обязательно кормила, поила и о житье-бытье расспрашивала. Но уж если и она приезжала в какую-нибудь соседнюю деревню, то была просто нарасхват. Каждый хотел отблагодарить за оказанное когда-то гостеприимство. Вот так, в общих чертах, я немного и рассказал о своей маме. Конечно, думаю, в дальнейшем ещё не раз в своих воспоминаниях обращусь к светлой памяти родителей (царствие им небесное).

Наши летние каникулы можно разделить на три основных этапа. В начале июня, сразу после школы, садили картошку, а огородище был, дай Боже! – больше сорока соток. Но это была самая лёгкая и непродолжительная работа, всего четыре-пять дней.

Потом неделю возили на лошадях навоз из колхозных дворов. А после этого у нас была неделя (если не приходилось делать что-то ещё) на наши детские дела. По берегу речки, где мы жили, росли огромные талины, а на них в эту пору всегда появлялись отростели. И мы лазили по этим деревьям, срывали сочные прутики, очищали их и ели прямо на месте, только кожура вниз летела. Пили берёзовый сок, а когда он загустевал, его скоблили и потребляли с превеликим удовольствием. И мне до сих пор кажется, что слаще и вкусней того сока ничего на свете нет.

Часто играли в прятки, а так как купаться было ещё рано, то бродили по мелководью. Однажды мы с Гошкой до того набродились, что слегли оба с высокой температурой, и нам привозили фельдшера. А тут, за играми, и картошечка уже незаметно подросла, и пора её, христову, окучивать. Ну, здесь, скажу я вам, доставалось нам по полной программе. Надо каждый рядочек хорошо и высоко окучить. А этих рядочков на огороде почти в полгектара – чёрт мерил, да мерку сломал. И мы занимались этим делом под палящим солнцем дней десять. Одно спасало – речка рядом. И не знаю, где мы больше проводили времени – на речке или на огороде.

Когда заканчивали с картошкой, то у нас появлялась возможность полакомиться созревшей к тому времени черёмухой. Ели мы её вместе с косточками, и поэтому при посещении туалета возникали определённые трудности.

И, наконец, я вас подвожу к основному и самому тяжелейшему летнему труду – сенокосу. Начинался он в самый жаркий месяц лета – в июле. В знойном мареве повсюду кружатся пауты, мухи и нещадно кусают и тебя, и лошадь, на которой ты возишь копны. Она, бедная, мотает мордой, бьёт копытами и отгоняет хвостом эту зловредную тварь. Но они всё равно находят уязвимые места у лошади, где она не может их достать, и изъедают в кровь. А ты тоже целый день сидишь на этой живо-

тине и возишь, чёрт бы их побрал, колхозные копны. Только в обед (который у нас почему-то называли «паужна») спустишься на полчаса на грешную землю, и всё. А солнце всегда с каким-то невозмутимым снобизмом неподвижно висело пылающим диском над покосами. И клонилось к закату лишь тогда, когда из тебя испарится всё, чему можно испариться. И у тебя уже не остаётся сил проклинать (разумеется, втихаря) и покосы, и паутов, и пышущие жаром небеса. И так каждое лето с начала июля и до середины августа по десять часов в день возишь и возишь колхозные копны в течение пяти-шести лет. И каждое утро, просыпаясь, смотришь с тайной надеждой в окно – а вдруг дождь! Но всегда видишь яркий, не предвещающий ничего хорошего солнечный свет. В те годы я не помню случая, чтоб во время сенокосной страды случались грозы.

Вот мы, крестьянские дети, каждое лето изнывали, трудясь на колхозных покосах, а дети городских жителей в это время по «Артекам» ездили – как же, они же устали за зиму, учась в школе. А мы-то, вроде, тоже учились, только гораздо в худших условиях.

Вот бы пропустить их через горнило этих покосов! Может, и страна-то наша жила бы гораздо лучше. Что касается меня, так я до сих пор не могу без содрогания и внутреннего ужаса вспоминать покосы той дальней поры. Будь они не ладны! Сейчас сено заготавливают совсем по-другому, и вряд ли эта работа теперь доставляет кому-то столько страданий.

Однако все хорошее и плохое когда-то заканчивается. К середине августа колхозное сено уже поставлено, и у нас остаётся дней десять на игры и развлечения. Если, к примеру, считать развлечением заготовку кедровых шишек. Конечно, нас никто за ними не посылал, мы это делали по своей воле и с удовольствием. И, вообще, родители, когда не было работы, давали нам полную свободу: мы удили рыбу, ели ягоды, мастерили какие-то игрушки, рвали пучки. Кстати, о пучках – мягкая верхушка

её очищалась нами от кожуры и поедалась, а из полой толстой нижней части делали брызгалки.

А за шишками я поехал первый раз, когда мне было, по-моему, двенадцать лет. Разумеется, поехал не один, а с Васькой Ключаровым – пареньком старше меня года на два-три. Но для того, чтобы попасть в кедровник, нужно было сначала пройти полкилометра пешком. Потом сесть в лодку и проплыть по сору пару километров. Затем снова пёхом, по ручью, метров на двести, в гору. Это я потому подробно описываю, что возвращаться придётся тем же путём, но уже с шишками. В этот раз приехали на место, я срезал подходящую жалину, чтобы сбивать шишки, привязал к ней бечёвку и, повесив через плечо, стал взбираться на высоченный кедр.

К слову сказать, кедровник у нас был в два обхвата, сучья росли до самой земли, а высотой эти гиганты были порядка тридцати метров. Мне, конечно, никто не объяснил, как нужно лазить на такую лесину. Но до вершины я добрался довольно-таки быстро и стал жалиной сбивать шишки. В одном месте я не смог дотянуться жалиной до соблазнительно висевших шишек и пошёл по суку. Однако он неожиданно хрустнул подо мной, и я полетел с высоты почти пятиэтажного дома вниз. Спасло меня от неминуемой гибели лишь то, что я как бы катился по кедровым веткам до самой земли и упал на кучу старых веток, которые спружинили и смягчили удар. Как ни странно, но я даже не ушибся, только голова сильно закружилась. Когда я поднялся и огляделся, то увидел, что вокруг места моего падения стояло несколько высоких пней. Если бы я упал на один из них – всё, конец! Но, видать, у меня хороший и надёжный ангел-хранитель. И в этом я убеждался не раз. Если не забуду, помяну о нём ещё.

Немного придя в себя, я крикнул своему напарнику:

– Васька, я с кедра упал!

– Живой? Не ушибся?

– Да, вроде, всё нормально!

– Ну, тогда лезь снова, только поосторожнее!

После этого падения я на всю жизнь усвоил одно непреложное правило – когда взбираешься на дерево, нужно держаться тремя точками, а четвёртую перемещать. И прижиматься к стволу кедра, как к родному, и он тебя никогда не подведёт. После этого урока я больше никогда не срывался с лесины, хотя перелазил не на одну сотню. В тот раз мы с Васькой, насшибав по мешку шишек, благополучно вернулись домой. Это несведущему человеку кажется, что можно так просто заготовить и привезти мешок шишек. А вы попробуйте в двенадцатилетнем возрасте сначала добраться до кедровника. А потом, «ошманав» пять-шесть кедров, собрать шишки и доставить двадцатипяти-, тридцатикилограммовый мешок домой.

Когда подрос Гошка, то ездили шишковать уже с ним вдвоём и заготавливали до двенадцати мешков. В те годы кедровник каждый год давал урожай, и мы всегда занимались его сбором. И вообще – жили мы с братцем всегда дружно, часто ходили обнявшись и почти все свои дела исполняли вдвоём. Причём, несмотря на то, что Егорушко младше, он был намного шустрее и инициативнее меня во всех непостижимых взрослому уму детских делах. В связи с этим мне припомнился случай, когда ему влетело по «первое число» за боевитость характера.

Как-то летом к тётке Марфе, жившей от нас через дом, приехала погостить из города племянница Людка. Я не знаю, сколько ей было лет, но, по-моему, она выглядела старше нас. Так вот, когда тётка ушла на работу, то Людка закрыла дверь на крючок, и отправилась досматривать свои сны. Однако её персоной заинтересовался четырнадцатилетний паренёк – Сашка. И он решил нанести визит. Идти одному вроде бы неудобно, он уговорил моего братика пойти с ним. Когда наши «донжуаны» пришли и обнаружили закрытую дверь, то стучать не стали, а полезли в дом через вышку. И они так неожиданно появились перед спящей красавицей, что немало перепугали её. Естественно, потом Людка рассказала обо всём своей тётке.

Назавтра мы с Гошкой помогли маме накладывать навоз и увозить его со двора.

– Ребятишки, докладывайте без меня, а я пойду ненадолго к Марфе Андреевне, – и ушла, оставив нас одних. Вернулась она довольно быстро. Но ещё не дойдя до нас метров двадцать, сказала ничего хорошего не предвещающим голосом:

– Молодцы, ребятишки, хорошо навоз возите, вот я вам прутик припасла!

А так как я был постарше и повнимательней братца, то почувал недоброе и крикнул звонким от волнения голосом:

– Много я видел таких прутиков!

И хотя я не знал, за что может быть наказание, сквозанул на всякий случай в росший неподалёку хмель. И, действительно, вскоре раздались громкие вопли Егория.

А я посидел ещё минут пятнадцать и, услышав, что все затихли, вернулся во двор. Мама деловито накладывала навоз, а Гошка, изредка вытирая рукавом всё ещё бегущие слёзы, взбирался на лошадь. Что поделаешь – работа есть работа.

И только когда мама успокоилась окончательно, рассказала, за что сынок получил взбучку. Мне, если всплывает в памяти этот случай, почему-то до сих пор жалко Гошку. Считаю себя виноватым, что не предупредил его о надвигающейся опасности и бросил одного. Надо было вместе бежать в укрытие и отсидеться там. Смотришь, за это время у мамы и злость бы прошла, а братец отделался бы выговором.

Что поделаешь – былого не вернуть, но чувство вины и стыда перед Гошкой не проходит до сих пор. Жалко его, и всё тут!

Однажды мы, человек пять-шесть, пошли за какой-то надобностью на устье речки. Впадала она в Иртыш в километре от деревни, а на самом выходе текла через песчаный пережат, где глубина была всего несколько сантиметров. Когда мы пришли туда, то увидели, что по мелководью, почти по верху, плывёт всякая рыбёшка. Были там и окуни, и чебаки, довольно-таки круп-

ные подъязки и небольшие щурята. Мы тут же поснимали с себя всю одежду, легли друг возле друга и стали ловить руками и выбрасывать рыбу на берег. Ох, и щёкотно же было, когда какая-нибудь рыбёшка подплывала под живот или куда пониже. В общем, рыбацкого азарта и визгу было предостаточно. Наловили мы таким образом ведра два, а в чём унести её домой, не знаем. Тут кого-то осенило завязать воротники у рубахи и сложить туда рыбицу. Но когда пришли домой и решили похвастать уловом, то оказалось, что больше половины растеряли. На следующий день по дороге на устье речки нам частенько попадались облепленные мухами рыбины. Однако на этот раз вернулись ни с чем, рыба уже прошла.

Неподалёку от нашей деревни находилось длинное живописное озеро – Ячина, и мы частенько ходили к нему, хотя никакими делами там вроде и не занимались. По всей видимости, просто любовались красотой, и только. А любоваться было чем: на всём его протяжении росли лилии, а по правому, более высокому берегу, волновалась под ласкающим тёплым ветерком подрастающая пшеница. И стояла благодатная тишина, нарушали которую деловитым жужжанием шмели, пролетающие по известному только им маршруту. Уток на озере в это время года не видно, так как они занимаются серьёзной работой – выводением потомства. Но позднее частенько встречаются выводки утят во главе с заботливыми мамашами.

Вообще-то, все ребятишки в нашей семье умели ценить красоту уже с малых лет. Сначала мы ходили на озеро с Гошкой вдвоём, но когда появилась сестра Аня, а попозднее Валя, то они всегда напрашивались с нами в «культпоход». Особо ярких выразительных цветов в нашей местности нет, но меня всегда поражали изяществом цвета и формы невысокие цветики – колокольчики.

А ещё при цветении восхищает своими нежно-белым соцветиями калина, и я про неё даже песню написал. Отдельной строкой мне так же хотелось бы помянуть траву зубровку.

Встречается она у нас довольно-таки редко. Это невысокая ярко-зелёная травка, похожая на пырей, но издаёт такой неповторимый запах, что его не спутаешь ни с каким другим. А если её заварить вместо чая, да ещё с рафинадом старого образца, то полнейший кайф обеспечен. Конечно, на земле много прекрасных мест, но живописнее и роднее нашего нет. Сейчас я лишь чуть-чуть приоткрыл занавес над окружающей мой детский мир картиной, однако в дальнейшем вернусь к этой теме ещё не раз. Потому что природа каждый раз смотрится по-иному не только в различные месяцы года, но даже в разное время суток.

Простите, за природой я совсем забыл рассказать вам о том, как учился. У своей первой учительницы помню только фамилию – Морозова. Относился я к ней с большим уважением и любовью, но, к сожалению, она вскоре уехала. А нас стала учить полная пожилая женщина – Тихонова Екатерина Михайловна. В общем-то, учительницей она была хорошей, но Морозову я любил больше, и, может, именно поэтому съехал из отличников в середнячки. Учился на твёрдые тройки и четвёрки, конечно, иногда проскакивали и «двоекуровы», но весьма редко. Надзора за нами, естественно, никакого не было, а играть – так хлебом не корми. Гошка учился чуток получше меня, но для этого мне пришлось сначала немало помогать ему.

Вы спросите, влюблялся ли я тогда? Ещё как влюблялся-то! Не минула сия горько-сладкая чаша мою юную неокрепшую, но пылкую душу. Среди зимы к начальнице почты приехала на житьё и обучение в третьем классе её младшая сестра – Галька Казаринова. Была она посимпатичнее местных девчонок, и я безоглядно влюбился, однако успеха не имел. Но даже в четвёртом классе я, глядя на неё, всё ещё неравнодушно дышал.

А потом она куда-то уехала. Сейчас немного грустно и смешно вспоминать наивность тех чувств, а тогда в моей душе кипели нешуточные страсти. В меня же, это я понял много лет спустя, втюрилась дочь продавщицы – Валька. А такой вывод я сделал,

потому что она иногда шила какие-то кулёчки, клала туда конфеты и дарила мне, но я, видимо, не сумел оценить робкие потуги выражения её чувств. Гальку же Казаринову я встретил, отслужив в армии, на речном трамвайчике, но не подошёл. Не подошёл не потому, что были какие-то обиды, а просто повзрослевшей она мне не понравилась. Сейчас зрелым умом понимаю – надо было всё-таки подойти, как-никак – одноклассница.

Из школьной жизни мне припоминаются ещё октябрьские праздники. Собственно, не сами праздники, а то, что они были неразрывно связаны с недельными каникулами. И мы каждый год в начале ноября шли через реку, рискуя провалиться под тонкий неокрепший лёд. Но, видимо, Господь надёжно охранял наши безгрешные души, и никто не провалился ни разу.

А вот встречи Нового года, вернее, новых годов той поры я вспоминаю с особенной теплотой. Электричества в Луговой Субботе, впрочем, как и в нашей деревне Шалимово, не было, но даже при свете керосиновых ламп казалось, что, установленная посередине клуба ёлка сияет сказочным неземным светом. Мы водили возле неё хоровод, пели разные песни, а у самих на уме было только одно желание – скорей бы этот неповоротливый Дед Мороз раздал подарки. А то развел, понимаешь, со Снегурочкой какую-то бодягу – заставляет читать стихи, разгадывать загадки. Нет, чтоб сразу осчастливить – и вся недолга. Наконец, когда все стихи рассказаны, танцы исполнены, Морозный Дед вытаскивает объёмный мешок из-под ёлки и вручает каждому новогодний подарок. И хотя было в куляках всего граммов двести конфет да пара пряников, для нас это целое состояние. Мы с Гошкой открывали наши сокровища только по-приезду домой, сравнивали, у кого сколько, и ели помаленьку – растягивали удовольствие. И любили мы Новогодний праздник ещё за то, что он сопровождался двухнедельными каникулами. А для нас это просто счастье – побыть столько времени дома.

После майских же праздников мы уже начинали считать де-

нёчки, оставшиеся до летних длинных, как целая эпоха, каникул. И вот, бывало, приезжаешь домой, речка уже в разливе, а в упоительной тишине чувствуется умиротворённая благодать. И тебя встречает знакомый и в то же время такой обновлённый родной и уютный мир. И нет границ восторгу в твоей детской, понимающей эту Господню благодать душе.

Но вот, наконец, четыре класса окончены, меня перевели в следующий класс. Надо ехать учиться в другую деревню, однако, это уже другой этап жизни, другая обстановка и другие истории. Только с Луговой Субботой я не прощаюсь, потому что ещё долго буду ездить в эту деревню – то на танцы, то в магазин, на почту, да и вообще, за разными другими надобностями. Как бы там не было, но об этой деревне у меня в памяти остались навсегда хорошие воспоминания. Желаю всем, ныне живущим где-то её жителям добра, достатка и благополучия.

Вдоль дороги по берегу речки,
Словно в сказке темнеют дома,
И стремятся к дороге крылечки,
А дорога та в даль влюблена.

Та дорога уходит в туманы,
Мимо речки в полях забытьё,
Не ведёт она в дальние страны,
Она в сердце уходит моё.

Родина (вдалеке родительский дом).

Тугалово, и не только

Итак, в конце августа пятьдесят восьмого года мы с мамой приехали в село Тугалово, расположенное вверх по Иртышу в семи километрах от нашей деревни. Там она привела меня в интернат и, сдав на попечение технички, в тот же день вернулась домой на речном трамвайчике. Возможно, кто-то не знает, что это за вид транспорта, так я поясню. Дело в том, что в период навигации можно было добраться от одной пристани до другой только на нём. Брал он на борт человек пятьдесят-шестьдесят и шёл со скоростью километров пятнадцать в час. Имел верхнюю и нижнюю палубы, а также на нём всегда работал буфет, в котором кроме продуктов продавали вино и пиво. Сколько таких трамваев обслуживали линию Ханты-Мансийск – Демьянск, я не знаю, но помню, что были теплоходы т-17, т-19, т-23.

Ходили они вверх и вниз по Иртышу каждый день. Трамвай со стороны Ханты-Мансийска приходил к нашей пристани около семи часов утра, а так как он мог прийти и раньше, то в шесть мы уже были на пристани. Конечно, он в силу разных обстоятельств почти всегда опаздывал на час-другой, но что поделаешь – расстояние-то больше двухсот километров. А со стороны Демьянска этот транспорт приходил в час дня, так что в субботу после школы мы всегда на него успевали. По чьему-то головоотяпству нашу деревню не включили в список пристаней, где трамваи должны были останавливаться, и нам приходилось подмахивать их. А если садились на другой пристани, то ходили в рулевую рубку и просили, чтоб нас высадили. Однако надо отдать должное командам этих теплоходов: если были пассажиры, они всегда делали остановку.

Вот опять отвлёкся, но продолжаю...

Итак, я остался в интернате, а когда техничка ушла в свой закуток, огляделся. Жилище, в стенах которого мне предстояло провести три года, вернее, время обучения с пятого по седьмой классы, представляло собой дом, разделённый на три комнаты. Прихожая, в которой стояло несколько столов, где мы потом и ели, и уроки учили. По правую руку, как зайдёшь, была большая комната, в ней стояло десятка два железных коек с матрацами, заправленными одеялами. Посередине дома возвышался камин, а за ним отгороженная перегородкой комнатка технички. Рядом небольшая кухонька, вот и все апартаменты.

Ближе к вечеру стали собираться ученики из деревень Нижний Роман, Застарица, Власово, Горная Суббота и Луговая Суббота. С кем-то я был уже знаком, а с остальными перезнакомился в ходе нашего совместного проживания. Жили в общем-то дружно, играли в разные игры между собой, но и с местными ребятами у нас тоже были хорошие отношения. Вы спросите, как мы питались? Да как придётся. Никто нам ничего не готовил, что привезёшь из дома, тем и заговляйся.

Мой недельный запас продуктов состоял, к примеру, из двух-трёх караваев хлеба, полведра картошки, какой-нибудь солёной рыбы, калачей из серой муки и бутылки молока. Его я, кстати, не любил и не люблю до сих пор. Давали нам родители какие-то деньжонки на проезд в трамвае и оплату за проживание в интернате. И если от этого оставались копейки, то мы ходили в кино, которое привозили раз в неделю.

Жили, в общем-то, нормально. Играли интернатские ребята всегда вместе, но часто к нам присоединялись и местные: как-никак, мы всё-таки организация. Когда я стал учиться уже в седьмом, а Гошка в шестом классе, в школе начали продавать свежий белый хлеб. Только мы с братцем почти никогда не покупали его – просто не на что было. Конечно, кое-кто из ребят отщипывал нам от своей порции, но разве этим наешься? А

запах свежее испечённого хлеба всё плыл и плыл дурманяще по школьным коридорам и классам, и безумно хотелось есть. Ну, как тут хорошо учиться, если утром соскочишь с постели, умоешься и, не позавтракав, бежишь в школу. Уроки заканчивались где-то около двух часов, и к этому времени в глазах темнело от голода. Почему мы не брали с собой хоть кусок своего чёрствого хлеба – ума не приложу. Придёшь из школы, похватаешь того-другого – и за уроки. Если топились печка, то варили картошку, а потом – голод не тётка – обжигаясь, съедали полусырую. Зимой было попроще, так как родители нам всегда клали с собой пару небольших кусков свинины. Принесёшь, бывало, её мёрзлую из кладовочки, нарежешь тонкими пластиками и с солью да с чёрным хлебом торопливо ешь, нет, не ешь, а хватаешь, аки голодный волк добычу. Продуктового общака у нас не было, но делились друг с другом всегда.

Наконец, уроки сделаны, и остаётся пару часов для наших детских утех. И каких только фортелей наши соображалки не придумывали. Осенью играли в войну, нет не в войну, а скорее всего, в армию. Пришивали себе погоны с соответствующими воинскими званиями, от сержанта до полковника, и ходили со знаменем строем. То делились на две армии, ходили в разведку, но сражений не делали, а просто играли по определённым правилам. А когда выпадал снег, катались с крутояра на лыжах, причём внизу обязательно был трамплин, который не каждый мог осилить без падения. Я же принадлежал к касте тех бедолаг, кто падал с трамплина почти постоянно. Один раз так «удачно» приземлился и до того зашиб руку, что не смог писать. Два дня не ходил в школу. Конечно, я катался снова после этого, но уже с большой опаской. Весной же, как только появлялись большие лужи, мы начинали мастерить корабли с парусами из бересты. И получались они у нас весьма недурственными. Причём паруса на этих фрегатах поворачивались под разным углом к ветру. Как-то раз наш учитель и по совместительству воспитатель Иван

Аверкиевич установил паруса таким образом, что наш кораблик пошёл почти против ветра. И мне запомнился на всю жизнь этот маленький фрегатик, упорно идущий наперекор стихии.

Я сейчас упомянул только имя и отчество нашего учителя и воспитателя, но этот человек заслуживает более подробного описания.

Итак, Иван Аверкиевич Колмаков преподавал у нас, по-моему, географию, а также по совместительству был воспитателем в нашем и девчоночьем интернате. Он каждый вечер приходил к нам и сначала помогал кому-нибудь с уроками, а потом... О-о-о! Читал такие захватывающие книги, что название одной из них – «Берегите литер «А» – я помню до сих пор. Играл с нами в шахматы, правда, каждый раз кому-то из нас ставил мат. Но однажды я всё-таки умудрился «воткнуть» мат и Ивану Аверкиевичу. Он сначала удивлённо уставился на меня, потом снял очки, протёр, снова надел. Внимательно рассмотрел расстановку шахматных фигур, затем встал и, пожав мне руку, обречённо сказал:

– Молодец! Признаю безоговорочную капитуляцию!

Однако это не помешало ему на следующий день нанести мне сокрушительное поражение. Был Иван Аверкиевич добрым, отзывчивым человеком. Он всегда находил какой-то способ решить любые наши проблемы.

Я не знаю, жив ли он теперь. Если да, то дай Господь ему здоровья и долгих благополучных лет жизни. Ну, а коли уж нет, то пусть мои добрые воспоминания помогут ему там, в царствии небесном. Также не грех помянуть хорошим словом моих учителей Тугаловской семилетней школы: Тиунову Капитолину Григорьевну, Чернякова Алексея Васильевича, Батенёву Зою Павловну, Патрушеву, по-моему, Нину Фёдоровну и Батенёву Нину, кажется, Павловну. Ну, если уж я начал перечислять хороших людей, то хочу сказать слова благодарности Пуртову Василию Григорьевичу. Он в те годы работал на колхозном полуглиссере БМК и всегда привозил нам какие-то посылочки от родителей, а когда было попутье, то подвозил и нас.

Ну, коли я завёл речь о моём обучении и проживании в Тугаловском интернате, не могу не сказать несколько слов о нашей техничке тётё Дусе. Воспоминания, к сожалению, весьма и весьма негативные. Это была женщина лет сорока пяти, невзрачной наружности, но крепкого телосложения. Я недаром здесь упомянул о её физических данных, дело в том, что очень уж она резво гонялась за нами с конским путом. Путо – это верёвка серьёзной толщины, длиной сантиметров 70–80, на одном конце завязан увесистый узел, а на другом – петля. Однажды техничка так «ожгла» этим орудием возмездия моего братца Егорушку, что он взвыл. Конечно, мне стало жалко его, и я тоже заплакал. А когда пришёл Иван Аверкиевич, то и высказал ему сквозь слёзы все наши обиды на техничку. Он как-то всех успокоил, а потом без нас, видимо, сделал ей внушение, и больше конское путо в её руках не видели. Мы все, проживающие в интернате, тихо ненавидели тётю Дусю и за глаза прозвали «Дла пробы», почему именно так – не помню. Безусловно, сейчас в чём-то я оправдываю её действия, всё-таки удержать хоть в какой-то узде два десятка пацанов не так просто. Дай нам волю, так на головах ходить будем.

Ни мужа, ни детей у неё не было, а это, естественно, тоже оказывает не самое хорошее влияние на характер. Но в интернате всегда было чисто и тепло, хотя мы, по-моему, тогда этого не замечали.

Да, ещё забыл рассказать о том, что в Тугалово тоже был свой гармонист – Федька по прозвищу Петух. Прозвали его так за бабий голосок, да он и играл-то так же – не играл, а пилил, и лугово-субботинскому гармонисту Венку в подмётки не годился.

В эту же пору наши деревни объединили в один колхоз с центральной усадьбой в Тугалово. Председателем выбрали или, можно сказать, назначили Гудожникова Петра Васильевича, под руководством которого в дальнейшем я проработал около трёх лет. Чем-то особенным Тугалово мне не запомнилось, разве

только тем, что это длинное вытянувшееся вдоль Иртыша село. Народ там обычный, только мне почему-то больше импонируют жители наших трёх деревень – Шалимово, Луговая Суббота и Горная Суббота. Возможно, потому что когда-то это был один колхоз, да и находились деревеньки ближе друг к другу, а отсюда и общение чаще.

Сейчас из всех деревень осталось одно Тугалово. И народ там сейчас живёт другой – наполовину приезжий. Да и время другое, и условия жизни другие, так как в девяностые годы колхоз развалился, и каждый теперь выживает, как может. За рекой, напротив Тугалово, подвели бетонную дорогу и как бы соединили с Большой землёй. Хуже это для местных жителей или лучше, судить не берусь. С одной стороны, дорога – это хо-

рошо: поезжай, куда хочешь, а с другой: едут с Волги да Камы на рыбалку и заполонили все озёра.

Я сейчас перескочил из одного времени в другое, но это потому, что к теме Тугалово вернусь разве что вскользь, а хочется рассказать обо всём, что помню. Итак, я перехожу к следующей главе. А пока семь классов окончены, и меня ждёт новая неизведанная жизнь.

Я с дружкой Ю. Медведевым.

Всё однажды куда-то уходит,
Как в туманы уходит закат,
Так и хочется крикнуть: «Ну, где ты?
Почему не вернёшься назад?»

Почему не откроются двери
Той поры, что ушла в забытье?
Нет туда даже маленькой щели,
Бьётся в стену сознание моё.

Бьётся молча и молча страдает,
Только боль и кругом темнота.
Кто же в прошлое выход скрывает?
Да и есть ли дорога туда?

Шалимово и Соколовка

Прежде чем повествовать о том, как сложилась моя судьба после окончания школы, я хочу сначала перечислить и охарактеризовать всех жителей нашей деревни. А заодно поведать, какими делами мы с Гошкой занимались дома в летние каникулы. Ведь мы стали старше и, естественно, круг интересов у нас стал другим. Жителей в деревне можно было по пальцам пересчитать, так что много времени на описание образов и характеров я не займу.

Начну, пожалуй, с самого интересного, на мой взгляд, жителя – Пуртова Ивана Петровича. Был он невысоким, крепкого телосложения, лысым и сильно глухим старичком. Иной раз немало приходилось покричать, чтобы спросить о чём-то или что-то передать. Однако тётя Рая, его жена, тихонько говорила ему на ухо, и он её прекрасно слышал. Сколько я помню, в колхозе он не работал, наверное, был на пенсии, хотя начислять её в сумме двенадцать рублей пятьдесят копеек стали только в семидесятых годах. Он всегда, и летом, и зимой, ловил много всякой рыбы, в том числе и стерлядь. По весне ставил пленицы на уток, и, вероятно, неплохо добывал, т.к. если у них случалось застолье, то блюдо, пусть из солёных уток, было всегда.

Характер имел скрытный, пожалуй, даже очень скрытный, но жадным не был. Наши семьи отмечали праздники или застолья всегда вместе. Когда-то по молодости дядю Ваню мобилизовали в колчаковскую армию, но он, немного поучаствовав в каких-то карательных акциях, сбежал оттуда. А мой дед по отцовской линии – Степан Фёдорович, возвращаясь после трёхлетнего пребывания в немецком плену во время Первой мировой, на-

оборот – повоевал за красных. Возможно, поэтому, когда дядя Ваня и мой отец были в крепком подпитии, то папаня косарил его в хвост и в гриву, называл бандитом и т.п. Однако из-за своей тугоухости Иван Петрович не обращал никакого внимания на его брюзжание, а негромко рассказывал о чём-то своём. Рассказы же его все были про дела давно минувших дней. Жаль, что я ничего не запомнил. К нам с Гошкой он относился всегда хорошо и, когда мы, уже повзрослевшие, приезжали домой, то непременно звал в гости. А когда почти все жители разъехались, самыми верными своей деревне остались две семьи – Ивана Петровича и наша. И так деревенькой в два дома они жили ещё несколько лет.

Жена дяди Вани тётя Рая была полноватой добродушной женщиной. Я ни разу не слышал, чтоб она с кем-то ругалась. Однажды они с мамой решили загнать овец во двор для стрижки. Тётя Рая осталась караулить, вернее, преграждать дорогу бегущему стаду и направлять в нужное место, а мама пошла их подгонять. Однако овцы лихо промчались мимо, несмотря на все попытки заградотряда повернуть фронтальное наступление животных во двор.

– Ну и ворона же ты! – крикнула в сердцах мать.

– Но ты соков! – отпарировала с улыбкой тётя Рая (она не выговаривала букву «л»).

Совместных детей у них не было, а только сведенные. Старшие разъехались кто куда, а с ними жили только дочь Ивана Петровича Лена, да сын тёти Раи Васька (о нём я уже упоминал). Лена была на два года старше меня. Она окончила школу, потом пединститут. Вышла замуж за хорошего человека и сейчас живёт в Тюмени. О судьбе же Василия я толком ничего не знаю, но, если не ошибаюсь, то она трагическая. Доживали свои последние годы дядя Ваня с тётей Раей у старшей дочери Катерины в Увате, там они и похоронены – царство им небесное.

В следующем доме жила семья Виталия Переплёткина. Сам

он много лет работал у нас в деревне трактористом и был весёлым юморным человеком. Причём талантом по части юмора обладал, наверное, от Бога. Он мог перефразировать любого с интонациями в голосе, присущими «жертве» его юмора, при этом добавлял чего-то своего, да так, что, бывало, люди катались от смеха. Сам же при этом даже не улыбался. Однажды к нему пришёл Леонид Фёдорович прочесть письмо от племянницы. А принёс послание, потому что почерк не мог разобрать. Виталий сначала молча прочитал письмо. В котором, в частности, муж племянницы Александр сообщал, что устроился в горком партии конюхом, а Шура у него помощником. Потом он приступил к чтению уже вслух. Когда дошла очередь до того, где и кем работает муж племянницы, Переплёткин, не моргнув глазом, прочитал буквально следующее:

– ...А работаю я теперь в горкоме партии пятым секретарём, а Шура моим заместителем по гужевому транспорту.

– Да-а-а, далеко пошёл Олександро! – хвастливо воскликнул дядя Лёва и добавил: – Он ведь ужас какой грамотной!

Был Виталий моложе всех мужиков в нашей деревне, но страдал то ли язвой желудка, то ли иной какой напастью, и его иногда крепко прихватывало. Возможно, в последствии и умер от этого в больнице Увата, прожив не очень долгую, но хорошую жизнь.

Его жена тётя Галя приехала в нашу деревню из Нижнего Романа с двумя детьми, Федькой и Нинкой. Виталия назначили к нам трактористом, и они вскоре поженились. Потом у них родилось ещё двое совместных детей – Костя и Ленка, но с ними мне общаться не довелось – возраст не тот. А вот с Федькой! Ну, этот был у нас с Гошкой за третьего брата. Он всегда таскался с нами на охоту со своим ружьишком тридцать второго калибра. И вообще, мы даже частенько спали все вместе на полатах. Нам было удобно возжаться с Федькой, т.к. он был младше нас и с охотой выполнял какие-то поручения. А Нинка была дружна с

моей сестрой Аней, и они всегда играли вместе. Эти хорошие отношения они поддерживают до сих пор. Сейчас Нина со своей семьёй живёт в Тугалово, и Федя тоже часто там бывает, хотя семья у него где-то в другом месте. Когда я в 2009 году ездил проводить творческую встречу с земляками, то виделся там с ними обоими.

Простите, но я не досказал про тётю Галю. Это была женщина приятной наружности, с округлыми, какими-то уютными телесными формами. Она в бытность свою в Нижнем Романе даже на комбайне работала. Одним словом, хорошая уравновешенная женщина. Костю, к сожалению, то ли убили, то ли сам умер – я не знаю. В общем, похоронены мать, отец и сын в Тугалово, и могилки у них огорожены одной оградкой.

А Лена живёт с семьёй в Горно-Слинкино Уватского района, и, по слухам, живёт неплохо. Ну и дай Бог ныне здравствующим членам семьи Переплёткиных всего самого доброго.

Дальше, через заброшенный дом, жила семья Вторушина Ивана Павловича. Приехал он в нашу деревню из Горной Субботы и долгие годы работал бригадиром. Как говорится, о покойниках плохо не говорят, но кривить душой я тоже не могу, как было – так и было. Был Иван Павлович среднего роста и такого же телосложения, и в те времена он, возможно, уже разменял пятый десяток жизни. Конечно, он, как и все, много трудился в колхозе, и гуляли иногда вместе, тем не менее у него много было подленьких черт характера. Я не буду описывать, в чём они выражались, достаточно сказать, что он держал самых злых собак в деревне. И умер-то Иван Павлович не совсем ладно. Однажды решил, пока жены нет дома, втихаря опохмелиться, ну и выпил комариную мазь вместо самогона. Похоронили его в Горной Субботе.

Жена его – тётя Шура – ничем особенным не отличалась, просто работала в колхозе и близко ни с кем из деревенских не дружила. Были у неё и дети – Сашка с Нинкой, но не родные, а Ивана Павловича. Где и как она закончила свой век, я не знаю.

Сашка мне запомнился тем, что изумительно пел. Сейчас, обладая таким голосом, он непременно бы пел где-нибудь на сцене. Как это не прискорбно, но впоследствии он покончил жизнь самоубийством.

Нина после окончания семи классов уехала в Цингалы к родственникам, которые, возможно, чтоб избавиться от обузы, выдали её в четырнадцатилетнем возрасте замуж. Сейчас она живёт всё в тех же Цингалах. Вот и всё, что я могу сказать об этой семье.

На краю деревни, чуток на отшибе, проживал с женой Татьяной Вторушин Леонид Фёдорович. У него не было руки, её оторвало на фронте во время Отечественной войны. Он единственный из всех жителей деревни получал пенсию по инвалидности. Но, несмотря на своё увечье, он как-то умудрялся ставить сети и ловить рыбу. Держали они также и свиней, и корову. Конечно, наши деревенские ему всегда чем-нибудь да помогали. Однако по натуре он был жадноватым. Как-то раз мой братец Гошка накосил ему конной косилкой на стог сена. А на это, как минимум, полдня затратить надо. А дядя Лёва отблагодарил его одним чаем с сахаром. Ну, хотя бы конфет каких-нибудь дал, что ли? Братуха, видя, что угощение не соответствует проделанной работе, решил сам отблагодарить себя дяди Лёвиным сахаром:

– Ладно, дядя Лёва, когда я сахар дома выложу, так потом котомку принесу!

– К едрене матери тебя, да и вместе с кошениной! – сразу взвился, отбирая котомку, Леонид Фёдорович.

Но это просто черта его характера, на самом деле это был нормальный добрый человек. Как-то мы гуляли у них по случаю дня рождения тёти Тани, и когда сели за стол, то дядя Лёва, видимо, немного ошибившись, встал и поздравил жену:

– Но, ладно, Татьяна, вечная память!

– И тебе, Лёушко, земля пухом! – не растерялась Татьяна.

Тётя Таня на колхозные работы не ходила, потому что со здо-

ровьем у неё было не всё в порядке. Но это не помешало им обоим дожить до глубокой старости. А жили они в последнее время у моей двоюродной сестрицы Людмилы и похоронены в Тугалово. Окажи им Господь милость там, где они находятся!

Таким образом я описал в общих чертах почти всех жителей нашей деревни, за исключением самых главных – моих братьев и сестёр.

Старший брат Анатолий до армии работал в колхозе на тракторе, а после уехал в город Ленинск-Кузнецкий. Там и работал всю жизнь в шахте, вплоть до самой пенсии. Пока были живы родители, приезжал в отпуск. Потом начались лихие девяностые, и больше он к нам не ездил. Умер в шестьдесят с небольшим лет, видимо, работа в шахте дала о себе знать.

Старшая сестрица Зоя тоже уезжала в город Ленинск-Кузнецкий и там вышла замуж. Потом вернулась в родные края вместе с мужем, который, к сожалению, крепко выпивал. В конце концов, пожив в нескольких деревнях, они разошлись. Затем Зоя вышла замуж второй раз, но лет через десять второй муж умер. Дальше она жила уже одна. Вырастила двух дочерей – Марину, от первого брака, и Катю, от второго. Умерла Зоя тоже рано, в шестьдесят лет от рака груди, и похоронена в Тюмени.

Младший братишка Гоша после окончания восьми классов поступил в мореходку на штурманское отделение и окончил его. Ходил на судне в разные места, в том числе и за границу. Однажды, рассказывал он, пришли в Канаду. Капитан пошел навестить своего знакомого и взял его с собой. Там Гоша познакомился с сыном канадца – Гарри – и пригласил его на судно. Они, естественно, выпили, а потом братец свёл этого «Гарри» с буфетчицей. Но сей проступок от команды скрыть не удалось. И на обратном пути было организовано партийное собрание, на котором в адрес моего брательника прозвучали неприятные слова укора:

– ...А вот третий штурман дошёл до того, что буфетчицу в объятия капиталиста кинул.

Но это так, к слову, просто маленький эпизод из его насыщенной, разнообразной жизни. Повидал он многое и многих, так что вспомнить есть о чём. Потом Гоша окончил морской институт и долго работал капитаном дальнего плавания.

Сейчас живёт во Владивостоке и работает в какой-то судоходной компании, но в море уже не ходит. Женат, имеет дочь Катерину. В гости приезжает редко, но в 2008 году приехал к нам в Ханты-Мансийск и пожил довольно-таки долго у сестры Ани. Приедет ли он снова в гости – одному Богу известно.

Средняя сестра Аня окончила с красным дипломом сельхозинститут, работала на разных должностях. В том числе и в горкоме партии. Сейчас находится на пенсии и живёт с мужем – Виктором Бехтеревым в городе Ханты-Мансийске. Недавно они купили квартиру на юге и, возможно, скоро уедут туда жить. Есть у них и сын – Андрей.

Младшая сестрёнка Валя окончила педучилище в городе Ханты-Мансийске. Работала воспитателем в посёлке Бобровский. Потом там же приняла библиотеку, заработала гранд губернатора и стала почётным гражданином Ханты-Мансийского района. Имеет двух дочерей – Ирину и Алёну. И сейчас работает и живёт с мужем Володи Родионовым в посёлке Бобровский.

А сейчас я расскажу ещё немного о моей деревне и про местность, которая её окружала. Деревня Шалимово Уватского района стояла (пишу в прошедшем времени потому, что её уже четверть века как нет) на берегу живописной речки, а параллельно, метрах в ста, течёт Иртыш. Особенно красиво смотрелась наша деревня на фоне речки в разливе. Весной вода подступала чуть ли не к самым домам, и они величаво, как-то монументально отражались в спокойной её глади. На другом берегу невестилась в белом наряде черёмуха, распространяя дурманящий аромат, неотрывно смотрела в серебряное зеркало вод и не могла наглядеться. Могучие ивы, пусть не так кра-

сочно, но тоже отражались зелёными облаками в бесконечно щедрым на краски зеркальном плато речки.

А наш сор, знаменитый на всю округу, непревзойдённо хорош, особенно осенью. Вернее, не сам сор, а окаём, величаво окружающий его со всех сторон разноцветной стеной немыслимой окраски. И если долго вглядываться в это великолепие, то глазам становилось больно. У меня навсегда сохранился в памяти сюжет, когда мы с Сашкой Ивана Павловича выехали на берег сора, торжествующего красотой, и он запел своим изумительным, чуть глуховатым голосом: «Замела и завьюжила хаты...».

На полях колосились рожь и пшеница, выделяясь золотыми полянами в нескончаемой зелени окружающего мира. Кое-где проглядывали округлые головы стогов сена, они как бы стояли в дозоре, и казалось, что надёжнее охраны быть не может вообще. Иногда из непонятно какой дали, доносился однообразный голос кукушки, который изредка перебивал звон колокольчика на одной из пасущихся неподалёку коров. Невысоко над землёй кружились деловитые стрекозы, создавая умиротворённость и какую-то уверенность в неизбежности повторения земного рая в завтрашнем дне.

На расстоянии километра-двух от деревни находилось до десятка озёр, богатых рыбой и, конечно, утками. Весной и осенью они так низко и часто пересекали тихое утреннее или вечернее небо над деревней, что, казалось, вытяни руки повыше – и обязательно поймашь какую-нибудь крякву. А иногда в августе клубился причудливыми формами невысокий туман и создавал ощущение такой картины счастья, что радость просто переполняла грудь.

Ну, ладно, хватит, а то я уж слишком увлёкся красотами природы, хотя писать о ней можно бесконечно. Итак, снова вещаю о себе любимом. Начиная с шестых-седьмых классов, мы с Гошкой стали во всю охотиться с ружьём на уток и тетеревов,

которых осенью много водилось на полях. Конечно, не всегда приходили с добычей, чаще всего палили в белый свет, как в копейку. Удача сопутствовала нам примерно один раз на десять выстрелов. И опять же Гошка был в этом деле удачливее меня, впрочем, как и в некоторых других делах. Одно время занялись на полях ловлей кротов при помощи собаки, вернее, мы были у неё в помощниках, т.к. только собирали за ней добытых зверьков. А добывали для того, чтобы сдать шкурки заготовителю и получить за них какие-то небольшие деньги, которые потом отдавали маме. Ловили ради спортивного интереса на удочку рыбу, которую и так в достатке добывал сетями отец. Но сети это одно, а вот крупный окунь на удочку – совсем другое дело. Конечно, у нас было множество других занятий, ведь для этого в деревне неограниченные возможности.

Сразу после окончания школы меня поставили работать прицепщиком. Пахали в то время не навесными с гидравлическим приводом плугами, а прицепными. На таком сельхозорудии я и трудился. Работа не тяжёлая, но шумная и однообразная. Пахали почти всегда на одну и ту же глубину, поэтому колесом управления заглублением приходилось пользоваться редко. В мои обязанности входило только включать и выключать плуг в конце поля на поворотах. Так как днём пахать было жарко и трактор перегревался, то работали по ночам. Конечно, безумно хотелось спать, особенно на рассвете, но как-то и эта напасть превозмогалась. Однажды мы рано утром возвращались домой, и тут вспыхнула заря, да такая, какой я ни до, ни после не видывал.

Небо на востоке почти на четверть своего серо-голубого утреннего купола окрасилось нежно-алым цветом, постепенно переходя ближе к кромке горизонта в сочно-розовый. Кустарники и деревья стали тёмно-тёмно-зелёного цвета. Дома в этом розовом сиянии казались большими кораблями, плывущими то ли в сказку, то ли из сказки, и лишь кое-где появившиеся первые

дымки из печных труб указывали на то, что этот сказочный рай находится на земле. Рубиново блестела вода в речке и с неподвижным спокойствием отражала свалившуюся с небес благодать. Эта заря до того крепко впаялась в мою память, что я по прошествии многих и многих лет написал стихотворение, которое заканчивается словами:

...И в это небесном святом озареньи
Горели озёра, леса и поля,
И в свежести утра, в хмельном упоеньи
Душа ликовала моя.

Вот на такой романтической ноте я пока заканчиваю писать о моей любимой деревушке Шалимово с её славными жителями и перехожу к следующему разделу этой главы. Возможно, недолговременная работа на прицепном плуге или запах свежеспаханной земли и определили мою дальнейшую судьбу. А трактор мне тогда вообще казался каким-то непостижимо сложным механизмом, и мне захотелось обязательно постичь эту премудрость и научиться управлять им.

Лето я проработал, как обычно, на покосе, но уже на конных граблях – как бы поднялся на одну ступень выше по трудовой лестнице, какой-никакой, а всё-таки «мэханызм», да?! Впервые за долгие годы мне не надо было в школу, и я осенью вдоволь поохотился на уток. До марта помогал родителям на разных работах, а потом уехал учиться на тракториста в Соколовку – это небольшой посёлок в десяти километрах от Тобольска. Небольшой, в том смысле, что местных жителей там не так уж и много, в основном все они работали в УМСХ-4 (училище механизации сельского хозяйства). А само училище было весьма и весьма солидное, только одних курсантов обучалось до трёхсот человек, да и учебно-производственная база имела немало всевозможной техники.

Я прошёл в Тобольске медкомиссию и стал сдавать документы в учебную часть. Набор шёл в две группы, по тридцать человек в каждую. Однако в первую группу я не попал, потому что заартачился мастер производственного обучения, т.к. мне не было шестнадцати лет. Мои сверстники оказались поумнее и понабирали себе справок, что им по шестнадцать, и родители находятся у них на иждивении. И, как оказалось, не зря – стипендия-то была почти на десять рублей больше. Когда набрали первую группу № 10, то стали записывать в следующую – одиннадцатую. И тогда кто-то из ребят постарше, видя, что я стою и чуть не плачу, подтолкнул меня к двери в приёмную:

– Иди, иди давай, никуда они не денутся – примут!

И, действительно, мастер набираемой группы оказался вполне нормальным молодым человеком. Виктор, если не ошибаюсь, Иванович пояснил комиссии, что учиться предстоит целый год. К выпуску мне уже исполнится шестнадцать, поэтому можно зачислять.

Набралось нас поначалу человек двадцать, но в течение недели подъехало ещё десять. Расселили всех в отдельном общежитии, в двух больших смежных комнатах по пятнадцать человек. Кормили три раза в день, и кормили очень хорошо. Позднее, уже в армии, я не раз вспоминал и ту нашу столовую, и те сытные обеды.

Раз в десять дней ходили всей группой в баню и меняли постельное бельё.

Вскоре выдали форменное обмундирование. Мне достались чёрные брюки и синяя гимнастёрка, от которой все отказывались, а потом завидовали, она выгодно отличалась своим цветом от чёрной. И стали мы изучать устройство тракторов, комбайнов, автомобилей, агротехнику, электрику, ну и сельхозорудия различного назначения.

Через два месяца начались практические занятия по регулировке клапанов, запуску двигателя и первые робкие попытки

вождения. На уроках по слесарному делу мы обтачивали ключи и делали из литых заготовок плоскогубцы. В конце мая всех курсантов нашего училища направили по своим деревням для прохождения производственной практики. Я прошёл её в нашей деревне на тракторе ДТ-54 под чутким руководством Виталия Переплёткина. За это время научился неплохо заводить и управлять трактором. В нашей деревне тогда ещё был прицепной комбайн «Сталинец-б», и мне довелось потаскать трактором эту реликвию по хлебному полю. К первому сентября вернулся в Соколовку доучиваться, но ещё несколько дней занятий не было, ждали, пока все соберутся. А потом через две недели нашу группу вновь отправили работать в подшефную деревню нашего училища – Верхнее (или Нижнее) Филатово. И нам пришлось возить тракторами чернозём и разбрасывать его вручную по полю.

Там впервые познакомился и немного пообжिमался с девушкой. Имени сейчас уже не помню, но то, что получал от неё письмо, сомнению не подлежит. А вот ответил или нет, тоже запомнил, знаю только, что письмо было одно. Вспоминаю к тому же, что однажды в Соколовке проводил после кино девушку, она работала у нас в столовой, но даже не поцеловал, а жаль – девчонка-то симпапулистая была. Ну, как тут не скажешь – тюфяк тюфяком! А вообще-то, до армии я был по отношению к женскому полу ужасно застенчивым. Но даже сейчас, рассматривая с колокольни своего возраста тогдашнюю мою скромность, я не уверен, что поступал неправильно. Так что этот риторический вопрос оставляю открытым на суд читателей.

Чем укрыть тебя, милая дева,
И какую мечту постелить,
Чтобы ночь нескончаемо пела,
И хотелось до боли любить?

Пусть богиня любви Афродита
Над тобою раскинет вуаль...
Будет ночь звездопадом расшита,
И любовью пропитана даль.

Проработав дней десять в колхозе, мы вернулись в родное училище, и снова начались занятия. Жили в общем-то вполне нормально, хотя народ в группе был и разновозрастный (от 15 до 45 лет), и разнонациональный. Иногда ребята, у кого водились деньжонки, выпивали по выходным дням, но всё как-то обходилось без скандалов и драк. Так незаметно, неделя за неделей, и подошло время выпускных экзаменов. Учился я хорошо и с лёгкостью сдал их все без троек. Итак, получив права тракториста-машиниста широкого профиля, я, немного повзрослевший и чуть-чуть обтёсанный в результате общения с разными людьми, отправился домой.

*Старший брат Анатолий, сестра Аня,
родственница, сестра Валя, муж родственницы,
я перед призывом в армию (второй справа), младший брат Гоша.*

Сохраните...

Где вас носит, мои земляки,
По каким разбрелись вы дорогам?
Вряд ли вёрсты чужие легки,
Что остались за отчим порогом.

Год за годом незримо проходят,
За дождями повалят снега,
Но покоя душа не находит,
Ей деревня своя дорога.

Может быть, вы страдаете тоже,
Не берусь я об этом судить.
Помоги же вам, Господи Боже,
Отчий дом никогда не забыть.

Нас судьба разбросала по свету,
Отошли в мир иной старики,
Но деревню любимую эту
Сохраните в душе, земляки.

Шалимово – Горная Суббота – Шалимово

Дома, до весны, я стал работать вторым трактористом с Виталием Переплёткиным. Возили сено, зерно в Демьянск, иногда попутно какой-нибудь груз для магазина, одним словом, работали. А когда растаял снег, и пока работы на тракторе никакой не было, я занялся своим любимым делом – охотой. Возле нашей деревни, сразу за гумном, каждую весну разливалась в низкой части поля большая лывина – Заталица. Так вот, я там сделал скрадок из веток и соломы и каждый вечер устраивал засаду на уток. Иногда удавалось добыть одну-две уточки, а бывало, и ни с чем домой придёшь. Вот ведь сколько лет прошло с той далёкой поры – целая вечность, а я всё помню, и помню те ласкающие тёплым серым маревом вечера со звенящей тишиной, нарушаемой лишь пролетающими с шумом утками. Точно или нет, но, по-моему, посевную я провёл в своей деревне, работая опять же на прицепе, и на сеялке пришлось постоять, что поделаешь? Я пока всего лишь второй тракторист, и другого трактора нет. Летом опять припахали на колхозные покосы, и только в августе поступило распоряжение из правления колхоза – направить меня трактористом в Горную Субботу.

Там я устроился на житьё сначала у Сивковых, тёти Физы и дяди Андрея. Хорошие были люди, и светлую память о них я буду хранить в своей душе до конца. А потом, вот ведь до чего стала дырявая память, – не помню точно, когда я перешёл на квартиру к Пузиным, тёте Нюре и дяде Гоше. Был у них и сын, мой свер-

стник, тоже Николай. Ну, уж у этих-то людей я жил вообще как дома. Впоследствии они уехали на житьё в Ханты-Мансийск, там и похоронены, – царство им небесное. А Коля живёт в Тугалово, и я весьма сожалею, что мне не довелось с ним встретиться, когда я приезжал проводить творческую встречу. Однако опять отступил от темы, но я предупредил, что такие отступления неизбежны.

Сейчас я уже забыл, с выполнения каких работ я начал тогда свою трудовую деятельность в качестве тракториста, но знаю точно, что была в разгаре уборочная страда. А коли уборочная, значит, обязательно были студентки из Тобольского педучилища. Мы все быстро перезнакомились, и я, не откладывая любовь на потом, заметил одну из них. Имени девушки, конечно, не помню, но то, что мы с ней каждый вечер сидели на заветном брёвнышке и целовались до тех пор, пока не уставала луна подсматривать за нами, – не забуду никогда. Бывало, просидим до двух-трёх часов ночи, а утром часов в десять уже на работу. Не знаю, как переносила этот солидный кусок недосыпа она, но для меня весь день был точно в тумане. Работа же, сами понимаете, ответственная – как-никак тащишь на прицепе комбайн, а к нему ещё прицеплен копнитель, на котором орудуют две девушки, укладывая вилами солому. Только и смотришь, чтоб не прозевать сигнал комбайнера и остановиться, если забьёт молотильный барабан.

Пока шла уборочная страда, работать было одно удовольствие, потому что рядом трудились и студентки. Каждый вечер ходили на танцы в бывшую часовенку, переделанную под клуб. Иногда привозили и показывали кино, а потом опять танцы – ну чем не житуха молодому парню? Но, когда после десятого сентября девчонки уезжали, наступала тоска зелёная. Хотя и жили тогда в Горной Субботе человек пятьдесят-шестьдесят, но это были люди в основном семейные. Да ещё прозябали две-три вдовушки, которые не представляли для меня никакого инте-

реса. Конечно, было скучно, но за работой время шло как-то незаметно. Я убирал с поля солому, пахал зябь, сеял озимые, боронил и т.п. Хватало работы и зимой, надо было возить стога сена и солому на скотный двор, силос, да мало ли чего ещё. А весной опять посевная, и опять всё сначала.

Всё это время, пока я трудился в Горной Субботе, бригадиром работал Григорий Будылгин, хороший человек и неплохой руководитель. Потом я его видел мельком в Демьянске, вероятно, он переехал туда на житьё. А ещё прошёл слух, что Григорию отняли одно лёгкое, а с одним-то вряд ли он смог долго протянуть. Мне же сейчас только остаётся помянуть его хорошим словом – вечная ему память. А ещё хочу сказать несколько добрых слов о ныне покойном Антоне Степановиче. Это именно от него я принял трактор в Горной Субботе. И он дал мне немало полезных советов по ремонту и эксплуатации техники. Впоследствии я встретил его в поликлинике города Ханты-Мансийска, и мы немного поговорили.

После большого наводнения 1970 года люди из Шалимово, Луговой Субботы и Горной Субботы разъехались, в основном – в Тугалово, Демьянск и Ханты-Мансийск. И что характерно, прожив уже почти десять лет в Ханты-Мансийске, я не встретил ни одного земляка, а по слухам, их сюда переехало немало. Хотя, чему удивляться – старые примерли, а молодых не знаю. Как, впрочем, и почти ничего не знаю о дальнейшей судьбе моих одноклассников. Наверное, я описываю скучно и однообразно этапы своей жизни, но я предупреждал, что это не детектив и не любовный роман, так что, если не нравится, то можете отложить книженцию и начать писать свою.

Итак, посевную я отработал ещё на горно-субботинском тракторе, а когда приехал ненадолго домой, то от председателя колхоза Петра Васильевича Гудожникова поступило новое распоряжение. Мне предлагалось ехать для проведения капитального ремонта трактору, на котором работал Переплёткин,

в Алымку. Там в то время располагались ремонтные мастерские. Ну что ж, нищему собраться – только подпоясаться, и я, погрузив трактор на баржу, отправился туда на трамвае. По приезду я отыскал жившую там старшую дочь Ивана Петровича Полину Ивановну и попросился пожить у них на время ремонта трактора. Люди они оба с мужем Николаем Самоловым оказались хорошими, и я без проблем прожил у них нужное время. Кстати, Николай сам работал в этих мастерских, и поэтому попросил своих товарищей сделать мне трактор без халтуры.

Днём я работал со слесарями на разборке, а потом, когда стали устанавливать трансмиссию и другие узлы на мой трактор, просто присматривал за качеством сборки. Вечерами ходил в кино, иногда молодёжь собиралась на берегу Иртыша, и мы танцевали под гармошку, пели, в общем-то, было весело. Приезжал я потом в Алымку и на следующий год, правда, жил уже в общежитии (мои хорошие знакомые уехали куда-то на Север), но ни с кем из местных девчонок я так и не познакомился. Опять, видимо, помешала моя природная застенчивость, а может, оно и к лучшему – пути Господни неисповедимы!

Но вот ремонт закончен, и я приехал вместе с трактором на барже домой. И после этого опять стал работать трактористом, но уже в Шалимово.

Опять началась уборочная, опять были студентки, и почти всё повторилось, как в прошлый год. Разница была лишь в том, что на полях работал уже самоходный комбайн СК-4. Вот сейчас, сколько бы я не тужился, не могу вспомнить, куда делся тот мой трактор после второго ремонта. Дело в том, что летом 1965 года я получил новый ДТ-55, и работал на нём в агрегате с силосным комбайном. Однако меня вскоре вызвали военкоматовской повесткой на медкомиссию, и, когда я вернулся оттуда, на нём работал уже другой тракторист. А так как мне всё равно надо было вскоре идти в армию, то я согласился трамбовать силос на колёсном тракторе.

Сейчас бы самое время перейти к следующей главе, но мне припомнилось ещё кое-что из прошлой жизни, и не упомянуть об этом не могу. Работая ещё в Горной Субботе, естественно, я иногда выпивал, как, впрочем, и в Шалимово тоже. Так вот, однажды мы с Колей Пузиным подвыпили, уж не помню по какому случаю, и пошли в гости к слепому кузнецу Гане. Только этот человек был далеко неординарный, и поэтому о нём следует рассказать поподробнее. Я до сих пор удивляюсь, как он, будучи слепым, абсолютно неграмотным мужиком, мог заставлял вещать вышедшие из строя радиоприёмники «Родина». Ну, ладно, раньше, когда со зрением ещё всё было в порядке, занимался бы этим делом, так ведь нет, он их и в глаза не видел. А тогда ему принесут пару негодных аппаратов, и он обязательно один из них починит. Причём чинил так: что-то лепил на вар, что-то на катушку от ниток, куда-то привязывал сырую картошку – и говорили ведь!

Однажды у него дома оказалось сразу два исправных радиоприёмника, так Ганя один из них повесил, так сказать, для увеселения народу на улицу, под окно. А местные ребята почему-то всё время делали ему пакости – то камнями в крышу кидают, то доски на крыльце разберут. Ну, так они взяли это радио, сняли со стены и положили на землю. Утром Ганя включил свою «радиостанцию», и когда приёмника за окном не услышал, пошёл проверять, в чём дело? Он всегда ходил с посохом, и ощупывал им перед собой дорогу. А тогда, пока шарил своей палкой у окна, проткнул ею приёмник в нескольких местах. Когда, наконец, он нашёл и ощупал аппарат, то возопил на всю округу:

– Ох, пань, ёж твою мать! Это какой жиган ему, пань, всё хайло истыкал!?

Я не помню, добавили мы с Коляном бражки у Гани или нет, но когда он заиграл на гармошке плясовую, я пустился в пляс. Это всё бы ничего, да пол у хозяина был некрашенный, а я гажные, пропитанные мазутом, валенки не снял!.. Когда же на-

плясался вдоволь, то мы с Колей подались спать. А назавтра по деревне молнией пронеслась пущенная Ганей весть:

– Пань, вчерась приходил ко мне Николай – тракторист, дак до того пляской пол кругами уделал, что, пань, пришлось стружку снимать!

Но, видит Бог, я не нарочно!

А ещё хочу рассказать о более или менее серьёзной первой любви. Пишу «более или менее» потому, что она не выдержала первой же никчёмной проверки. Задружил я тогда весьма крепко с приехавшей на уборочную Лизой Бобовой. Даже спали иногда вместе, но спали, как говорится, по-хорошему. Она мне однажды как-то сказала, что, дескать, если бы тебе не в армию, то осталась бы здесь. Только на деле всё оказалось по-иному. А размолвка получилась у нас из-за того, что пока я ездил на медкомиссию, она пофлиртовала с другим. Ладно, что уж сейчас искать правых и виноватых? Видно, Господу было угодно, чтоб именно так всё и закончилось.

Итак мне почти девятнадцать, пора в армию. Дальше меня ждёт совсем другая жизнь вдалеке от родных и от родного гнезда. И настало самое время поставить большую жирную точку в конце этой главы и на моём трудном, но интересном детстве, и на работе трактористом в деревне, да и на многом другом, чем я жил в ту далёкую пору.

Где ты, милая Лиза, теперь,
По какой ты проходишь дороге?
И цела ли заветная дверь
В тот домишко, немного убогий?

Там уютно нам было и просто,
Коврик выстлан на чистом полу.
И висела картина О'Гюста
Над часами с кукушкой в углу.

А потом мы расстались на время,
Только вышло – уже навсегда.
Может, солнце светило не грея,
И не та нам светила звезда.

*Папа, мама, сестра Валя,
бригадир из Горной Субботы Григорий Будылгин.*

Армия, город Саратов

В начале октября 1965 года, получив повестку из военкомата, я поехал по месту назначения в город Тобольск. Вернее, сначала устроили проводины, а за выпивкой да разговорами просидели до утра, и я чуть не опоздал на речной трамвайчик. И опоздал бы наверняка, но за мной прибежал тоже ехавший по повестке из Луговой Субботы мой одноклассник и тезка Коля Ильи Васильевича. Дай Бог ему здоровья! Когда приехал в Тобольск, то отыскал там своего братика Егорушку, он в это время учился в мореходке, и мы с ним маленько выпили на прощание. Потом прошёл медкомиссию, и меня, остриженного наголо, отправили в Тюмень.

Там мы жили на сборном пункте и снова бегали в поликлинике без трусов по медицинским кабинетам. Меня признали годным к воинской службе и записали в команду. Я даже не знал, в каких войсках придётся служить и где. Наконец за нами приехали «покупатели» – офицер и два сержанта с голубыми погонами. Они-то и растолковали, что нам предстоит три года защищать Родину в ВВС – наземные Военно-воздушные силы. А куда повезут, так мы от них и не допытались. Вскоре нас посадили в поезд и увезли в Свердловск (Екатеринбург). Там сделали пересадку в литерный эшелон. И повезли наше разношёрстное войско куда-то в Россию. Ехали довольно долго, потому что состав шёл вне расписания и часто уступал дорогу другим поездам.

Дней через пять-шесть пути после отправки из Свердловска наконец-то поступила команда собирать вещички и готовиться к выходу. Когда вышли на перрон, то оказалось, что приехали в город Саратов. Ну, что ж, Саратов так Саратов – будем слу-

жить здесь. С вокзала сразу повели в баню, а после помывки, когда мы надели военную форму, вышли оттуда уже солдатами. Всех построили повзводно и повели в расположение части. И вот перед нами открылись, а потом закрылись почти на три года железные, с красными звёздами, ворота. Кстати, в.ч. – 64324 располагалась недалеко от ж./д. вокзала в казармах бывшего царского кавалерийского полка.

Принял наше пополнение в свою роту капитан Михайлюк, а вот фамилию взводного я запомнил. Да, собственно, это не так и важно, потому что вскоре меня перевели в первый взвод. Переводили курсантов из одного взвода в другой для того, чтобы доукомплектовать их. А назвал я своих сослуживцев, и себя в том числе, курсантами из-за того, что наш полк был учебным. Здесь готовили связистов самых разных специальностей для штабов и соединений воздушных армий. В нашей роте, в частности, готовили телеграфных специалистов ЗАС (засекреченная аппаратура связи). Так вот, для изучения такой аппаратуры допускались не все, а разрешение приходило от КГБ (Комитет Государственной Безопасности). Потом из не допущенных к изучению ЗАС формировали отдельный взвод, который осваивал другую специальность связи.

Первым взводом, в который меня вскоре перевели, командовал старший лейтенант Безручко, замкомзвода был старший сержант Сопотюк, а моим командиром отделения сержант Козловский. Перво-наперво сержанты нас стали учить, как правильно наматывать портянки, быстро одеваться и раздеваться, заправлять койку, раскладывать личные вещи в тумбочке и многим другим премудростям армейской жизни. Утро начиналось с подъёма за сорок пять секунд, в половине седьмого. Если кто-то не успевал, то давали команду – «отбой» и «подъём» ещё несколько раз. Потом – туалет и построение на физзарядку. Нас выводили на плац и гоняли как лошадей. Минут пятнадцать-двадцать выполняли приседания, махали руками и ногами,

одним словом, заряжались физически. Потом были водные процедуры, чистка сапог, заправка и выравнивание кроватей по ниточке. Затем построение на утренний осмотр, где проверяется всё – от подворотничка до сапог. Когда всё приведено в соответствие с уставом, роту строят и ведут в столовую на завтрак. После распускают всех у курилки на небольшой перекур, и около девяти часов построение на утренний развод.

На нашем этаже длиной около пятидесяти метров располагались две роты по шесть взводов в каждой (должно быть по три), и к нужному моменту все триста шестьдесят человек выстраивались в одну линию. Сначала заместители командиров взводов рапортовали своим взводным о готовности личного состава к утреннему разводу. Затем обычно командир первого взвода или кто-то из офицеров докладывали ротному, а уж тот, в свою очередь, комбату. Командир нашего батальона подполковник Леончук иногда делал какие-то замечания или отдавал приказы, а потом давал команду развести подразделения на занятия.

Если мне не изменяет память, то мы изучали матчасть, химзащиту, воинский устав, устройство оружия и, конечно, занимались строевой подготовкой, физкультурой, практическими занятиями и изучением истории КПСС (ох, и толстенная, скажу я вам, книга). Четыре урока до обеда, а потом, естественно, строем шли в столовую, и после перекура опять два-три занятия. Было, конечно, и личное время в течение двух часов. Затем ужин и самоподготовка к занятиям следующего дня. Потом подшивки подворотничков, вечерняя прогулка с песней по плацу, вечерняя поверка и отбой. Вот приблизительно таким был распорядок наших армейских будней.

Кроме этого, заступали дневальными по роте, ходили в наряд на кухню и несли караульную службу. Хотя про караульную службу я, кажется, загнул – её мы стали нести, по-моему, только после присяги. Изучали устройство и помаленьку осваивали клавиатуру телеграфных аппаратов, правда, сначала на макетах.

Макеты – это пустые металлические коробки с клавиатурой, однако в некоторых классах они были подключены к телеграфному аппарату, который стоял на столе у сержанта. Бывало, ребята, вместо того, чтобы работать по заданному тексту, долбили на клавиатуре всякую муру, с тайной надеждой на то, что его макет просто «дятел» и сколько ни долби, не выдаст ни одной буквы.

Иногда это срабатывало, а иногда получался наряд вне очереди. Сначала сержант с невозмутимым спокойствием следил некоторое время на своём аппарате за «мурой», посылаемой с макета «стукача», а потом останавливал занятие и с улыбкой иезуита подходил к «жертве». Ставил его по стойке смирно и «благодарил» за хорошую работу нарядом вне очереди. Но это наказание всё равно не могло остановить «стукачество» до тех пор, пока мы не стали учиться работать на реальных телеграфных аппаратах.

То ли в декабре, то ли в январе мы, наконец, приняли присягу, стали нести караульную службу и ходить в увольнения. Я ещё ни разу не упомянул о питании. Конечно, его всегда не хватало, но это бы ничего, да одна беда – на обед часто давали до того исквашенную капусту с тушёнкой, что, не доходя до столовой метров двадцать, уже слышали её «аромат». Меня от неё изматывала изжога, да, наверное, не только меня. Но после Нового года из бюджета страны на армию добавили пять процентов. Питание стало качественнее, по крайней мере, той сверхжислой капусты больше не было.

Наконец, мы приступили к изучению ЗАС. Да, нечего сказать, сложные были электрические схемы, и многие курсанты часто путались в них. Однако мне, несмотря на не очень высокое образование, удавалось легко «путешествовать» в хитросплетениях этих линий. И я оказался в группе лидирующих курсантов по успеваемости. Про меня даже заметка была с фотографией в газете Приволжского военного округа. Вот, скажете, расхвастал-

ся! Ничего подобного, дело в том, что после окончания шестимесячных курсов одного-двух лучших курсантов взвода оставляли в полку на замещение сержантских должностей. И меня после успешной сдачи экзаменов оставили в полку и присвоили звание на букву «е» – «енерала», шучу, ефрейтора, конечно.

Осенью мы съездили в Крым за молодым пополнением. А после увольнения в запас сержантов третьего года службы меня назначили командиром отделения, опять же во второй взвод, в котором я и начинал служить. Конечно, житуха стала полегче, но особо-то не расслабишься – дисциплина в полку была железная. В июне 1967 года мы сделали выпуск курсантов, а потом меня перевели, уже в звании сержанта, во вновь формируемую роту. Командиром был назначен майор Сыроветник, вернее, он был сначала капитаном, а майора ему дали после приказа. Он, в частности, гласил, что звание офицеров во всех военных учебных заведениях при замещении строевых должностей должно быть на ранг выше, чем в остальных родах войск. Мне он запомнился требовательным, но в то же время и хорошим человеком.

В августе 1967 года я съездил в отпуск, и так совпало, что в это время дома уже находился приехавший из Владивостока братишка Гоша. Десять дней пролетели незаметно.

Я позвонил в Тобольский военкомат и попросил в связи с болезнью продлить отпуск. Мне пообещали и продлили его. Однако этого оказалось недостаточно, и я опоздал в часть на трое суток. За опоздание меня могли посадить на гауптвахту, а в худшем случае отправить в дисбат. Но опять выручил ротный, сообщив в штаб, что вот уже трое суток всё никак не занесёт документы о прибытии сержанта Вторушина.

Ещё хочу рассказать о наиболее трудных армейских мероприятиях. Ох, и препоганая штука, скажу я вам, бег в противогазах: пот застилает глаза, а самое главное, не хватает воздуха, и появляется непреодолимое желание сорвать к чёртовой ма-

тери маску. На бегу засовываешь пальцы под противогаз, чтобы хватить хоть глоток свежего воздуха. Однако сержант орёт и бьёт по руке, только всё равно оттягивали маску – за всеми-то разом не уследишь. Или поднимут среди ночи по тревоге, и бежим чёрт те куда за несколько километров. А когда утром возвращаемся обратно, то женщины, стоящие у заборов, с доброй улыбкой, вопрошают нас: «Сыночки, вы откуда в эдакую рань?»

Но, пожалуй, самым тяжёлым испытанием была лыжная подготовка. После развода на занятия взвод брал лыжи на плечи, и вперёд – на Лысую гору, которая находилась в пяти километрах от города. Там пробежишь десять километров, да не абы как, а чтоб на разряд, за сорок пять минут.

А потом снова лыжи на плечи и в часть тем же маршрутом. В распоряжение приходили часа в три, и, естественно, к этому времени обед давно заканчивался. Хорошо, если ответственный дежурный не забывал и давал распоряжение в столовой оставить расход (обед) для отсутствующего взвода, а коли получалась накладка, то до ужина ходили голодом. Это так бегали на лыжах мы, а вот если на эту же лыжню приходили курсанты военного училища, то для них играл оркестр, и был горячий чай с сухарями. Надо отдать должное командирам тех курсантов, они никогда нам не отказывали в кружке-другой горячего чая с (восхитительно вкусными) сухарями.

И ещё, большие неудобства в виде недосыпа нам доставляла помывка в бане. Мылись мы всегда в городских банях, а они свободны от посетителей только в ночное время. Вот и мылся весь личный состав полка с одиннадцати вечера, до семи утра. Ну, ещё бы, какой кайф помыться в три часа ночи! Безусловно, я не описал и десятой части всех тех трудностей, что приходится переносить во время несения службы.

Ну, что ж, два года службы позади, и мы, получив очередное пополнение, стали делать из них специалистов связи. Мне присвоили звание старшего сержанта и определили на должность

замкомвзвода. Сверхсрочник старшина роты Вдовенко почти всегда оставлял меня за старшину. Иногда доходило до того, что я по приходу из караула сам у себя принимал патроны. А коли оставался за старшину, то и всегда делал вечернюю поверку.

Бывало, заранее договаривался с сержантом, дежурным по роте, о том, что я пойду, к примеру, от каптёрки, а он ко мне с докладом будет печатать шаг от канцелярии. И армейский шик состоял в том, что нужно идти навстречу друг другу шаг в шаг, и остановиться для доклада одновременно. Как-никак, а за нами внимательно наблюдают около двухсот пар глаз, а это дисциплинирует.

За ратными делами незаметно прошла зима, и мы, сержанты третьего года службы, начали считать денёчки до дембеля. А считать рано стали потому, что со следующего, 1969, года армия переходила на двухгодичный срок службы, и поэтому семьдесят процентов личного состава нашего призыва отправляли в запас раньше. Может, кто-то скажет, ну, что тут особенного, отслужить три года в армии, а если вы не служили, то попробуйте отбарабанить хотя бы год, тогда сразу узнаете, почём сотня гребешков. Хоть и было трудно, но об армии у меня навсегда остались самые тёплые воспоминания. Если бы у меня в ту пору было среднее образование, то я бы, наверняка, остался служить и дальше, только уже в качестве офицера. Дело в том, что при полку были организованы курсы из лучших сержантов для обучения и производства в офицеры. И кто его знает, как бы сложилась тогда моя дальнейшая судьба.

Так я чуток обрисовал общую картину моей службы в армии. В начале августа вышел приказ об увольнении в запас, и я поехал домой. На этом можно бы и закончить повествование, но я на всякий случай (вдруг прочтёт мою книгу кто-то из сослуживцев) передаю горячий привет однополчанам и желаю им здоровья.

Мы судьбу выбираем не сами,
Бог её нам с рожденья даёт,
И на руки людские штрихами
Знаки жизни навечно кладёт.

Он отметит судьбы повороты,
Время жить на земле застолбит,
Каждый сможет прожить, как по нотам,
Если Господа нашего чтит.

Ждут любовь и печаль на дороге,
И от этих не скряться нам вех...
Все законы у Господа строги...
Покаяньем прощается грех.

В армии.

Город Тюмень, судостроительный завод

Когда мы с дружкой Володей Пузиным ехали со службы, то сделали остановку в Тюмени. Там отыскали моего двоюродного брата по материнской линии Николая Григорьевича. Раньше мы никогда не общались, но мои родители, уж не знаю каким образом, узнали адрес и посоветовали заехать к нему. Брат мой оказался пожилым человеком, успел повоевать. Встретил он нас приветливо, угостил по русскому обычаю, и мы хорошо поговорили. Работал Николай Григорьевич на судостроительном заводе в Центральной заводской лаборатории заведующим. И мы договорились, что после того, как съездим домой, приедем работать на завод. Там же, в Тюмени, сходили в гости к Володиной старшей сестре и неплохо погуляли.

Затем доехали до Тобольска, встали на воинский учёт и заодно сделали фотографии для паспорта. Родителей у моего дружка не было, и я пригласил его к себе в деревню. Мы целый месяц отдыхали по полной программе – загорали, выпивали, ездили в соседние деревни – хорошее было время. А потом Володе позвонил брат откуда-то с Севера и пригласил к себе. Я его проводил на речной трамвайчик, и он уехал, дав слово, что в Тюмень мы поедем вместе. Однако он оттуда так и не вернулся.

В сентябре я ещё немного поохотился на уток, а когда в гости приехал Николай Григорьевич, то после вместе с ним уехал в Тюмень. Вернее доехали вместе мы только до Увата, дальше он улетел на самолёте, а я остался получать паспорт и сниматься с воинского учёта. В военкомате я познакомился с тоже отслужившим в армии Валерой Борисовым (помню, в шутку звал его

Магадой). Оказалось, что он до армии работал на судостроительном заводе, и пригласил меня в пятый цех слесарем-ремонтником. По приезду в Тюмень я устроился на завод и жил первое время у Николая Григорьевича, а потом перешёл в общежитие.

Жили в общежитии труженики завода самого разного возраста, в основном холостые. В комнате нас было трое – я, Гриша Козлов и Стёпа, оба они учились в вузе причём Гриша заканчивал уже второй институт. По выходным почти всегда выпивали, а потом к нам присоединилась ещё пара собутыльников из тринадцатой комнаты, одного звали Сергей Разин, а вот второго уже и не помню. Я забыл рассказать, что в армии выучился немного играть на баяне и перед дембелем купил себе инструмент. К слову сказать, классный был баян – аккордеонированный, сейчас таких не делают. Ну, так мы и зажигали песняка под этот баян, и часто к нашей компании, как мухи на мёд, присоединялись и другие ребята. Весёлое было время, хотя, как я понимаю сейчас, – просто прожигали за зря драгоценные минуты жизни.

Вскоре я стал ходить на подготовительные курсы для поступления в машиностроительный техникум.

Потом сдал экзамены, и меня приняли туда на какое-то отделение, но позже я забрал документы. Ни с кем из девушек я тогда особо-то не дружил, так были две-три интрижки – и всё. Заработок был у меня небольшой, всего сто двадцать рублей, а коли часто выпивали, то их едва хватало от получки до получки. А тут я получил письмо из дома, где сестра Зоя сообщала, что неподалёку от нашей деревни, в леспромхозе посёлка Бобровский знакомые мужики неплохо зарабатывают. Вообще-то мне давно опостылели и работа на судостроительном заводе, и эта каждонедельная пьянка. Решил бросить это всё к чёртовой матери и уехать. Написал заявление на увольнение по собственному желанию и в июле 1969 года покинул областной град.

Ничем примечательным время, прожитое мной в Тюмени, не запомнилось, разве только хорошими отношениями с семьёй нашего механика Леонтьева Михаила Ивановича. Вряд ли

кто сейчас есть из них в живых, хотя... пути Господни неисповедимы. Хорошие были люди. Да ещё осталась в памяти крепкая мужская дружба с Валерой Борисовым, кстати, он тоже вскоре уволился с завода. Где-то через год или два, когда я уже был женат, мы снова встретились с ним. Работал он в то время на водоканале, неплохо зарабатывал, был доволен жизнью. И сейчас, если с Валерой всё в порядке, то низко кланяюсь ему и желаю всего самого доброго.

Ну, вот и этой главе, посвящённой моей жизни в Тюмени, пришёл конец, и я опять откладываю в копилку прожитых лет очередной год.

Мои кони ещё не устали,
Не закончился жизни разбег,
Ещё манят заветные дали,
И у песни мотив не допет.

Пусть летит моя песня навстречу
Заколдованной ночью заре,
Иль обнимет божественный вечер,
Или вспыхнет в далёком костре.

Так неситесь, залётные кони,
За верстой покоряйте версту,
Пока жизнь из седла не уронит,
Не накинёт аркан на мечту.

После армии.

Посёлок Бобровский, ХМАО-Югра

Как говорится, всё возвращается на круги своя. Я опять дома. И опять радостные родители хлопчут, накрывают на стол, и опять мама, ради встречи налила и поставила возле папы полный чайник бражки. Кстати, о чайнике – это была железная посуда на тёмно-зелёного цвета, образца хрущёвской эпохи, с удобно выгнутым носиком. У папы с давних времён выработалась своеобразная привычка брать его для наполнения тары за ручку так, чтоб при дожиме из него последних капель драгоценнейшей жидкости не слетела крышка. Погуляли тогда хорошо, отец, по моему, даже плясал, а потом наступили тёплые благостные дни в деревне.

Пожил я дома до октября, помогал родителям, ходил на охоту, а потом поехал на шлюпке в посёлок Бобровский Ханты-Мансийского района. Повёз меня работавший там же Вторушин Василий Дмитриевич – хороший человек, заядлый охотник и рыбак. Общежития в посёлке не было, и меня приняла на квартиру ныне покойная Капустина Зинаида Николаевна. Это была пожилая женщина, пенсионерка, с относительно, неплохим характером. Пишу «относительно» потому, что хоть и бывала она иногда чем-то недовольна, ко мне относилась вполне нормально. Устроился на работу в лесоучасток трактористом, но пока трактора не было, на нём работали в деревне Луго-Филинск, я слесарил в гараже. Через неделю или две наконец привезли и трактор Т-74 – бульдозер. Конечно, это был не большой бульдозер, но, коли на нём был навешен отвал, значит, бульдозер.

Хотя он и был невелик, но бегал весьма шустро, до четырнадцати километров в час.

Ну, вот и началась моя трудовая жизнь в посёлке Бобровский, которая продлится, с небольшим перерывом, тридцать с лишним лет. Я чистил от снега какие-то площадки, сгребал в кучу опил на лесозаводе и даже зимнюю дорогу в лесосеки проминал на этом тракторе. А натаптывать зимник – работа весьма и весьма трудная. Не раз и не два приходилось застревать в болоте, а помощи ждать бесполезно. Хорошо хотя бы то, что мне всегда давали помощника, с которым мы, если трактор застрянет, вырубали лесину, привязывали её чокерами к гусеницам, и бульдозер вытаскивал себя сам. Когда на Иртыше лёд намерзал достаточной толщины, чтоб по нему мог пройти трактор, я начинал возить сено частникам. В то время многие рабочие лесоучастка держали коров, ну, так я и поваживал для них сенцо. Когда мы с хозяином привозили стог или два сена, он расписывался в путёвке за потраченное на это дело время, а потом ещё и угощал меня, потому что я не сидел всё время в кабине, а помогал ему завести трос и т.п.

Вскоре выяснилось, что в лесоучастке работает Гоша Брыков, с которым я одно время учился в Тугаловской школе. Мы встретились, и он пригласил меня к себе в гости. Потом я ещё много раз приходил к нему, выпивали, пели песни под баян, а что ещё было делать молодому неженатому парню?

Были в посёлке и девчонки, возможно, с десятков, но тогда я никакую из них для себя не присмотрел.

Где-то после Нового года приехала на каникулы дочь механика лесоучастка – Крутицкая Вера Дмитриевна. На следующий день она с сестрой Людой пришла как бы попроведать работавшую в гараже мать Валентину Семёновну. Они, конечно же, знали, что в посёлке появился интересный паренёк. Слово за слово, мы познакомились, а так как вечером в клубе показывали кино, то мы и договорились встретиться там. Потом я их про-

водил домой и зашёл ненадолго в гости. В следующие вечера мы встречались ещё несколько раз, а перед отъездом Веры мы устроили прощальный ужин, и я просидел с ней до утра. До знакомства со мной она дружила с парнем, ну и, естественно, после её отъезда начались всевозможные интриги, сплетни и т.п. Я написал письмо Вере, и получил ответ. Но потом письма от неё ходить перестали.

Вскоре прошла зима, и наступила очень холодная весна 1970 года. Вы, наверное, не можете себе представить, но за весенний месяц май на Иртыше намёрз, вдобавок к зимнему, свежий лёд тридцатисантиметровой толщины. Такого катастрофического явления природы ни до, ни после мне видеть не приходилось. В самом конце мая стало уже тепло, а чтобы лёд такой толщины растаял, времени нужно, как минимум, полмесяца. Вода в Иртыше начала выходить из берегов, а посередине реки уверенной серой лентой стоял лёд. Видя такую аномалию, власти приступили к эвакуации населения вертолётами. Скотину же разместили на возвышенностях, чтоб при первой же возможности перевезти её на правый высокий берег Иртыша.

Лёд стоял до тех пор, пока с низовьев реки не прошёл ледокол «Обь». Он хоть и был небольших размеров, но лёд ломал уверенно, и через два-три дня начался ледоход. Вместе со льдом пришла и большая вода, и затопила всю округу на десятки километров. Можно было, выбрав правильное направление, ехать на шлюпке с мотором в любую деревню без дороги. Производственную зону лесоучастка затопило, и почти всех рабочих гаража направили на строительство домов. Работал я в одной бригаде с Колей Корчагиным, а так как у него была шлюпка с мотором, то я попросил его свозить меня в Шалимово. И в выходной день мы, подзаправившись спиртным, поехали в мою деревню, которая находилась в двадцати пяти километрах от Бобровки.

По приезде на место увидели бескрайнюю водную ширь,

среди которой монументально возвышались несколько подтопленных домов. Привязали шлюпку к ограде и пошли по сделанным отцом сходимям в дом. Там, к счастью, оказалось всё в порядке – отец сидел на кровати и курил, а вышедшая из кухни мать радостно кинулась ко мне. Выпили, конечно, со встречи, переночевали, а на завтра, малость опохмелившись, отправились обратно. К великому сожалению, Николай Корчагин через несколько лет погиб на лесоповале.

В июле приехала после окончания медучилища Вера, и мы поженились. Как потом прожили тридцать лет, этой темы я касаться не буду. Ни к чему ворошить на людях грязное бельё, да и чистое, кстати, тоже. Я продолжил работу на тракторе, а жена, опять же точно не помню, по-моему, работала какое-то время в детсаду, а может, и нет. В июне 1971 года у нас родился сын Эдик. Вы уж простите меня, дорогие читатели, но о судьбе самых близких мне людей я просто обязан рассказать. Сын окончил Бобровскую среднюю школу, потом филиал Свердловского колледжа связи и сейчас работает мастером Горно-Правдинского газового участка в посёлке Бобровский. Его жена Юленька – заведующая Бобровским фельдшерско-акушерским пунктом. И как медработник, и как человек пользуется заслуженным авторитетом у жителей посёлка. Имеют двоих детей, моих внуков – дочь Аниту, которая в 2010 году успешно закончила шестой класс, и сына Дмитрия Эдуардовича, ему пока ещё пять лет, но годы – дело наживное. Дай Господь здоровья и благоденствия семье моего сына Эдика.

Осенью 1972 года мы, оставив сына на попечение бабушки с дедушкой, уезжаем в посёлок Карым-Кары Октябрьского района. Там жене предложили работать фармацевтом в аптечном пункте, а я устроился работать трактористом на трелёвке леса. Ничем хорошим, кроме того, что я научился трелевать лес, то время я не вспомню. И через год, осенью, мы переезжаем в посёлок Горно-Правдинск. Там открылась аптека, и жене

предложили должность фармацевта. Я же опять стал работать на тракторе, в экспедиции. Проработав там до марта 1974 года, перевёлся в посёлок Бобровский, снова трактористом на трелёвку леса. А жена ушла в декрет, и в апреле 1974 года у нас родилась дочь Лилия.

Она, как и Эдик, тоже окончила Бобровскую среднюю школу. Потом музыкальное отделение Ханты-Мансийского педагогического колледжа. Устроилась учителем музыки в Бобровскую школу. Вскоре вышла замуж за Славу Рощина, который приехал с бригадой монтировать внутриселковый газопровод. После Лилия заочно окончила исторический факультет Тюменского государственного университета. Сейчас работает в школе посёлка Бобровский. А Слава трудится слесарем в коммунальном хозяйстве этого же посёлка. Они тоже имеют двоих детей, моих внуков – дочь Ксюшу, окончившую пятый класс на пятёрки, и сына Егора Вячеславовича, второй класс тоже отлично окончившего. Хочу пожелать и для семьи дочери Лилии здоровья, добра и покровительства Господнего.

Вся моя дальнейшая жизнь будет связана с работой в посёлке Бобровский, вплоть до 2001 года. Я не буду описывать год за годом тридцатилетнюю эпопею моего жизненного пути, а просто заострю ваше внимание на более или менее значительных вехах, дающих общее представление о том времени и труде в те, не столь уж и далёкие, времена. Сами понимаете, работать на заготовке леса – не печенье перебирать, это тяжёлый и очень опасный труд.

Там иногда людей калечит, и они даже, не приведи Господи, погибают. Как правило, лесозаготовители, проработавшие в лесу полтора-два десятка лет, слишком долго не обременяют государство получением пенсии. Я опять вынужден извиниться и отступить от темы. Что тут поделаешь, коли многие, наверняка, не знают, откуда начинаются доски на полу, по которому мы ходим, или дома в деревнях, или многое другое, которого мы просто не замечаем.

В те далёкие семидесятые-восемидесятые годы лес заготавливали несколько иным способом, нежели сейчас. Из посёлка вахтовая машина с рабочими выезжала всегда в семь часов утра. Я пишу «машина», а не «автобус», потому что людей возили на грузовой машине в сколоченной самодельной будке, для обогрева которой по полу пропускалась выхлопная труба. Ехали до делян час-полтора в густом табачном дыму, т.к. почти все курили. Но так возили по утрам только основные составы лесозаготовительных бригад. Тракторист с чокеровщиком уезжали раньше, часов в шесть, с лесовозной машиной. Это делалось для того, чтобы водитель мог успеть сделать три рейса, как-никак расстояние в один конец до сорока километров. Конечно, никто не заставлял никого выезжать раньше на час, но от вывозки зависел заработок всей бригады. Так как я работал трактористом, то и буду писать, в основном, о своих обязанностях.

Итак, приезжаешь в лесосеку, трактор твой уже заведён, а если нет, то, по крайней мере, вода в бочках уже горячая – заливай и заводи. Грел воду и заводил трактора на центральной стоянке специально поставленный для этой цели человек, который ночевал там же, в балке. Приезжаешь на тракторе в свою деляну и начинаешь погрузку приготовленного накануне воза хлыстов весом в двадцать-двадцать пять тонн. Грузили в то время мачтовым способом. Сразу же поясню, что это за сооружение.

Берутся две толстые лесины диаметром 60–80 сантиметров, десятиметровой длины и связываются в наиболее тонкой части тросом на расстоянии десяти-двенадцати метров друг от друга. Там же привязываются к каждой мачте по две растяжки диаметром 16–18 сантиметров, длиной по пятьдесят метров каждая и закрепляются другими концами за пни под углом 90 градусов. Затем чуть пониже привязывается тросом по большому блоку и, наконец, закрепляется по толстому тросу 28–32 мм в диаметре и длиной 5–6 метров, с крюками на концах. Потом в блоки

заправляются толстые троса-вилки тридцатиметровой длины, с петлями на концах, а другие концы присоединяются уже к одному большому блоку. Через него, в свою очередь, пропускается тоже толстый сорокаметровый трос, один конец которого привязан к надёжному пню. Ко второму же, пропущенному через блок с вилками, привязывается ещё один, но не очень большой блок. И вот только через малый блок пропускается ходовой трос средней толщины, длиной, может быть, метров восемьдесят. Один его конец опять же привязан к пню, а за петлю второго цепляют к трактору. Вот я описал, на первый взгляд, вроде бы не сложное, но надёжное устройство большой грузоподъёмности.

Для того чтобы эта установка оказалась в рабочем состоянии, нужно сначала уложить мачты на заранее выкорчёванной площадке. И только после того, как привязаны за пни все четыре растяжки, тракторист начинает подъём мачт. Делается это так – упираешься щитом трактора в торец мачты, чокеровщик цепляет её тросом лебёдки трактора ближе к вершине. Выбираешь лебёдкой слабинку троса, а затем, не выключая лебёдки, включаешь заднюю скорость и осуществляешь подъём. Когда первая мачта установлена, остаётся только подтолкнуть щитом на место вторую, так как она связана тросом с первой, и поэтому уже наполовину висит в воздухе. Мачты устанавливаются под углом приблизительно семьдесят-восемьдесят градусов. Концы ходовых тросов привязываются к пням после подъёма мачт.

На расстоянии четырёх-пяти метров от основания мачт укладываются три лёжки, на которые потом трелюется лес. Затем под него продёргиваются вилки и зацепляются за крюки, про которые я упоминал выше. И всё – тракторист может начинать подъём. Когда поднимешь воз на высоту четырёх-пяти метров, чокеровщик даёт сигнал остановки, и водитель подпяхивает лесовоз под поднятый воз. Затем опускаешь воз и подтаскиваешь трактором тросы с блоками к мачтам. Отцепляешь вилки от

крюков и держишь, чтобы лесовоз не выдернул их из блоков. Всё – машина ушла, и ты начинаешь трелевать хлысты на следующий воз. Я подробно всё объясняю не только для того, чтобы люди представляли себе, как в те времена осуществлялась погрузка, но также потому, что это кому-то может пригодиться.

Конечно, все понимают, что прежде, чем начать трелевать лес, его нужно свалить. А выполняется эта работа следующим образом: сначала идёт с лопатой отгрёбщик и очищает от снега каждую подлежащую валке лесину. Следом за отгрёбщиком идут вальщик с бензопилой и толкач с вилкой. Вилка – это сухая прочная древесина, толщиной у основания до семи сантиметров и длиной, может, метров пять. На её тонком конце закрепляется сама вилка – металлическая трубка с двумя приваренными к ней острыми чуть загнутыми концами. Когда дерево свалено, следом идёт, на безопасном расстоянии, сучкоруб с топором солидных размеров и очищает дерево от сучьев. И только после выполнения этих работ, заезжаешь трактором на волок и цепляешь десяток-полтора хлыстов, в зависимости от их объёма. В машинный воз двадцать пять-тридцать кубов обычно делаешь три ходки. Затем выравниваешь щитом трактора комли хлыстов, пропускаешь под них вилки и цепляешь за крючья. Если лесовоз пришёл, то сразу и грузишь, а коли нет, так стягиваешь лес к мачтам и начинаешь трелевать хлысты на следующий воз.

Все эти работы выполняются не то чтобы в спешке, а с рациональным использованием каждой минуты времени. Обычно за вторым рейсом лесовоз приходил к обеду, и если ты занимаешься в это время погрузкой, то ребята ставят на печку разогревать твой суп или ещё что. Быстро пообедал – и вперёд, потому что нужно успеть натрелевать ещё два воза.

Один для третьего рейса лесовоза, а другой на утро следующего дня. Если какая-то поломка, хотя бы на полчаса, – всё, можно потерять рейс, потому что вахтовая машина вечером ждать не будет, подошло время, будь любезен, закончи работу и поехали домой.

Самая опасная работа на лесоповале, конечно, у вальщика с помощником – то лесина может не туда упасть, или какой-нибудь сук неожиданно прилетит. Уж кто-кто, а эта парочка всегда должна на работе быть в касках. Бывает, что некоторые деревья сильно наклонены в обратную сторону, и когда пом. вальщика не может столкнуть, то оставляет их подпиленными. Приходится ронять такие лесины тросом лебёдки трактора. Однажды я потянул такую ёлку, а она, когда повалилась, зацепила сухарину, кстати, хорошей толщины, а та, в свою очередь, упала на кабину моего трактора, и только стёкла брызнули мелкой крошкой. Хорошо было только то, что упала она ровно посередине кабины и смяла её до самого капота двигателя. Если бы удар пришёлся на полметра левее, я бы не писал сейчас эти строки.

Очень тяжёлый период в лесозаготовительном сезоне – март, апрель. Дело в том, что снег в эту пору становится влажным, ну и все работяги, соответственно, ходят целыми днями мокрыми по пояс. Вот так, примерно с декабря по апрель мы и работали в те времена. Тяжело, конечно, но что поделаешь, работа есть работа.

Работа, работа, работа –
Тяжёлый опаснейший труд...
И утром-то рано вставать не охота,
Но долг и зарплата зовут.

К двадцать пятому апреля лесовывозка заканчивалась, и мы выезжали в посёлок. Здесь распределяли всех по разным работам, меня почти всегда определяли на эстакаду. Задача состояла в том, чтобы подвозить хлысты для разделки на четырёх- и пятиметровый пиловочник. Сама подвозка особой сложности или опасности не представляла, но требовала от тракториста и чокировщика определённых навыков в работе. Лес тогда складировался в два яруса, а зацепить и поднять на щит трактора с вер-

хнего не так уж и трудно. А вот чтобы поднять полвоза с нижних лёжек, нужно завести трос не больше, чем метра на полтора от комлевой части. И он должен быть сцеплен внизу и посередине поднимаемой пачки хлыстов. Как-то раз один, вроде, опытный тракторист позволил чокеровщику зацепить пачку подальше, ну и при подъёме хлыстов на щит вырвал лебёдку вместе с раздаточной коробкой с рамы трактора. Причём, вырвал-то с моего трактора, т.к. я в это время работал за механика.

Так вот, подвезёшь лес на эстакаду, отцепишь, подтолкнёшь щитом поближе к месту разделки и, если рабочие уже накатали разделанные хлысты на лёжки, начинаешь отвозить. Развозили сортимент, в зависимости от диаметра, каждый в свой штабель. Оттуда их берёт уже другой трактор и везёт на пилораму. Там брёвна распиливают на брус или доски разных размеров и развозят по разным штабелям. Потом укладывают с прокладками между досками, для естественной просушки. На пилорамах в то время работали, да и сейчас, наверное, работают одни женщины, за исключением самих рамщиков. Как-то мне для своих нужд распиливали три пачки пиловочника, и я там стоял на одной из операций, так, поверите, нет, – семь потов сошло. Низко кланяюсь женщинам Бобровского лесоучастка, а за одно и всем лесозаготовителям, за их нелёгкий, но такой нужный труд. Ну и, наконец, подводят баржу водоизмещением от пятисот до трёх тысяч тонн, и порталый кран начинает погрузку пиломатериала, а мы пятью или шестью тракторами подвозим его.

Я описал только основные виды работ лесозаготовительного предприятия, а есть ещё много вспомогательных работ. Однако я и так отнял у вас, дорогие читатели, слишком много времени. Большинству из вас это всё, наверняка, неинтересно, но, поймите меня правильно, – этой работе я посвятил шесть лет своей жизни. Долгое время тогда директором предприятия работал Корчагин Анатолий Евстигнеевич – неплохой руководитель, крепкий хозяин, в общем, вполне нормальный мужик, дай

Бог ему здоровья. Хочу сказать также несколько слов о ныне покойном механике нашего лесоучастка Крутицком Дмитрие Ивановиче. Это был специалист высшего класса и знал своё дело, как никто другой, недаром же он проработал механиком много лет. За его бытность сменилось больше десятка начальников лесоучастка, а он ушёл со своей должности только по выходу на пенсию. Долгое время работал мастером верхнего склада Воронцов Николай Иванович – вполне нормальный руководитель. Дело своё он знал, да и человеком был, царство ему небесное, неплохим.

Грех не помянуть добрым словом и моих соратников по лесозаготовкам: трактористов – Захарова Николая Ивановича, Сивкова Михаила Фёдоровича, Воронцова Михаила Ивановича, Вторушина Василия Дмитриевича и Круглова Павла Михайловича; водителей лесовозов – Богданова Владимира Петровича, Родионова Алексея Михайловича, Брюхова Леонида, Харлова Александра, Фомина Вячеслава; вальщиков леса – Бердинского Ивана Михайловича, Усова Николая Александровича, Прокопова Ивана Андреевича, Коленчука Анатолия Яковлевича; тогдашнего директора БЛЗП Корчагина Анатолия Евстигнеевича.

В настоящее время Бобровским лесозаготовительным предприятием руководит грамотный, деятельный, хорошо знающий производство, директор – Селивёрстов Андрей Фёдорович. Обновляется производственная база, закупаются новые высокопроизводительные станки. Построена котельная на опиле, которая будет отапливать производственные помещения, а в недалёком будущем планируется подключить к ней весь посёлок. Построен новый восемнадцатиквартирный дом для рабочих БЛЗП. Планируется выпускать топливные брикеты, а это значит, что переработка древесины достигнет восьмидесяти процентов. Сейчас на предприятии трудится сто десять человек, заготавливают они до сорока тысяч кубометров древесины в год, и всю перерабатывают или на пиломатериал, или на другие сортаменты. В ближайшей перспективе планируется перейти

на заготовку ста тысяч кубов древесины в год и наладить безотходное производство. Что ж, остаётся пожелать Андрею Фёдоровичу крепкого здоровья и осуществления всех задуманных планов, а леса, по словам директора, хватит ещё, как минимум, на полвека.

Конечно, в Бобровском ЛЗП трудилось ещё много других хороших, и не очень, людей, но обо всех писать не могу, потому что цель у меня несколько иная. В дальнейшем описании своей жизнедеятельности я ещё не раз упомяну о некоторых из них, а пока заканчиваю седьмую главу четверостишием:

Мы, вообще-то, часов не считали,
Нам минутами были кубы.
Мы в работе рассветы встречали
И в объятьях густой темноты.

На трелёвочнике.

Я – машинист бульдозера

Скучно пишу и однообразно, но что поделаешь, о работе писать – не любовные романы сочинять. (Никоим образом не хочу своим сравнением обидеть писателей-романистов, просто, это слишком разные жанры). И хотя само слово «работа» – производное от слова «раб», но и в ней можно найти удовлетворение. Говорю об этом совершенно искренне, без малейшего намёка на пафос или мнимый патриотизм, потому что когда видишь плоды своего труда, причём труда качественного, то испытываешь истинное наслаждение. Мы, порой имея хорошую работу, достойный заработок, жильё и крепкую семью, забываем благодарить Господа за такое благополучие. Обращаемся к нему только тогда, когда что-то потеряем, и молим потом слезно о помощи. А жаль, надо бы почаще обращаться к нему с благодарственными молитвами – смотришь, и помощи-то не пришлось бы просить. Я ведь тоже когда-то был комсомольцем, и до поры до времени не признавал Бога, в чём сейчас горько раскаиваюсь. Зато сейчас зрелым умом понимаю, что даже травинка растёт по воле Божьей, не говоря уж об остальном.

Однако это всего лишь маленькое отступление от описания трудовой исповеди. Сейчас я в общих чертах расскажу о моих основных занятиях в нерабочее время. Тесть с тещей – Крутицкие Дмитрий Иванович и Валентина Семёновна – держали в хозяйстве корову с подростком, а коли так, то приходилось летом заготавливать сено. Сначала косили вручную, а потом тесть заимел колёсный тракторок ДТ-20. Мы привезли из Шалимово старую конную сенокосилку, восстановили и приспособились косить ею за трактором. Также привезли из моей деревни списанные конные грабли, потом тесть сделал из двух конных одни,

побольше, с гидравлическим приводом. Ставили по три-четыре стога, и у нас всегда оставался запас сена на следующий год.

Зимой стога вывозили домой трелёвочными тракторами. Забьёшь гусеничный палец в землю, зацепишь за него крюк с основным тросом и дополнительным тросом перетащишь через него стог. Затем снова цепляешь через верх основной трос и поднимаешь на щит. Это что касается сена, но есть и другие обязанности: вытаскивать навоз, набрасывать сено в денник и т.п. Конечно, приходилось тяжело – на работе навкалываешься досыта, да ещё дома каждодневная управа со скотом. Но в магазине мясо было не всегда, а в лес надо было брать каждый день существенную еду. В то время многие в посёлке держали коров, по крайней мере, голов пятьдесят-шестьдесят в стаде набиралось, а сейчас от силы пять-семь голов пасутся на лугу. Кого сейчас и в чём обвинять – времена совсем другие, да и условия жизни и работы существенно отличаются. В магазинах нынче любых продуктов на выбор, и поэтому, пожалуй, особой-то нужды коров держать и нет. Да и горючее, необходимое для заготовки и вывозки сена, стоит втридорога.

Был также и солидный, на пятнадцать соток, огород, да он, собственно, и сейчас есть, только ребята сажают картошку лишь на одной половине. Почти каждый год набирали помногу брусники, клюквы, смородины и грибов. Заготавливали, когда они были, кедровые орехи и ловили всякую рыбу. Одним словом, дополнительного подножного питания хватало всегда. Зарабатывал я, по тем временам неплохо, по пятьсот-семьсот рублей в месяц. Жена тоже работала в детском саду и приносила какую-то зарплату. В деньгах особой нужды не испытывали, только вот покупать-то на них было почти нечего. Откладывали излишки денег на сберкнижку и накопили тридцать тысяч, которые потом в лихие девяностые превратились в копейки. Ездили всей семьёй к брату Гоше во Владивосток, к родственникам жены в Молдавию, в Евпаторию и каждый год жили по нескольку дней в Тюмени, т.к. там у тестя была квартира.

В начале восьмидесятых купил машину – «Москвич-408», и по выходным дням выезжали на ней в соседние посёлки. И ещё хочу сказать о том, что частенько выпивал в свободные от работы дни, да только время тогда было такое – пили почти все. Но за свою трудовую жизнь не сделал ни одного прогула, и мне, кроме грамот и благодарностей, было присвоено звание «Заслуженный работник лесной промышленности ХМАО». Ну, что ж, предисловие к восьмой главе закончено, и я продолжаю свою исповедь.

Осенью 1980 года меня переводят, по собственному желанию, машинистом бульдозера. Я получил трактор новой модификации марки «Т-130», на базе бульдозера «Т-100, М». Возможно, опять, к сожалению читателей, но я вынужден затронуть техническую сторону вопроса и рассказать о некоторых особенностях устройства бульдозера. А делаю это потому, что, проработав на нём много лет, я так наловчился виртуозно управлять им, что чувствовал бульдозер, как продолжение своих рук. Большим недостатком, на мой взгляд, была замена пускового двигателя на более мощный, но капризный и ненадёжный агрегат. Также непродуманной явилась установка котла подогрева двигателя. Я думаю, пожгли в стране этим котлом не мало тракторов. У меня тоже не раз загоралась хвоя, нападавшая в поддон защиты картера двигателя, обильно приправленная всевозможным мазутом.

Был также большой недостаток в коробке перемены передач – трактор даже на первой передаче имел слишком высокую скорость переднего хода. Также было плохо то, что по низу бульдозера проходило много незащищённых металлических трубопроводов. К сожалению, они остались в таком же виде и в последующих модификациях, но мы их потом меняли на гидравлические шланги. Когда через два или три года я получил новый бульдозер, то на нём уже был установлен пусковой двигатель старого образца П-46 – надёжный и выносливый работяга. Уже отсутствовал котёл подогрева, и КПП была приведена в соот-

ветствие – передний ход стал медленнее, а задний – быстрее. Большим достоинством бульдозеров марки «Т-130» было то, что они имели тёплые, обогреваемые кабины.

В середине декабря меня с бульдозером направили в деляны на отгрузку ранее заготовленного леса. Мачты уже стояли, и тракторист Серёга Хозяинов (через несколько лет он застрелился, а жаль – хороший был человек) с чокеровщиком Юрой Чушкиным уже грузили хлысты на лесовозы, вернее, лесовоз-то был один, с водителем Славой Фоминым. Однако работа шла медленно из-за трудностей с подвозкой леса. Посудите сами: штабеля все в снегу, лёжки под ними не везде, а пней и сучков предостаточно, вот и попробуй, зацепи подходящую пачку и вытащи из снега. Пока я не приехал на бульдозере, ребята отправляли по два лесовоза в день. Только этого было мало, потому что нужно было вывезти до конца сезона около четырёх-пяти тысяч кубов.

Меня назначили как бы верховным главнокомандующим этой мини-бригады, и мне пришлось организовать отгрузку более эффективным методом. Сначала нагребал бульдозером подходящую кучу из снега и сучьев, потом на неё наталкивал хлысты и держал, пока ребята не зацепят. Вот пачка уже затянута, но Серёга ждал, когда я перееду спереди к трелёвочнику и подтолкну его под лес. Однако и после этого трактор не мог вытянуть хлысты и буксовал, поэтому приходилось брать его «на поводок» и вытаскивать на твёрдую дорогу. Работая таким образом, мы стали регулярно отгружать по три лесовоза в день. Когда третий рейс был отправлен, мы оставались и готовили ещё воз, на утро следующего дня. Место дислокации нашей бригады находилось в стороне от основной лесовозной дороги, и частенько вахтовая машина забывала заехать за нами. Ночевать не ночевали, но, когда вспоминали и возвращались за нами уже из посёлка, было часов одиннадцать. Но, как бы то не было, к концу марта все штабеля мы отгрузили, ребята уехали в посёлок, а меня направили на раскорчёвку дороги.

Там уже работали два бульдозера, и сделали они за это время около десяти километров дороги, а надо было двадцать пять-тридцать. Конечно, тремя бульдозерами стали продвигаться вперёд намного быстрее. Сначала проминали в три ножа нетолстый лес, метров на триста, а потом возвращались, брали себе по маленькому участку и уже корчевали всё подряд. Самую большую опасность при работе таким методом представляет собой сухостойный лес, особенно берёзы. Дело в том, что берёза, хоть и отжившая, всё равно стоит от комля до вершины девственно белой. Стоит её резко толкнуть ножом бульдозера, как она ломается в воздухе на несколько частей и летит торцами или на капот двигателя, или на кабину. Однако всё обошлось, и мы за три недели прокорчевали ещё километров десять дороги. Апрель подходил к концу, и надо было выезжать, т. к. ручьи речки начали разливаться. Когда возвращались, то на речках Талтымке и Бобровке вода хлестала на мостах валом уже метровой глубины, но ничего – переехали нормально и к вечеру были дома.

Ладно, пока пора остановиться и сделать перерыв. Только хоть галопом по Европам, но я чуть позднее допишу про свою жизнь и работу в посёлке Бобровском.

...После недельного перерыва, во время которого написал поэму для детей «Неслух Квак», я снова буду писать про трудовые серые будни. В посёлке, после недельного ремонта мы двумя бульдозерами с Игорем Костылевым корчевали промзону порядка шести-восьми гектаров. К тому времени земля вся оттаяла и представляла собой довольно-таки неустойчивый грунт. То один, то другой бульдозер частенько увязали в грязи, и приходилось вытаскивать одному другого. А то, бывало, оба сразу застрянут, тогда уже помогал трелёвочник и вытаскивал наши трактора, как карасей из проруби.

На следующий год мы снова грузили мачтовым методом лес, заготовленный на левой стороне Иртыша. Потом в лесоучасток поступил челюстной погрузчик, и мачтами лес больше уже не

грузили. Один бульдозер постоянно работал в паре с челюстником, а два других работали на раскорчёвке и расширении дорог от снега. Не помню точно, в каком году мы, опять же с Игорем Костылевым, пробивали трассу под ЛЭП. Бульдозера часто ломались, были повыбиты почти все стёкла. Когда подминаешь лес ещё ничего, но если упрёшься ножом в толстую лесину и не сможешь её уронить, то приходилось сдавать назад. Тогда весь ранее сваленный подсад лезет вершинами во все щели бульдозера и обрывает маслопроводы, полики кабины, а иная деревина доходит до самого радиатора.

Летом я разрабатывал бульдозером огромные котлованы и закапывал в них накорчёванные валы на промзоне. Также делал внутрипоселковые дороги, по которым в последствии проложили бетонные плиты. Ещё успел поработать одну зиму оператором челюстного погрузчика. Так незаметно за вполне благополучными годами и подошли лихие девяностые.

А начались они с того, что в лесоучастке перестали платить зарплату. Вскоре рабочие забастовали и сместили директора. Принял предприятие работавший до этого главным инженером Захаров Пётр Николаевич. Но ситуация не улучшилась, а только усугубилась. Конечно, как молодой и неопытный руководитель, он наделал много ошибок и, как говорится, подлил масла в огонь. Однако тогда во всей стране был такой кавардак, что не приведи Господи! Бывало, выйдешь на берег Иртыша, просидишь час или два, и за это время по нему не пройдёт ни одной посуды, и страшно становилось. Пиломатериал стал никому не нужен, а коли так, то и деньги взять на зарплату было негде. Дошло до того, что не на что было купить хлеб. Благо, хоть остальные-то продукты были свои. Иногда по выходным возили молоко в Горно-Правдинск и там с трудом продавали.

В конце концов, снова все забастовали, и производство остановилось на месяц или чуть побольше. Сидели, сидели все, а что толку, от кого ждать помощи, когда вся страна была брошена

на произвол судьбы?! Постепенно, сначала одна, а потом и остальные бригады приступили к работе. С такими невероятными трудностями жили и работали года два. У нашего предприятия были в собственности магазин и хлебопекарня, и ОРС (отдел рабочего снабжения) платил нам арендную плату.

Вскоре Пётр Николаевич – директор предприятия – договорился с руководством этой организации, и нам стали давать хлеб под зарплату, а это уже было большим облегчением. Иногда наш руководитель находил каких-то покупателей на пиломатериал, а из вырученных денег давал рабочим небольшие авансы.

С большим трудом и очень медленно жизнь стала налаживаться. Да и директор уже набрался опыта в работе, причём опыта в новых рыночных отношениях, а это много стоит. К двухтысячным годам наш лесоучасток уже уверенно держался на плаву, и в том, что он не развалился, как тысячи других, заслуга только нашего директора. И за это я с чистой совестью от себя лично, да и от многих других рабочих лесоучастка кланяюсь ему в пояс.

Сейчас Пётр Николаевич Захаров работает главой администрации Ханты-Мансийского района. Ну и пожелаем здоровья, благополучия в семье и больших достижений в его новой многотрудной работе. И пусть Господь не обходит его своей милостью.

Перед тем, как закончить эту главу, хочу ещё немного рассказать о моей работе с газовиками. Администрация Ханты-Мансийского района решила газифицировать наш посёлок, и для этой цели пригласила бригаду специалистов из Тюмени. Своего бульдозера у них не было, и поэтому директор меня направил работать к ним. Вдобавок ко всему, мне ещё дали, тоже принадлежащий нашему участку, экскаватор на базе трактора «Беларус». И я работал, по мере необходимости, то на бульдозере, то на экскаваторе. С первой бригадой у меня отношения были чисто деловые, но уж зато с приехавшей ей на смену другой я

поработал и попил спиртика на славу. Кстати, зятёк Слава Рощин именно из этого коллектива. Я тут выше упомянул, что попил на славу, так оно в действительности и было. Дело в том, что у газовиков для сварки полиэтиленовых труб применялся питьевой спирт, и каждая бригада привозила с собой из Тюмени пару сорокалитровых фляг, а может, и одну – точно не знаю. Знаю только то, что в спирте недостатка не было.

Пили мы практически каждый день, но и работали много и допоздна. Когда подходило время обеда, то ребята меня всегда приглашали потрапезничать вместе с ними. Я сначала отнекивался но всё-таки заходил и скромно садился сбоку, однако после двух-трёх стопарей спиртика уже по-хозяйски усаживался за стол. За обедом сильно не напивались, скажем так, были на хорошем, но трудоспособном взводе. Зато вечером, когда я приносил из дома баян, мы такого песняка задавали, что стёкла дрожали. Работали мы в таком ритме месяц или чуть побольше, и, что характерно, я почти не болел с похмелья. Пить-то мы пили, но и сделали за это время довольно-таки много. Мне платили по устному договору по два миллиона рублей в месяц. Деньги по тем временам хоть и небольшие, но для нашего семейного бюджета весьма и весьма существенные. У меня до сих пор о работниках этой бригады – Диме Голове, Гене Мочалкине и Шурике сохранились самые тёплые воспоминания.

Конечно, много можно было бы о чём понаписать, но пора остановиться и перевернуть страницу. И хотя это самый большой отрезок моей трудовой жизни, в подробности вдаваться не стоит. Скажу лишь одно, что один Бог ведает, сколько десятков километров дорог и погрузочных площадок мной прокорчёвано, сколько тысяч кубов грунта и опила перемещено, а уж сколько снега «перелопачено», тут, как говорится, чёрт мерил, да мерку сломал. Хочу ещё помянуть добрым словом соратников той поры по лесозаготовкам: Майснера Александра, Юхимчука Сергея, Борисова Сергея, Казимиренко Александра, Веряскина Анатолия, Протазанова Геннадия, Прокопова Игоря, Доровико-

ва Владимира, Корчагина Виктора, Рева Степана, Козырева Владимира, Рахимова Наиля и ныне покойных Вторушина Фёдора, Шилова Владимира, и пожелать здравствующим ныне добра и благоденствия, а покойным – царствия небесного. Опять же всех не перечислишь, и вы уж простите меня, что если кого-то не помянул, так это не значит, что я не помню про вас и про то, как мы жили и работали. Ладно, больше не буду злоупотреблять вашим терпением, дорогие читатели, и заканчиваю восьмую главу очередным четверостишием:

Вот опять я пишу про работу,
Про серые будни труда,
Но мне наречённую квоту
Я выполнил всю до конца.

Я и И. Костылев у своих бульдозеров.

Дела семейные

Итак, газовики уехали, а Слава Рощин остался, потому что за-дружил с моей дочерью Лилией, и они решили пожениться. А коли так, то, сами понимаете, нужно сыграть свадьбу. Конечно, время тогда было ещё очень тяжёлое, и лет пять-шесть в посёлке не было ни одной свадьбы. За это время, естественно, по-женились несколько пар, но свадеб не делали, а так, соберутся родственники, отметят бракосочетание, и всё. Работая с газови-ками, я подкопил несколько миллионов рублей, и поэтому жена Вера поехала вместе с молодыми в Тюмень закупить к свадьбе всё необходимое. Там Слава уволился из своей организации, и тоже получил неплохие деньги. В Тюмень их возил мой сын Эдик на машине деда, и проехали они довольно-таки долго, чуть ли не месяц. Дело в том, что сынок ещё учился заочно в техникуме, и заодно сдавал сессию.

Наконец, все вернулись, привезли всё необходимое для свадьбы, и даже видеокамеру купили – вещь по тем временам дорогую. По крайней мере, в посёлке тогда такой штуkenции не было ни у кого. Выкопали картошку, и как только появилась возможность проехать на машине до Горно-Правдинска – мо-лодых там зарегистрировали. Так как иного подходящего по-мещения для проведения свадьбы не было, то её решили сде-лать в школе. Хочу за это сказать большое спасибо директрисе Корчагиной Валентине Антоновне, и ещё спасибо ей за то, что позднее мы и сыну Эдику справили там же свадьбу. Дай Бог ей здоровья и долгих лет жизни!

Что ж, дочь выдал замуж, и у меня появились новые род-ственников на Алтае: сваты – Рощин Юрий Иванович, Голова Та-

тьяна Алексеевна, сестра Славы Риммочка и его брат Дима. На следующее лето я попросил у директора нашего предприятия Петра Николаевича дать мне несколько миллионов из заработанных денег, чтобы съездить в гости к сватам, и он распорядился выделить нужную сумму. По приезде познакомились с новыми родственниками, хорошо провели время и вдоволь налюбовались красотами природы Алтая. Жили Лиля со Славой у нас год или подольше, а потом мы им помогли купить квартиру.

И снова осень, мы опять выкопали картошку. Вскоре Эдик знакомится с приехавшей работать в наш посёлок медиком Юленькой Рудаковой. Они подружились месяца два или три, и опять настала пора готовиться к свадьбе. Ну уж тут, как говорится, было попроще. Дело в том, что сваты Рудаковы Виктор Иванович и Елена Анатольевна живут в Горно-Правдинске, а это всего лишь в пятнадцати километрах от нашего посёлка. Вдобавок ко всему, у свата есть машина, по-моему, «Москвич». Он съездил на ней в город и закупил всё необходимое для свадьбы. В январе Эдик с Юленькой зарегистрировались в Горно-Правдинске, и мы опять же в школе справили свадьбу. Правда, было холодновато, но горячительное сделало своё дело, и все повеселились на славу. Жили молодые у дедушки с бабушкой – Крутицких, а потом им выделили недостроенный дом, который, по договору, доделывали сваты.

Долгое время я жил некрещёным. Ближайшая действующая церковь была только в Тобольске, а это от нас триста-четыреста километров. Наконец в 1995 году в наш посёлок приехал священник отец Зосима и окрестил всех желающих, в том числе и меня, уже в сорока пятилетнем возрасте. А пишу об этом потому, что впоследствии не раз выручал меня Ангел-хранитель, а он, если не ошибаюсь, помогает только верующим. Коли я не забуду, то ещё коснусь этого вопроса. В 1996 году мне по льготной категории назначают пенсию, но я продолжил работать на бульдозере до октября 2001 года. В 2000 году у жены Веры

признают рак, и ей осенью делают операцию в Ханты-Мансийске. После неё она пять месяцев чувствовала себя относительно нормально, даже в Тюмень поехала с ребятами за покупками. Уехать-то уехала, но когда вернулась оттуда, то домой её заводили уже под руки, и она слегла.

Находилась она всё время у родителей, так как я ещё работал. Пока была какая-то надежда на выздоровление, Вера пила растительное масло с водкой, но улучшения не наступало. Конечно, досталось больше всех от её болезни родителям, особенно матери, потому что больная не разрешала ставить ей обезболивающее средство. Она кричала от боли почти все ночи напролёт, и за два месяца вымотала из нас все духовные и физические силы. В конце концов, Вера всё-таки согласилась на уколы, и несколько дней и ночей спала без крика. Первого мая, не дожив до пятидесяти лет пятнадцать дней, она тихо скончалась. Мы все знали, что она обречена, но всё равно для меня это был тяжёлый удар. Народ в посёлке ожидал, что я запью, но этого не случилось. После похорон, как положено, справил все обряды и продолжил работать.

Через месяц или чуть больше я всё-таки сорвался и запил на неделю. После этого я двое суток почти не спал, а на третью ночь вижу во сне, что меня со всех сторон обступила нечисть. Окружили, причём не такие черти, которых рисуют с хвостами и рогами, а люди, все в серых костюмах, но с очень неприятными омерзительными лицами. Даже сейчас, спустя десять лет, когда я пишу эти строки, у меня «мурашки» бегут по спине. Когда они говорили между собой, то во рту у них ни зубов, ни языка не было видно, а просто чернота. А разговаривали они о том, что я часто проклинаяю их, и буду проклинать ещё сильнее. О чём шла тогда речь я понял, когда написал несколько стихотворений, восхваляющих Господа, а нечисти посылал хулу при каждом удобном случае. Помню, тогда во сне я оцепенел от ужаса, а это проклятое отродье придвигалось ко мне всё ближе и ближе.

Ну, думаю, конец мне пришёл, не видать больше света божьего. И тут слышу голос, поворачиваюсь на него и вижу – стоит невысокий лысый мужичок средних лет в цивильном костюме и говорит мне:

– Возьми крестик в руки и говори: «Господи помилуй! Господи помилуй!..»

Тут я просыпаюсь и вижу, что держу крестик в руке, голова моя повернута в сторону висящих в углу икон, и только одна из них, с изображением Иисуса Христа, светится.

Месяца через два я снова на неделю оказался в объятиях зелёного змия. И опять же на третью ночь отходняка почти что наяву вижу, что рядом со мной ложится голый чёрт, волосатый такой и омерзительный до крайности. (Вот сейчас пишу об этом, а у самого от одних воспоминаний мороз по коже). Я хочу его перекрестить, чтоб отогнать, да рука не слушается. Между прочим, вся нечисть хорошо умеет лишать человека воли к сопротивлению. И опять слышу, как тот же знакомый голос мне говорит:

– Пугай его крестом!

Я тут же взял в руку крестик и, показывая его чёрту, сказал:

– А вот я тебя сейчас чем пугну!

И, действительно, нечистый сразу резко сиганул в сторону. Я повторяю, всё это было, почти наяву, потому что стоило закрыть мне глаза, и серые тени снова склонялись надо мной. И только после того, когда я положил рядом иконку с образом Иисуса Христа, прочитал молитву и перекрестил всё кругом – нечисть отступила. Понял я после всего пережитого – подсказывал мне, что надо делать, Ангел-хранитель. К слову сказать, надёжный у меня, благодаря Господу, заступник.

После этих двух случаев, я чувствую проклятущую нечисть, где бы она не находилась. Со мной произошло ещё два подобных случая, когда, будучи совершенно трезвым, я столкнулся с этой мерзостью. Один раз, когда я жил и работал охранником в

Доме книги города Ханты-Мансийска, а второй – там же, только в Доме писателей. Однажды вечером, часов в одиннадцать, я сделал обход здания Дома книги и, когда пошёл в подвал, то почувствовал необъяснимый страх. Конечно, мне стало понятно, что тут поселился чёрт, и на следующее дежурство я взял с собой молитвослов. Когда в половине двенадцатого все сотрудники из здания разошлись, я сделал обход, а потом прочитал молитву на изгнание беса.

Потом, как обычно, расправил раскладушку в фойе и лёг спать. Вскоре, как только я задремал, послышались сверху быстрые лёгкие шаги. Ну, думаю, опять кто-то из сотрудников слишком долго задержался. Хочу встать, чтоб закрыть за ним дверь, и не могу пошевелить, ни рукой, ни ногой. Состояние такое – сплю и не сплю, но глаза – то ли открыть, то ли закрыть не могу. Вижу, тень промелькнула мимо меня, и приоткрыла первую дверь, но задержалась и как бы повернулась ко мне. Я мысленно, потому что язык не ворочается, говорю ему:

– Вот сейчас я позвоню в милицию!

Однако тень подходит ко мне и говорит:

– Сейчас я войду в твоё тело!

И я почти вижу и чувствую, как серые мерзкие холодные частицы начинают прикасаться к моей спине. Из последних сил я начал махать руками и ногами, и тень отступила. Вот тогда я понял, что значит выражение – одержим бесом, это сатанинская энергия проникает в тело человека. Когда тень отпрянула, тут же что-то стукнуло, и всё стихло. Я прочитал молитву и спокойно заснул.

У нас в фойе висело четыре больших деревянных ящика для почты, и когда утром пришёл сменщик, то, глядя на них, спросил:

– А почему это ящик висит на одном гвозде?

И действительно, ящик был сброшен с одного гвоздя, и сброшен был, по всей видимости, убегающим чёртом. Посу-

дите сами, всё крепление было на месте, и за это время никто не входил и не выходил. Можете, конечно, мне не верить, но сомневаться – это ваше право. А ещё раз набросился на меня нечистый в гостинице Дома писателей. И хотя я иногда выпивал, в оба эти раза был абсолютно трезв. Тогда я лёг спать часов в одиннадцать. Внизу ещё было слышно, что работал телевизор у охранника, значит, он не спал. И только я задремал, как слышался лёгкий шум. Спал я без одеяла и сразу почувствовал на себе холодное мерзкое прикосновение каких-то частиц. Я тут же задрогал ногами, и мразь отступила. Я посмотрел на часы – было без двадцати двенадцать, а внизу по-прежнему работал телевизор. Мне не оставалось ничего другого, как прочесть молитву, перекрестить всё вокруг себя и снова лечь спать.

Конечно, нечисть ещё не раз являлась ко мне во сне, и обязательно после этого были неприятности. Явных таких нападков сатанинского отродья мне больше испытать, благодаря Господу, не довелось. Однако коли коснулся мистической темы, то расскажу заодно пару необычных снов. Однажды вижу во сне, что я зашёл в довольно большой туалет на несколько толчков. Когда повернул голову вправо, то увидел на полу портреты Сталина. У меня, знаете, мороз пошёл по коже, шутка ли – портреты такого человека, и на полу туалета. И тут вижу, заходит Сталин в фуражке и шинели, а следом ещё кто-то в таком же одеянии, но я не узнал его. Они раздеваются до пояса, лезут в эти толчки и молятся на свои портреты. Не берусь судить, но, возможно, им уготована на том свете такая жизнь на веки вечные.

А ещё раз во сне меня завели в какой-то коридор, где стояли люди, и по очереди их уводили в какую-то страшную канцелярию. В том коридоре я увидел и недавно умершую от вина знакомую женщину. Она вдруг вскочила и побежала в другие застеклённые двери, но её сразу догнали два чёрных человека и повели в чёртов предбанник. И тут я слышу голос, который меня чётко предупредил:

– Если не бросишь пить, то и тебя это же ждёт!

Также во сне я услышал однажды далёкий-далёкий тихий голос, который бесстрастно вещал, что они к своей планете Водур притягивают гигантский ледяной астероид. То ли у них там кончилась вода или ещё что-то иное, я не разобрал, о чём дальше шла речь. В одном из снов я даже побывал адъютантом у Колчака, в звании капитана. Может, вы скажете, что это всё бредни похмельного синдрома, и будете отчасти правы, но в таком состоянии со мной это было два раза. Всё остальное тоже не выдумка, а реальная действительность, и если вам не приходилось сталкиваться с этими чёрными страшными силами, то и не приведи Господи.

*С женой Верой на отдыхе
в Евпатории.*

В октябре меня увольняют по собственному желанию, потому что я слишком долго проездил в Ханты-Мансийск, и на моё место приняли другого специалиста. Около месяца или чуть меньше просидел дома, а потом меня пригласила поработать по договору дорожная организация. Проработал я у них до Нового года, а в середине января меня опять попросили на работу в лесоучасток. Дело в том, что новый специалист не знал даже, каким образом можно выкорчевать пень, и когда дело дошло до серьёзной работы, он просто уволил-

ся. Проработал я в лесоучастке до марта 2002 года и уволился, потому что меня ждала новая неизведанная жизнь.

Заканчиваю очередную главу четверостишием и перехожу к следующему основному разделу моей жизни, ради которого я, собственно, и затеял эту исповедь.

Маятник долго качался
В ритме привычных забот,
Но вскоре себе он признался,
Что ритм-то давно уж не тот.

Он замер и снова качнулся,
На мир по-иному взглянул,
И ритм его вдруг изменился,
И другой амплитудой шагнул.

Трудное становление

В предисловии я сказал, что появилось много свободного времени по выходу на пенсию, и поэтому стал писать. Это не совсем правда. Вернее, правда процентов на десять, а остальное – не что иное, как состояние души с её неутолимой жаждой изливать и радость, и красоту, и страдание, и юмор, и песни на бумагу. Не знаю, кому принадлежат слова: «Если можешь не писать – не пиши». Сказаны они, по-моему, мудрым человеком, и тут добавить или убрать нечего. Конечно, это общепринятая догма, но себя я в ней чувствую не совсем уютно. Точнее, не совсем уж данное выражение и догма, потому что право оно лишь наполовину. Ну, как тут можно согласиться, если я, к примеру, не писал пятьдесят три года, а потом прорвало, да так, что до сих пор остановиться не могу. К слову сказать, коли не писал, это не значит, что не страдал. Ещё как страдал!

Мне хотелось бы начать дальнейшее повествование о том, как я стал писателем. Но рука не поднимается. Не поднимется же она потому, что считаю, писатели – это Толстой, Чехов, Куприн, Достоевский, Шолохов, Астафьев, Некрасов, Пушкин, Есенин и другие, а я просто член Союза писателей России. Мне никогда не достичь той вершины, на которую они поднялись в своём творчестве, хотя к этому стремиться надо, иначе какой смысл писать. Конечно, мной написано кое-что, а какое оно, это кое-что – пусть судят читатели. Ни хвалить, ни ругать своё творчество не буду, потому что, как говорится, самоунижение – хуже хвастовства. Ну, ладно, хватит философствовать, пора работать над сутью главы. Начну её, пожалуй, с риторического вопроса: почему всё-таки я начал писать?

Ещё в раннем детстве, насколько себя помню, моей хрупкой душой при виде какой-то красоты, овладевало непонятное сладостное томление. Особенно яркие впечатления на меня производили первые робкие пробуждения ранней весны в округе нашей деревни. Сначала вытаивал берег речки. По этому поводу позднее будет написано четверостишие:

Из-под снега пригорок родился,
Мокрым боком под солнцем блестит,
Как ребёнок, весне удивился
И с радостью в небо глядит.

Потом чуть ли не через каждые десять метров начинали бежать в речку ручейки. Весело перемигивались друг с другом и разговаривали с мокрой, пока ещё холодной землёй, и посылали солнечных зайчиков доброму, тёплому, ласковому, голубому небу. Они также говорили и со мной на своём журчащем диалекте, напоминающем детский лепет. Присядешь, бывало, на какое-нибудь брёвнышко. Вслушаешься в этот журчащий хор, исполняющий гимн счастья, весны, и незаметно для себя заплачешь от радости, переполняющей душу.

Где-то робко, стыдливо прокукарекает петух, как-никак, время-то дневное. Ему тут же откликнется другой, и начинают подпевать, каждый на свой манер, неумолкающей песне ручейков. Потом речка наливается соком жизни, шумит, спешит внести свою лепту радости в большую реку Иртыш, который к этому времени уже потемнел и готовится сбросить с себя ледяные оковы.

Река потемнела от ярости,
За муки в ледовом плену,
И даль голубая кончается
В каком-то неясном дыму.

Я тут выше упомянул про Иртыш, так он и нынче такой же мутный, стремительный, и до сих пор пребывает в нескончаемо среднем, полном сил возрасте. Река-то та же, да ледоход не такой, как полвека назад. Вот, думаешь, ну что такое пятьдесят лет для природы? Однако изменения за это время произошли очень существенные. В шестидесятые-восьмидесятые годы мороз за сорок градусов у нас стоял, как минимум, пять-шесть раз за зиму. Лёд на Иртыше намерзал почти всегда солидной толщины, и поэтому шёл не меньше недели. Часто возникали затопы, и вода, ломая льдом прибрежные кусты, выталкивала его на берег. Вместе со льдом продвигались на север и утки. Вы даже не представляете себе, что творилось на Иртыше в эту пору. Табунчики уток сидели на льдинах, хлопали крыльями, а потом взмывали в тёплое голубое небо и улетали куда-то в, только им ведомую даль и снова возвращались. Только, скорее всего, прилетали другие, а может, и те же, кто их считал в таком переполохе.

...Вот и мы дождались той минуты –
Начался у весны перелом,
Всё большие да малые льдины
Понесло по реке напролом.

Затопила река всю низину,
Хочет силой деревья согнуть...
Вон уж ветка целует, целует
У воды бесноватую муть.

Год за годом гуляет стихия,
Каждый раз повторяя свой путь,
Но ледовых полей баррикады,
По весне посмотреть не забудь.

Вот я опять отвлекся и опять пишу о природе. Кто-то из писателей или критиков сказал, что, когда прозаику писать не о чём, он пишет про природу. Может, это и так, но я сейчас пишу исключительно из-за большой любви к ней. В своих небольших рассказах описываю природу только в том объёме, который необходим для отображения сюжета. А вот в стихах, полагаю, можно, даже нужно воспевать природу, как дарованную нам Господом колыбель жизни.

Сквозь весну в небеса возвышались
Купола православных церквей,
И с зарёю кресты целовались
И купались в восходе лучей.

И кусты, и трава молодая,
Каждый Божьему солнышку рад,
И частица небесного рая
Пролилась на церковный фасад...

Писать стихи я начал не о любви, хотя и о ней написано немало, а именно о природе и своей малой родине. Вернее будет сказать, о наиболее ярких, глубоко запавших мне в душу кусочках из окружающей нас благодатной картины. Кстати, опять хочу извиниться перед читателями за то, что пишу почти разговорным слогом. Оправдываюсь тем, что это не совсем художественная книга и не совсем сухое официальное описание моих жизненных коллизий. Такой стилистикой написания я как бы смягчаю полухудожественную, полуофициальную исповедь. За одно извинюсь, если в чём-то повторяюсь или о чём-то забуду написать. Простите меня, но не могу не вставить в книгу ещё одно стихотворение о весне и о моём отношении к природе.

Небо ранней весной голубое,
Горизонт синей дымкой сокрыт,
Я иду неприметной тропой –
Меня тянет весенний магнит.

Вот берёзы толпой шаловливой
Преградили мне ветками путь.
Я, пожалуй, такой же счастливый –
Обнимал их за белую грудь.

От любви я немножечко пьяный,
Продолжаю весенний свой путь.
И черёмухи запах дурманный
Не даёт мне в пути отдохнуть.

Первые две строчки наивных стихов написал в четвёртом классе, меня за них даже учительница похвалила. Потом сочинил ещё раз два стихотворения, уже после армии. Только это были очень слабые потуги выражения нахлынувших чувств. Больше ни одной строчки, вплоть до 1999 года, я не писал. Возможно, потому что, если вы внимательно читали предыдущие главы, то должны понять, насколько многотрудной была работа, кстати, и домашняя тоже. Хотя это обстоятельство не оправдывает творческой бездеятельности. Видимо, просто моя душа была не готова изливать нахлынувшие чувства, для этого ей ещё предстояло вдоволь настрадаться.

Мне вспоминается эпизод, когда, крепко подвыпив после бани, я ни с того ни с сего неожиданно заявил своим домочадцам, что напишу книгу о своём детстве, и как ел тогда мёрзлое мясо. Все, конечно, долго смеялись, в том числе и я, когда на следующий день снова услышал от них свою сакраментальную фразу. Почему это взбрело в мою затуманенную вином голову за пять-шесть лет до того, когда начал писать, ума не прило-

жу. Не только в детстве, но и на протяжении всей жизни моя душа сладостно ныла при виде любой красоты. Будь то красивая грустная песня, а я люблю именно такие, закат или рассвет с первыми играющими бриллиантами росы лучами солнца или туман. Кстати, если вам никогда не приходилось видеть невысокий, плотный, клубящийся туман, то, можно сказать, вы ни разу не видели сказку наяву. А это, действительно, похоже на эпизод из сказки Петра Ершова «Конёк-Горбунок», когда его герой попал на небеса. Приведу за одно написанные мной строки:

А туман-то, какой!? Боже праведный!
Опустился на землю с небес,
Он клубится над спящей окраиной
И ласкает берёзовый лес.

Над рекой, над полями, над озером
Расстелился безмолвный туман,
И окрасилась Родина колером,
Серебристый надела кафтан.

Вот опять, скажете, автор прыгает с пятого на десятое, и нет никакой закономерности в повествовании. Может, вы будете и правы, но я постепенно, пусть с большими отступлениями, но подвожу вас к тому моменту, когда написал первое стихотворение. Также не без умысла рассказал и о моём крещении. Однажды вечером, жена в это время ещё хлопотала на кухне, я, засыпая, подумал:

– Интересно, какой он, Господь Бог?

И только уснул, сразу увидел большой сияющий неземным светом, похожий на осеннюю луну в полнолуние, только гораздо ярче, шар. Он на секунду приблизился ко мне и сразу исчез.

Я сразу проснулся, но больше такого виденья, сколько бы я Господа не просил об этом, мне увидеть не удалось ни разу.

Также припоминается случай, когда вахтовая машина оставила меня ночью одного на дороге. Я пошёл домой пешком, а идти надо было километров двадцать пять. Страшно вато, конечно, было – лес стоит с обеих сторон тёмной стеной и шумит, а ты один, и что бы не случилось, не поможет никто. Хорошо, что хоть дорога накатанная. Только ведь могли быть и волки, мы, кстати, незадолго до этого задавили одного матёрого лесовозом. Иду я и постоянно читаю одну и ту же молитву Богородице – не песни же петь. И вот, когда прочитал молитву, может, раз сто, вижу, что на дороге, благо, она прямая, появился какой-то свет. Ну, думаю, вспомнили, сейчас поедем, и так мне стало легко. И шёл по этой светящейся дороге ещё около часа, но никакой машины не было. Она приехала, когда я прошёл километров семь-восемь. По всей видимости, тогда в пути мне помогала идти Богородица.

Вы можете сомневаться, не верить, это ваше право, но я крепко в своей православной вере и не отступлю от неё никогда. А чтоб доказать сомневающимся, то, что Господь всё-таки коснулся меня своей благодатью, расскажу, каким было моё состояние после этого. Однажды утром, ровно за месяц до того, когда написал своё первое стихотворение, я проснулся в каком-то странно-радостном состоянии. Никаких причин для этого в окружении меня не было, всё обычно. И главное – я ничего не видел во сне, а может, и видел, да, как говорится, – заспал. Просто открыл глаза и чувствую, что меня распирает от радости. Сейчас мне трудно передать тогдашнее моё состояние, но хорошо помню, что меня сильно тянуло в церковь и хотелось петь. И до того было хорошо на душе, что я готов был выскочить на улицу и кричать:

– Люди, живите и радуйтесь жизни!

Однако я с трудом всё-таки сдержал себя, а то, чего доброго, сочли бы за сумасшедшего. И распирало меня таким образом, от радости неделю, а потом понемногу успокоился, и жизнь вошла в свою обычную колею. Больше никогда такого состояния я не испытывал, как бы хорошо мне не было.

Я всегда сильно в Господа верил,
Крепко верю в него и сейчас.
Я по Господу жизнь свою сверил...
И выходит, что грешен не раз.

В триединого Господа верю
И в великую милость его,
И молюсь я ему, как умею,
И прощенья прошу у него.

Многие знакомые и незнакомые люди, с кем приходилось общаться, когда узнают, что я, проработав тридцать лет на бульдозере, не имея высшего образования, стал писать книги, не перестают удивляться. Ну, что ж, вот я и раскрыл вам всю подноготную моих дел и состояния души, предшествующего началу творчества. Получилось, возможно, несколько сумбурно, неорганизованно и не выстроено логически, но если прочитать всё внимательно, то можно понять, чем и как я жил до того, как... В предыдущей главе писал, что вся моя семья осенью 1999 года уехала в Тюмень. Я остался один на целый месяц. Недели через две после их отъезда взял бумагу, ручку и, видимо, от тоски по родным написал стихотворение «Покинутая деревня».

Зарастают подворья крапивой,
На межу завалился плетень,
Только ветер рукой торопливой
Здесь калиткой скрипит целый день.

Затаились в смертельном испуге,
Почернели от горя дома –
Люди съехали все, и в округе
Из осенних дождей пелена.

Обложило ненастьем деревню,
И ночами не видно зарниц,
Только с крыши дождевки на землю,
Словно слёзы, струятся с ресниц.

Содрогая небесную сырость,
Пролетит вдалеке самолёт,
И опять тишина да унылость,
Лишь калитка скрипуче поёт.

Печатал стихи я на механической машинке, и когда набралось семь-восемь десятков, то решил показать их кому-нибудь в Доме писателей города Ханты-Мансийска. В ту пору там работала литконсультантом Миляева Люба. Она прочитала стихи, сделала мне какие-то замечания, и я уехал домой. Вернулся в Ханты-Мансийск только через год, и опять же в Доме писателей познакомился с Тархановым Андреем Семёновичем – известным поэтом, не только в Югре, но и в России. Наше знакомство мы, конечно, отметили шампанским, а уж сколько впоследствии продегустировали разных вин – одному Богу известно. Но это так, к слову. В первую очередь – мы работали, а выпивали только тогда, да и то понемногу, когда наши творческие аккумуляторы требовали подзарядки. Андрей Семёнович отобрал для сборника шестьдесят моих стихотворений и сделал по всем редакторские замечания.

Вот так и началось наше творческое сотрудничество, которое переросло в настоящую мужскую дружбу. Ей уже десять лет. Но обо всём по порядку. Именно Андрея Семёновича считал и считаю до сих пор моим учителем и наставником. У него как-никак за плечами литинститут и громадный писательский опыт, которым он делится со мной до сих пор. Почти одновременно со стихами я начал писать и короткие юмористические рассказы, но об этом чуть позже. С отобранными для сборника

стихами я уехал домой, и там работал над ними. Потом опять показал их Андрею Семёновичу, и снова были замечания. Наконец, стихи были готовы, и мы стали искать деньги для издания книги. Да, ещё забыл сказать, что Андрей Семёнович с Любой Миляевой готовили к изданию сборник начинающих авторов города Ханты-Мансийска – «Самаровский ямб», и взяли в него несколько моих стихотворений. Осенью того же года сборник был издан, и я впервые в жизни увидел свои стихи в книге.

Вскоре нашлись и деньги на издание моего сборника стихов и прозы «Лунные ночи». Выделил их глава администрации Ханты-Мансийского района Юрий Тимофеевич Манчевский. Впоследствии он ещё не раз помогал в издании моих книг. Низко кланяюсь Юрию Тимофеевичу за чуткое отношение к писателям. Дай Господь ему здоровья и долгих лет жизни. В типографии «Полиграфист» города Ханты-Мансийска выходит моя первая книга «Лунные ночи», 4,65 усл. п. листов и тиражом триста экземпляров. Книга, даже с высоты кое-какого накопленного опыта, выглядит весьма неплохо, хотя сейчас я, возможно, что-то исправил бы.

Ну, что ж, книга издана, и самое время перейти к следующему разделу этой главы – личной жизни. В марте 2002 года я переезжаю жить на квартиру к незамужней женщине X (икс) в город Ханты-Мансийск. Прожил я у неё полтора года, а так как мадам обладала очень неуравновешенным взрывным характером, то в конце концов и предложила мне съехать куда подальше. Благо, уйти было куда, потому что в Доме писателей есть гостиничка. Николай Иванович Коняев – секретарь окружной писательской организации – разрешил мне там поселиться. Да, ещё забыл сказать, что в октябре 2002 года устроился на работу охранником в ДЭСЗ и проработал до сентября 2006 года. После мадам X, я прожил в Доме писателей восемь или девять месяцев, как говорится, холостуя. Потом познакомился и перешёл, опять же на квартиру, к сударыне Л. Прожили мы с ней пять месяцев, и я вернулся в родные пенаты.

Опять восемь месяцев холостой жизни, и снова я на квартире у женщины – женщины, надо сказать, хорошей. Жили мы с ней восемь месяцев, а потом мне, как писателю, дали комнату в общежитии. Как-то так, в силу разных обстоятельств мы решили, что я поживу один в предоставленном жилье, а потом определимся, как быть дальше. И хотя у нас с ней были и остаются хорошие отношения – я не вернулся, видимо, не судьба. И опять полгода холостой жизни в общежитии.

В октябре 2008 года я познакомился с Валею, приехавшей учиться в телерадиокомпанию «Югра» на художника-аниматора. В середине января 2009 года мы зарегистрировались, и живём вот уже почти два года. Работает Валя сейчас художником-буффом в театре кукол, и работа ей нравится. В настоящее время проживаем втроём – я, Валя и её девятилетняя дочь Ирина в маленькой комнатке 13,7 кв. метра, но, как говорится, в тесноте да не в обиде. Надеемся, конечно, получить квартирку чуть побольше, т.к. стоим в очереди уже второй год. Живём пока, слава Богу, хорошо, а уж как будет дальше, проживём – увидим.

Всё время, когда я жил в Доме писателей, там же, в гостинице, проживал Сергей Мартовский. Он перебивался случайными заработками и больше, чем наполовину, питался за мой счёт. Потом, в конце концов, он уехал, не вернув мне долг в восемь тысяч, куда-то на юга. Я пишу об этом не для того, чтобы сказать: «Ах, какой он негодяй!» – а просто показать реальную действительность, в какой приходится жить некоторым писателям. Конечно, и я далеко не идеал, потому что иногда срывался и выпивал. Однако пил не так уж и часто и не столь помногу, как хотел бы. Но если был такой грешок (ишь ты, как ласково называю-то – грешок), значит, был, и нечего себя облагораживать. Тем более что пишу как бы исповедь, а от Господа всё равно ничего не утаишь. Частенько ко мне приходил Андрей Семёнович, и мы с ним иногда после творческой дискуссии позволяли себе выкушать бутылочку-другую винца. К слову сказать, в молодые годы

я выпивал гораздо чаще, и уровень загрузки был далеко не тот, как в недавнее время.

Сейчас же я не пью вообще, даже пиво, и не из-за того, что здоровье не позволяет, а потому как имею силу воли и хорошую жену, обижать которую выпивкой не позволяет мужская гордость. В связи с этим опять приведу строки моего стихотворения:

Чем укрыть тебя, милая дева.
И какую мечту постелить,
Чтобы ночь нескончаемо пела,
И хотелось до боли любить.

Пусть богиня любви Афродита
Над тобою раскинет вуаль...
Будет ночь звездопадом расшита,
И любовью пропитана даль.

После небольшого отступления я снова возвращаюсь к теме становления моего творчества. Сдал в набор рукопись «Лунные ночи». Она стала для меня как бы ребёнком, выпущенным в самостоятельную жизнь. Настала пора думать о новом потомстве, и я начал работать над новой книгой. Хотя, может, и не стоит называть книгой издание в семьдесят страниц, но для меня пусть она останется книгой.

В июле 2002 года в издательстве «Полиграфист» города Ханты-Мансийска выходит моя вторая книга «Непридуманные истории», под редакцией Андрея Тарханова. В ней уже больше рассказов, нежели стихов и песен. Не рассказывал вам ещё, что на некоторые свои стихи я стал сочинять музыку, и к настоящему времени у меня их двадцать пять. На два моих стихотворения написал прекрасную музыку профессиональный композитор Владимир Пшеничников, и эти песни частенько звучат на концертах в Ханты-Мансийске. Но вернёмся к нашим баранам...

Книга, на мой нынешний взгляд, получилась сыроватая, хотя есть и вполне приличные стихотворения, к примеру, «Два костра» или «Болезнь».

Два костра

Два костра загорелись у речки,
Ненароком разбужена ночь.
Точно Богу поставлены свечки –
Кто-то просит о чём-то помочь.

Блики мечутся, молят о встрече,
На воде, отражаясь, бегут,
Искры сыплют зарядом картечи,
На свиданье друг друга зовут.

Дым, как будто влюблённые руки,
Через речку тянулся с мольбой.
Два костра говорят: «Мы в разлуке,
И любовь разделёна рекой».

И горят увлечённо и жарко,
Всё надеждой о встрече живут.
Боже мой! Мне их всё-таки жалко,
Что любви они здесь не найдут.

Болезнь

Что-то больно мне нынче уж очень,
Я огнём стихотворным горю,
Всё пишу про ушедшую осень
И про зиму в бреду говорю.

По каким-то хожу закоулкам
Или в небо, как птица, лечу,
То умолкну больным недоумком,
Или снова от боли кричу.

То иду по знакомой дороге,
Вижу снова деревню свою,
Или тут же по пояс в сугробе
Замерзаю в холодном раю.

Я купаюсь в уснувшей речушке,
То катаюсь по тонкому льду,
Или просто в худой брезентушке
Я без цели куда-то бреду.

И зачем меня так лихорадит?
Почему я стихами больной?
Кто же в царство поэзии манит?
Кто украл навсегда мой покой?

Конечно, в книге есть довольно-таки много мест, изложение которых можно покритиковать, а лучше всего быть снисходительным. Как-никак эта книга – начало творческого пути. Сейчас, безусловно, я больше работаю над каждым слогом и предложением, но и нынче от ошибок не застрахован. Опять же, в связи с этим хочу привести, пусть не дословно, чьё-то одно умное высказывание: «Желчный скептик ищет в книге ошибки, а добрый образованный человек – хорошие удачные места». Впоследствии в некоторых рассказах я что-то изменил, добавил, и, на мой взгляд, они стали лучше восприниматься читателями. Кстати, с изданием книги мне помогли опять же Ю.Т. Манчевский, П.Н. Захаров и В.М. Джентемиров, спасибо всем ещё раз.

В ноябре 2006 года у меня выходит в издательстве «Пакрус»

города Екатеринбурга очередная книга рассказов «Просто курьёзы». Помог с изданием первый заместитель председателя Комитета по печати и полиграфии ХМАО-Югры Юрий Евгеньевич Устенко. Хочу пожелать этому доброму, вечно занятому человеку здоровья, долгих лет жизни и плодотворного занятия нужным и благородным делом. Кстати, когда выпускали книгу, то мне позвонил генеральный директор «Пакруса» и сказал: «Поверьте, мы выпускаем много книг, но так неподдельно искренне смеялись над героями Ваших рассказов впервые». Конечно, лестно было услышать такой отзыв от профессионала.

Редактировал книгу Сергей Мартовский, но так как он всё-таки поэт, а не прозаик, то я считаю, что этот «редактор» сильно выхолостил мои рассказы. Вдобавок ко всему к ней приложил руку редактор издательства, и некоторые рассказы почти не передали того колорита, которым общались мои герои. Они лишились той изюминки народного юмора, которую надо чувствовать всем своим писательским нутром, конечно, если ты писатель. Впоследствии мне пришлось опять-таки многое переделывать в этих рассказах. У меня нет ни одного героя собирательного образа (по-моему, я уже упоминал об этом), все – реальные люди, со своими реальными историями. Безусловно, что-то приукрасишь, преувеличишь, но суть народного фольклора нужно довести читателю без надуманности, а для этого необходимо обладать каким-то чутьём, чтобы найти золотое зёрнышко в куче плевел.

Со многими героями моих рассказов я знаком лично, и поэтому старался как можно реальнее и скрупулёзнее передать черты их характеров. Подмечал и вытаскивал на свет божий иной раз такие нюансы поведения героев, что они подчас сами удивлялись и даже не соглашались со мной, дескать, дело-то было не совсем так. Кто-то пишет, как бы высмеивая человеческие пороки, у меня же несколько иная направленность изложения сюжета. Иная в том, что я как будто бы смеюсь, по-доброму, вместе с моим героем над его промашкой.

Первый и очень серьёзный анализ сюжетов моих рассказов сделал известный писатель-прозаик из Санкт-Петербурга Николай Михайлович Коняев. Его пригласил на семинар литераторов руководить секцией прозы ответственный секретарь нашей писательской организации, тоже Николай Коняев (кстати, тоже не менее известный писатель-прозаик, и я уже упоминал о нём), только отчество у него – Иванович. К тому времени у меня, кроме книги «Просто курьёзы», было написано ещё несколько десятков новых рассказов. И всё это я представил на рассмотрение руководителя и членов комиссии семинара секции прозы.

На следующий день, когда настала моя очередь, как говорится, подставлять бока, где зудится, я неожиданно для себя услышал тёплые хорошие отзывы от члена комиссии писателя Валерия Михайловского. Потом меня немного пожурил за отдельные недочёты писатель-прозаик Сергей Луцкий, но в целом высказался за возможность рекомендовать меня кандидатом в члены Союза писателей России.

И последним взял слово руководитель секции прозы Н.М. Коняев. Поначалу Николай Михайлович порекомендовал мне некоторые рассказы не включать в книгу. Однако остальные произведения, сказал он, заслуживают только одобрения, и что меня следует принимать не кандидатом, а сразу в члены Союза писателей России. И вот, благодаря столь высокой поддержке, меня рекомендовали ещё два секретаря Правления СП – Александр Кердан и Николай Иванович Коняев. Таким образом, для принятия меня в СП не требовалось даже решение общего собрания писателей ХМАО-Югры. Но, коли был семинар, значит, и почти все писатели нашей организации были на нём, поэтому грех было не воспользоваться такой возможностью. Напечатали бюллетени, и когда проголосовали, то оказалось, что меня рекомендуют единогласно, при одном воздержавшемся. Я даже догадываюсь, кто бы это мог быть, но грех на душу брать не буду, не пойман – не вор. Да это, собственно, абсолютно ничего не меняло.

На следующий день я поехал провожать Николая Михайловича, мы с ним выпили по сто граммов на дорожку, и он улетел в свой Санкт-Петербург. Где-то после Нового, 2007-го, года Николай Иванович Коняев подготовил документы, необходимые для принятия меня в СП и отправил в Москву. В 2007 году у меня вышла в издательстве «Полиграфист» города Ханты-Мансийска небольшая книга рассказов «Китайский плацкарт». Именно в этой книге я отобразил своих героев такими, какими видел их. Причём немаловажным фактором подачи прямой речи героев рассказов является диалект, на котором они говорили. Впоследствии некоторые рассказы печатались в журнале «Югра», альманахе писательской организации ХМАО-Югры «Эринтур» (Поющее озеро). В связи с выпуском книги, я хочу поблагодарить за спонсорскую помощь президента Ханты-Мансийского банка Д.А. Мизгулина и вице-президента этого же банка А.И. Смирнова и пожелать им всех благостей. А так как Дмитрий Мизгулин к тому же член Союза писателей и талантливый поэт, то ему, конечно, новых талантливых стихов.

Итак, после выхода книги я отправил несколько экземпляров в Правление СП города Москвы, так сказать, для подкрепления, и стал ждать результатов заседания профессорской комиссии по приёму в СП. Подобная комиссия собирается два раза в год, а регионов в России больше восьми десятков, и каждого представленного кандидата в СП надо рассмотреть, так что на скорый приём рассчитывать не приходилось. Однако в середине 2007 года я получил открытку от Н.М. Коняева, в которой он сообщал, что выступил на комиссии по приёму в СП, и его доводы о принятии меня в Союз оказались убедительными. Кроме того, он прислал мне газету писательской организации города Санкт-Петербурга, в которой одобрительно отозвался о моём творчестве. Таким образом, неожиданно для себя я приобрёл в лице Николая Михайловича опытного наставника и надёжного покровителя.

Дай Господь ему здоровья, долгих лет жизни и творчества высокого ранга, каким он обладает в совершенстве.

Ближе к осени наконец-то пришло удостоверение на членство в Союзе писателей России, и с этого момента я полноправный член этой организации. Как-то на одной из творческих встреч в окружной библиотеке Николай Иванович Коняев сказал, что не знает, кого во мне больше (имея в виду вашего покорного слугу) прозаика или поэта. И, наверное, он прав, потому что я на самом деле не знаю, когда и на какое творчество меня потянет. И вот, после всех передрыг у меня в 2007 году опять выходит книга стихов «Осеннее признание» в издательстве «Полиграфист» города Ханты-Мансийска. Профинансировал издание работающий в ту пору генеральным директором завода ЛВЛ-Югра П.Н. Захаров. Мне не остаётся ничего другого, как в очередной раз поблагодарить этого умного отзывчивого человека. Далек не каждый руководитель соглашается профинансировать издание книги, и поэтому к людям, оказывающим поддержку писателям, у меня всегда особое уважительное отношение.

В книгу стихов «Осеннее признание» вошла, кроме новых, часть стихотворений из сборников «Лунные ночи» и «Непридуманные истории». Конечно, я в них кое-что переделал и подправил. Все эти годы творчества я довольно-таки часто общался с коллегами по перу и, естественно, получал какие-то замечания, как по стихам, так и по рассказам. Я уже писал о том, что не имею ни гуманитарного, ни технического высшего образования, и поэтому впитывал и анализировал всё, о чём мне говорили более опытные собратья по творчеству. Некоторые стихотворения из сборника стихов не раз печатались в окружной газете «Новости Югры», впрочем, как и рассказы. Сейчас я приведу вам пока лишь пару стихотворений из сборника стихов «Осеннее признание»: «Шабаш» и «Осенняя ночь».

Шабаш

Замели голубые снега
Деревеньку по самые «уши»,
И ночами здесь в ступе Яга
Залетает на каждую крышу.
Прилетит, не спеша приземлится
И понюхает сладостно дым,
А на крыше иной матерится
И грозит кулачишком худым.
А вон там из трубы без оглядки
Полетел перепуганный чёрт –
Окрестили, видать, для острастки,
Или кто-то молитву прочёл!?
Наблюдая за шабашем этим,
И как будто по этому знаку
Улыбнётся ехидно луна,
А к утру, чтоб никто не заметил,
Отзовёт свою рать сатана.

Осенняя ночь

Потемнели у города крыши,
Загорелись вокруг фонари,
Осень чувственным холодом дышит,
Гаснет небо до новой зари.
Из-за леса, покинув засаду,
Вышел месяц на кромку небес,
Зацепился рожком за ограду,
Усмехнулся и выше полез.
На минутку повис он над домом,
Воровато в трубу заглянул
И, окутавшись сразу же дымом,
Неожиданно звонко чихнул.

Кто-то в небе вдруг звёзды зажжёт,
Дева стала подмигивать Раку,
Видно, спит её муж Козерог.

Если сюжеты моих рассказов самого разнообразного содержания, то темы стихотворений не столь многоцветны. Пишу в основном про красоты природы, и почему-то наибольшим приоритетом среди других времён года у меня пользуется осень, особенно в её ранней стадии. На первый взгляд кажется, что нет более унылой и тоскливой поры, чем осень. Однако это, если смотреть на неё глазами обывателя или того хуже – ревматика, потому как у последнего перед дождём ноют все костные сочленения. А коли вы сумеете разглядеть, пусть кратковременный, но невообразимо красочный расцвет природы перед увяданием – значит, вы поэт или имеете хотя бы задатки для этого. Я сейчас приведу стихотворение «Деревенская осень», сюжет которого хотя и не отражает в полной мере красоту природы, зато даёт представление об осенней поре в деревне:

Вот и осень дохнула прохладой,
Белый иней крыльцо серебрит,
Только речка за белой оградой
Тёмной лентой куда-то спешит.

Возле дома отец деловито
На завалину землю кладёт,
Чуть поодаль ворона сердито,
Как прораб, указанья даёт.

За углом затаился Полкашка,
Хитрым взглядом сорок сторожит,
Перед ним соблазнительно чашка
Чем-то вкусным приятно парит.

А сороки, конечно, не дуры,
Терпеливо на кольях сидят
И под небом задумчиво-хмурым
Жадным взглядом за чашкой следят.

Мать коров попасться выгоняет,
Прямо в осень бурёнки мычат,
Эхо, лес разбудив, утихает,
Лишь вдали отголоски звучат.

У крылечка листом выстилает
Землю красным рябиновый куст,
И осенняя даль навевает
Непонятно-красивую грусть.

Конечно, про осень, вернее, о разных фазах увядания природы можно писать бесконечно долго. Однако стоит уделить внимание и другим временам года, например – лету. Дело в том, что наше сибирское лето многим отличается от такого же периода средней или южной полосы России. У нас, на севере Сибири много лесов, болот, рек, озёр и речушек, и поэтому всевозможного гнуса – мошек, комаров и паутов больше чем предостаточно. Хотя в нынешние времена комаров, к примеру, стало в несколько раз меньше, чем полвека назад. И отсюда, как следствие, катастрофическое уменьшение дичи, потому что всё в этом мире взаимосвязано. Однако я опять отвлёкся, простите, пожалуйста, и прочитайте мои стихотворения, посвящённые лету:

Знойные будни

Лето снова колобродит:
Комары, жара, паут,
Солнце всходит и заходит,
И цветы кругом цветут.

Целый день на речке слышен
Визг и хохот детворы.
Даже дед купаться вышел –
Не стерпел такой жары.

Под навесом бьются кони –
Жалит крепко их паут,
Хоть открыта дверь в загоне –
Кони в пекло не идут.

Солнце робит не на шутку,
Нет спасенья от жары,
В тень зайдёшь лишь на минутку –
Роем выются комары.

Зной над лесом, зной над полем,
Над моей деревней зной,
Солнце пьют цветы запоем –
Похмеляются росой.

Праздник души

Скоро солнце над лесом привстанет,
Ночь к себе за моря убралась,
Утро радости тихо настанет,
Между тем уж заря занялась.
Первым робкий рассвет замечая,
Где-то филин заухал в глуши,
И запели кругом, прославляя
Это утро, как праздник души.

Хотя я уже писал и про зиму, и про весну, однако, если уж начал писать про времена года, то напишу ещё раз. Зима – студёная пора, но и в ней можно найти очарование. Посмотрите в разрисованное зимней стужей окно, и вы увидите причудливые

узоры из таких линий и завитушек, что повторить такое великолепии не каждому художнику дано. А чего стоит зимний лес в куржаке после перепада температур! В связи с этим я вам опять предлагаю прочитать моё стихотворение.

Белые розы

Белым пухом покрылись берёзы,
Сосны тоже отстать не хотят,
По зелёному белые розы
Украшают игривую стать.

Ореолом мороза искрились
В ярком солнце холодного дня,
Белым счастьем вокруг затаились,
Первозданность, как чудо, храня.

Всё невесты, невесты, невесты –
Белым призраком в небо глядят.
Облака из высот поднебесных
Дополняют их белый наряд.

Восхищаюсь я зимнему чуду.
Поклоняюсь ему до земли.
Красоты я такой не забуду –
Эти розы мне в сердце легли.

А сколько песен и стихотворений написано про вьюгу? У меня, кстати, тоже написана песня, которая начинается словами: «Разгулялась метель голубая...». На первый взгляд кажется – ну какое очарование можно найти в таком безумстве стихии? Но это только на первый взгляд. На самом же деле, если представить такую контрастность: себя у горячей печки, а за окном слышится завывание пурги, – то она непременно позовёт на поэзию. И снова предлагаю вам прочитать два моих стихотворения.

Зимние просьбы

Белым снегом накрыла дома,
Кинув всюду узорную вязь.
Ты щедра и богата, зима,
Изумрудами окна укрась.

Разукрась мои окна, а душу
Не тревожь, ты её успокой.
И тогда даже в лютую стужу
Погуляем в обнимку с тобой.

Будет солнце холодное светить,
И снежок будет бережно чист.
Будем лихо с тобой куролесить
И от холода спляшем на «бис».

Вьюга

Загуляла лихая метелица,
Жутким голосом воет в трубе.
Может, нечисть какая-то бесится,
Или чёрт заблудился во тьме.

В белом вихре кружатся снежинки,
Заметают у дома тропу.
Погуляет метель до рассвета –
И дороги не будет к утру.

Фонари головами качают,
Недовольные вьюгой такой.
А снежинки мелькают, мелькают,
На земле не находят покой.

Беспредельны у вьюги запросы:
Хочет – милует, хочет – казнит.
В поле белом застигнет кого-то
И за удасть навряд ли простит.

...Вьюга в снежном угаре гуляла,
Нечисть тешилась с ней заодно.
Месяц тускло светил вполнакала,
И стучали снежинки в окно.

Что ни говори, а зимнее время всё-таки хуже весеннего, и, пожалуй, самое время начать писать про весну. Выше я уже писал о том, какие чувства меня обуревали в это время года, и поэтому повторяться не буду, а только приведу ещё одно стихотворение.

Весенняя рань

Низко к речке склонились талины
И целуют зеркальную гладь,
Может, делают к свадьбе смотрины
Или славят весны благодать.

Небо в речке рубаху стирает,
Голубую раскинуло ткань.
Клин гусей вдалеке пролетает,
Будит криком весеннюю рань.

И несут говорливые птицы
За собой в голубые края
Милой Родины неба частицы
И весенний привет от меня.

Много стихотворений у меня о малой родине. Она мне очень дорога, тем более, что я уже упоминал об этом. Просто приведу парочку стихотворений наиболее полно, на мой взгляд, раскрывающих моё трепетное к ней отношение. Безусловно, всего не выскажешь в этих двух произведениях, но хоть какую-то самую малую толику я всё-таки попытаюсь до вас донести в стихотворениях «Ожидание» и «Звезда детства».

Ожидание

Ты прости меня, грешного, Родина –
Я не вижусь годами с тобой –
Без меня созревает смородина,
И милуется ночь не со мной.

Знаю, ждёшь ты меня терпеливо,
Каждой веточкой тихо грустишь,
И который уж год сиротливо
На дорогу с надеждой глядишь.

Ты зарю, как платок, надеваешь
И, росой умывши траву,
День за днём на ромашках гадаешь,
Бредишь встречей со мной наяву.

Мне бы съездить на Родину надо,
И вдохнуть дорогого тепла,
Может, даже хватило бы взгляда,
И душа бы покой обрела.

Или лягу я там на пригорке,
Стану душу теплом заряжать
И, хлебнув из бутылочки горькой,
Буду всех земляков вспоминать.

За разлуку прости меня, Родина,
Как умеет прощать только мать,
Та дорога не вся ещё пройдена,
Где тебе меня надо встречать.

Конечно, самые яркие впечатления, остающиеся на всю жизнь, вынесены из детства. В такую юную пору душа ещё не отягощена житейскими проблемами и не опорочена всевозможными грехами. У меня до сих пор стоят перед глазами картины, которые видел тогда, но выразить не сумел. И сейчас в стихотворении «Звезда детства» я попытаюсь отобразить всю полноту моей тоски по тем временам:

Я в погоню за детством поеду,
Но не знаю дорогу туда,
И одну лишь надежду имею –
Мне сияет из детства звезда.

Она светит, ласкает и манит,
Просит в детство поход совершить.
Может, скоро просить перестанет,
И поэтому надо спешить.

До заката успеть искупаться,
Тишиной насладиться успеть.
Робкой ленты тумана дождаться
И, для полного счастья, запеть.

И увидеть бы рожь озимую
И себя, босоного, в ней,
И озёр простыню голубую
Разглядеть меж зелёных полей.

Видеть радость на лицах знакомых,
И в испытанных верить друзей,
Видеть шишки на ветках кедровых,
Видеть всё, и как можно скорей.

Не берусь безапелляционно утверждать, что каждый человек, пишущий стихи, любвеобилен ко всему прекрасному, но то, что глубоко равнодушен, – наверняка. Это я высказываюсь к тому, что не являюсь исключением из такого определения. Львиную долю сюжета моих стихов всё-таки занимает любовь и любовь к женщине, а не абстрактная – ко всему прекрасному. Свои стихи почти всегда пишу доступным любому читателю языком, возможно, потому что не обладаю слишком высоким образованием, а может, оно и к лучшему. Конечно, любовь к женщине – извечная тема любого поэта, хотя бывают редкие исключения, всё равно не писать об этом невыносимо.

Возможно, в моём возрасте следовало бы уже подостыть к данному вопросу, однако ничего подобного со мной не происходит: как любил – так и люблю. Однако это отнюдь не обозначает, что я занимаюсь каким-то развратом. Просто, когда вижу красивую женщину, то как бы подпитываю её красотой свою мечущуюся в творчестве душу. После каждого написанного стихотворения в моей душе наступает не опустошение, а скорее всего, затишье. Получается, что как будто в костёр бросили сухого хвороста, и он вспыхнул, а потом притомился, но не погас, а остался на стрёме (простите за жаргон), в ожидании нового воодушевления. Не знаю, как пишут другие, но моё творчество изливается именно таким образом.

Ну, ладно, хватит философствовать, пора написать, вернее, переписать из книги несколько стихотворений о любви. О, Господи! Что поделаешь? Пока любишь – значит, пишешь, а пока пишешь – значит, любишь.

Пожеланье

Только месяц упрётся рогами
В непроглядно-холодную тьму,
Приходи на свиданье, и с нами
Вместе ночь захмелеет «в дугу».

Я тебя обниму, расцелую,
Брошу в омут кипящих страстей
Или, сбрую достав дорогую,
Запрягу быстроногих коней.

Повезу сквозь загадочность ночи,
Будет месяц лампадой гореть,
И любовь в наши сани заскочит,
Зазвенит колокольчика медь.

Над обрывом

Не моя ли душа над обрывом,
Как хмельная, качаясь, стоит:
То молчит, то застонет с надрывом,
Или раненой птицей кричит.

Чуть поодаль за ней наблюдает
Равнодушно другая душа –
Подойдёт..., и к обрыву толкает
Или тянет назад, не спеша.

Видно, нравится быть властелином –
Обаятельной, нежною быть
Иль под тёмным ночным балдахинном
Злые фразы в лицо говорить.

Что их держит над этим обрывом?
Кто заставил без меры страдать!?
...Не любовь, а лишь строчки пунктиром,
И ключи к ним нельзя подобрать.

Встреча

Распоясался вечер игриво,
Полыхал и смеялся закат,
Ровно семь на курантах пробило,
Я поймал твой застенчивый взгляд.

...И обнял твои хрупкие плечи,
И в душе «Мендельсон» зазвучал,
Понял я – этот ласковый вечер
Нас с тобой навсегда повенчал.

Догорел, извинившись, закат.
Мы присели в кафешке за столик...
Пили молча «на брудершафт»,
Пил за нас и сосед-алкоголик.

Поцелуям мы счёт потеряли,
Намечался за далью рассвет,
...И друг друга любить обещали
Всю ближайшую тысячу лет.

* * *

Мы сидели, обнимались
Под сияющей луной,
Как умели целовались,
Наслаждаясь тишиной.

Ты всё время собиралась
И шептала: «Ой, да ой! –
Как я долго задержалась,
Мне давно пора домой!»

Я же гладил твои плечи,
Руки грел своей рукой,
Говорил, что ранний вечер,
Вишь, луна над головой.

А луна, напившись ночи,
Уплывала на покой,
Дверь закрыла на замочек,
Где-то в небе за собой.

..Долго мы ещё сидели,
Небо красилось зарёй.
Кое-где уж птицы пели,
А мы всё не шли домой.

Памяти сладость

Ты ко мне не ходи на свиданья,
Обо всём, если сможешь, забудь.
Прекратить эти надо страдания,
Пожалеть исстрадавшую грудь.

Мы, конечно, любили друг друга,
Может, любим ещё и сейчас.
Не мешала встречаться нам выюга,
И дожди не помеха для нас.

До зари напролёт целовались
Мы, укрытые сенью берёз,
И в тумане любви возвращались
В окружении розовых грёз.

Полупьяные шли по дороге
И прощались, чтоб встретиться вновь.
Нам сорока кричала на стог,
Что расскажет про нашу любовь.

И казалось, что всё это вечно,
И не будет у счастья конца.
Мы вели себя просто беспечно,
Ведь тревогу уж били сердца.

Что-то треснуло, что-то сломалось,
Наше счастье рассыпалось вдруг.
От любви только память осталась
И в душе запоздалый испуг.

Потому и прошу, что не надо
Нам с тобой на свиданья ходить.
Пусть останется в памяти сладость,
Как могли мы красиво любить!

* * *

Я люблю тебя тайной любовью,
Лишь в письме я о том говорю,
Что неслыханной, милая, болью
После встречи с тобою горю.
Наши встречи с тобою так редки,
Расстаёмся, встречаемся вновь –
Так качаются рядом две ветки,
Посылая друг другу любовь.

Луна

Глубину понимаю небес,
Звёзд великую чувствую силу.
А луны этот сказочный блеск
Прямо в сердце мне льётся по жилам.

Я пишу и люблюсь луною,
Очарован её красотой,
Будто девушку встретил нагую
И застыл, не владея собой.

А она не смеётся, не плачет,
Только сказочным ликом блестит,
На земле платье жёлтое прячет
И за мной потихоньку следит.

Так и смотрим мы с ней друг на друга,
Небеса скоро станут светлеть.
А луна, как бы вздрогнув с испуга,
Не заметно, но станет бледнеть.

* * *

Вспоминаю, хотя понимаю –
Ни к чему мне тебя вспоминать,
Ведь я угли в ладонях сжимаю,
Но не хочется мне их бросать.

Вот и жгут – и ладони, и душу –
Эти угли ушедшей любви.
Почему до сих пор их не брошу,
Если боль они мне принесли?

* * *

Не зови меня, ночь, не зови,
Не стели лунным светом дорогу –
Был я пьян от неверной любви.
А теперь протрезвел, слава Богу.

Не искрись надо мной, звездопад,
Не зови на невинную шалость –
Всё прошло, не вернётся назад,
Только горечь измены осталась.

По-моему, вполне достаточно стихотворений о любви, пора познакомить вас с произведениями на другие темы, хотя бы о делах звёздно-небесных. Стоит только на минутку призадуматься о бесконечности и грандиозной силе космоса, невольно начинаешь ощущать себя беззащитным существом. И представляешь себе величие Господа и уповаешь на его милость, ибо всё в его надёжных руках. Вот у меня сейчас даже в голове не укладывается мысль некоторых учёных о том, что когда-то Земля была искусственно поставлена на занимаемую орбиту. Посудите сами, что все планеты Солнечной системы расположены в порядке увеличения массы, то есть, чем дальше планета от Солнца, тем она больше. Если следовать такой градации, то Земля должна находиться совсем на другой орбите.

Однако наша планета находится именно на таком удалении от Солнца, на котором возможна жизнь на ней. Когда я слышу от кого-то, что, дескать, природа создала то или это, то мне хочется возразить, что это чушь собачья. Ничего сама по себе природа создать не может – она просто рождает, поит и кормит всё то, что создал Господь. Сколько десятилетий учёные всего мира бьются, пытаются создать хотя бы одну живую клетку. Они знают, из чего она состоит, и всё это есть на Земле, но пока самим выстроить генетический код и научить его жизни не удаётся. Ладно, оставим эти размышления учёным специалистам, а сами займёмся делом, ради которого пишется книга. Я сейчас познакомлю вас с некоторыми произведениями, написанными во время прогулки моей души по космическим далям.

Апокалипсис

Что творится на нашей земле:
Взрывы, войны, голодные дети,
И шакалят бандиты в селе,
И кроваво идут по планете.

Сам Господь из небесного храма
Смотрит с гневом и болью на нас –
Говорит, что пока ещё рано,
Но придётся возвысить свой глас.

Вот тогда нашу грешную землю,
Как пылинку, до боли встряхнёт,
И дорогу увидит к спасенью,
Кто лишь с верою в Бога живёт.

...Будем ждать и надеяться всё же
На Всевышнюю милость небес –
Помоги же нам, Господи Боже,
Пронести, не роняя, свой крест.

Тёмные дали

Мороз завернул не на шутку,
И снег под ногами скрипел.
И месяц, сияя боками,
Над нами ущербно висел.

Далёкие звёзды мерцали,
И, синюю ночь сторожа,
Струилась спокойная сила
Созвездья Большого Ковша.

И небо следило за нами,
Дивя нас своей глубиной,
И ночь серебрилась снегами,
И было легко нам с тобой.

Гибель звезды

Звезда по небу заскользила,
В прощальном зареве горя:
«Как жаль, что мало я любила,
Как жаль, что слабы якоря!»

Летит звезда беде навстречу,
Ей в жизни видится конец:
«Ну почему я в этот вечер
Сестёр покинула венец?»

Она летела и прощалась,
В полёте сёстрам говоря:
«Вы, если можете, простите,
И я прощу, в огне горя».

Ей сёстры в сумраке мерцали,
Лучами слёз салют даря:
«Лети, родная, без печали,
Мы будем помнить про тебя!»

* * *

Ты явилась, как звёздочка, с неба,
Неожиданно, ярко пришла,
Приласкала меня и согрела,
За собой в небеса позвала.
И на небо седьмое взлетели,
В темноте отыскали звезду,
И в лучах золотистой метели
Закружились в любовном бреду.

* * *

Я на звёздное небо люблюсь,
Тишина на земле, и на небе покой.

Ах вы, звёздочки, чудные звёздочки,
Что такое творите со мной!?
Вы мигаете мне шаловливо,
Нарушая душевный покой.
И лечу я с мечтой торопливо
На свиданье с красивой звездой.
Прилечу, прикоснусь к ней губами,
Свет божественный в руки возьму,
Буду петь ей про тёмные дали –
От житейских забот отдохну.

Ушедшая осень

Где той осени дни золотые?
Где ночей тёмно-синяя вязь?
Вы ушли, как туманы седые,
Но осталась незримая связь.
Я молю эту осень вернуться,
Но напрасные к Богу мольбы,
Мне в ответ только звёзды смеются,
Как осколки минувшей судьбы.
Уж давно не вздыхают гармони,
И не греют мотивом сердца,
Слёз счастливых никто не уронит,
Не сотрёт поцелуем с лица.
Те же звёзды на небе мерцают,
Так же окна горят в темноте,
И такие же птицы летают,
Только люди давно уж не те.

* * *

Много о звёздах написано,
И про зимнюю ночь с синевой,
Я тоже пишу, что испытано,
И о том, что увидено мной.

В тёмном бархате неба сияют,
Звёзды млечный ведут хоровод,
Как невесты парней выбирают,
И за счастьем не видят забот.
Над уснувшими на ночь снегами
И замёрзшей на зиму рекой...
Там луна умывалась морями,
Разливая холодный покой.

Пожалуй, настала пора познакомить вас со стихами на общие, вернее сказать, на самые разнообразные темы. Иногда бывает так, что смотришь на большое зелёное дерево жизни и не знаешь, на какой из веток вырастет золотое яблоко. Многие говорят про муки творчества, а это на самом деле так и есть. Причём, мучаешься не в поисках сюжета (мне он всегда приходит сам и неожиданно), а в процессе создания какого-то произведения. Если я что-то пишу, то пишу один и в тишине. То лягу на диван, то сяду, но не мечусь как угорелый по комнате, а просто думаю, думаю, и только. Иногда перелопачиваешь кучу словесной шелухи, пока из десятков вариантов выберешь один, самый нужный.

Ну, как тут не привести в пример слова Маяковского:

– ...Тонны словесной руды, ради слова единого...

Я ни в коем случае не отождествляю себя с этим поэтом, впрочем, как и с другими великими и не очень тоже. Вот, к примеру, все восхищаются великим Пушкиным, безусловно, – он гений, но гений не моего слога. Мне ближе и по слогу и по духу Есенин и Некрасов. Однако это ни в коей мере не означает, что я стараюсь им подражать. В последние десять лет я вообще стараюсь не читать поэтические сборники, а просто бегло просматриваю всё то, что попадает мне в руки, и всё. Дело в том, что если сильно увлечёшься произведениями какого-то поэта, то, сам того не желая, можешь «воткнуть» строчки чужих стихов в

свои. Причём сделаешь это с чистой совестью, а на самом деле получится (не приведи, Господи) плагиат.

Кстати – о языке, каким ты пишешь. Так вот, я считаю, язык ни что иное, как содержание или состояние души пишущего. В последнее время мне достаточно часто приходится читать стихи компьютерного толка. Они выглядят очень грамотными, хорошо построенными, но в них нет души, вернее, душа-то есть, но такая же, как и у стихотворца. В них никогда рассвет не поцелует нежно уходящую ночь, и заря стыдливо, как девушка, розовея щеками, никогда не кинет на тебя полный призывной любви взгляд. Я ни в коем случае не хочу сказать, что только мои стихи правильные и писать нужно именно так. Скорее всего, и в них любой критик при желании может найти кучу недостатков. Разница только в том, что я хочу выразить то, чем страдает душа, а не занимаюсь сочинительством. Ну, да ладно, пусть кто чем хочет, тем и занимается, Бог и читатели им судья, а я опять приведу вам несколько стихотворений, возможно, самого контрастного сюжета.

Лента печали

Горько осень рыдает по лету.
Листья мечутся, словно в бреду,
Я картину ненастную эту
В память лентой печали вплету.
Пусть душа моя в осени мчится
Средь холодных нерадостных слёз.
Будет грива осенняя виться
Из печали несбывшихся грёз.

**«Если кто хочет идти за Мною,
отвергнись себя и возьми крест свой
и следуй за Мною»**

Евангелие от Луки. Гл. 9

И пошёл человек с верой в Бога,
И нелёгко был жизненный путь,
Но незримая чья-то подмога
Не давала с дороги свернуть...

Жизнь прошла и достигла порога –
Вот конец и начало пути...

И в смятеньи спросил он у Бога:
«Как же так мы сумели пройти!? –

Вижу наши следы на дороге –
То один, то шагаю с Тобой,
Весь свой путь я молил о подмоге,
А меня оставлял Ты порой!?»

«Жаль, что ты меня так и не понял, –
С тихой грустью Господь говорил, –
Я тебя над бедой и над горем
На руках, как дитя, проносил».

Есенину

Я, Есенин, тебя понимаю –
Деревенские корни твои,
Про рассветы, закаты читаю,
И про то, как поют соловьи.

Ты гулял по ночным заведеньям,
Но деревню всегда вспоминал,
Даже рюмку вина с наслажденьем,
Как берёзовый сок, выпивал.

Пил вино и в тумане забвенья,
В полусонном кабацком хмелю
Ты просил у деревни прощенья,
Со слезами смотрел на зарю.

Так и сник ты в невиданных муках,
Свой любимый мотив не допел,
И с зарёю, в божественных звуках,
Прямо к Господу в небо взлетел.

*Зрелище бедствий народных
Невыносимо, мой друг...*

Н.А. Некрасов

Некрасову

Не могу не прославить я душу,
Незабвенную душу твою,
Как сумею, тебя возвышу,
В честь тебя я из храма звоню.

И пишу дорогому поэту –
Я Некрасову строки пишу.
Запоздалую исповедь эту
Уж давно в своём сердце ношу.

Сколько боли в стихах ты изложил,
Эту боль через душу пронёс.
На алтарь состраданья положил,
И народ до небес превознёс.

Потому ты и славен в народе,
Нам тебя никогда не забыть.
Будем петь про тебя в хороводе,
И тебя будем вечно любить.

Сон

В синей кофточке юная дева
Этой ночью явилась во сне,
Мимоходом улыбкой задела
И пошла, позабыв обо мне.

Дева шла, и земли не касалась,
Словно облачко, в небе плыла –
Я за ней, а она удалялась,
Видно, божия сила несла.

Не догнал я её, лишь ладони
Протянул, умоляя во след:
«Видит Бог, я устал от погони,
И бежать уже сил больше нет!»

Так и скрылась та дева в тумане,
Испарилась, как с листьев роса, –
Я проснулся в каком-то дурмане,
И катилась неспешно слеза.

* * *

Что я в жизни наделал такого,
Коли нет мне покоя в душе?
Может, счастья напился хмельного
Или горе несу в багаже?

Я иду и считаю удары,
Редко душу ласкает покой,
И к спокойствию нет переправы,
Поворот промелькнул лишь крутой.

Что оставил за тем поворотом,
За туманом реки голубой?
Не вернёшься туда за ответом –
Там у времени есть часовой.

Берёзка

Стояла берёзка в парчовом наряде,
Листвой беззаботно цвела.
И скромной росла, но таилась во взгляде,
Надежда на встречу жила.

Но осень прошла, и никто не посватал,
Напрасно листвою цвела.
И только октябрь втихомолку поплакал,
Мол, сваха тебя подвела.

Холодные ветры с разбойничьим свистом
Раздели берёзоньку вдруг,
И боль затаилась во взгляде лучистом,
И в облике замер испуг.

Осталась берёзка в стыдливом наряде,
Белеет сквозь веточки грудь,
И кажется, просит она, Бога ради,
И молит, чтоб осень вернуть.

* * *

Зацелую, замилую,
Отлюблю одну за всех,
И тебя, а не другую,
Соблазню на сладкий грех.
Будут звёзды веселиться,
Ручейком польётся смех,
В наших душах затаится
Эхо сладостных утех.

* * *

Отгуляло кудрявое лето,
Отшумело зелёной листвою,
Золотое монисто надето
На берёзы за синей рекой.

Серебрится предпразднично иней,
Озерцо леденисто блестит,
За рекой, упиваясь гордыней,
Лось призывную песню трубит.

Повторяется каждую осень
Несравненной красоты торжество,
И к одежде берёзок и сосен
Прикоснулось само Божество.

Подвода

Вы зачем понесли, вороны,
Через высланный чёртом настил?
За какие грехи, удалые,
Я в такой переплёт угодил?

Бьются сани о выступы злобы,
По ухабам несутся страстей,
Для меня, видно, кучер подводы
Подорожную взял у чертей.

Тёмным призраком мечутся кони,
В сером мареве слышится стон,
А возница то сани наклонит,
То по сердцу ударит кнутом.

* * *

Он походит на снег, но не тает,
Невесомо летит над землёй –
Это пух с тополей облетает,
Навсегда распрощавшись с листвою.

И пушинки мелькают, не тают,
И невольнo рождаются стихи, –
Может, души поэтов летают,
Не попавшие в рай за грехи.

Виденья

Вижу свет непонятно-далёкий
Где-то там за разливами звёзд,
То ли светит костёр одинокий,
Или бродит поклонница грёз.

Снова вижу знакомые лица
И улыбки забытых подруг,
Может быть, это мне только снится,
Или что-то нахлынуло вдруг.

Вижу даль без конца голубую,
Белый дым облаков в синеве
И листву у берёз молодую,
Капли сока на белом стволе.

Кромка леса вдали зеленеет,
По-весеннему тёплый закат...
Чем-то нежным из прошлого веет,
И виденья мне душу пьянят.

Силуэт

Были сумерки, вьюга кружила,
И мерцал вдалеке огонёк,
Где меня в этот вечер носило –
Хоть убей, до сих пор невдомёк.

Вышел месяц и глянул устало,
И полился загадочный свет.
Только что это? – тройка здесь встала
Или, может, её силуэт?

Не успел протянуть я ладони,
Эту тройку схватить под уздцы –
Лихо дёрнули, чёртовы кони,
Разом брызнули звон бубенцы.

Бились птицей вдали пристяжные,
Комья снега кидал коренной –
Увозили мечты голубые
И надежду вели за собой.

Старый трактор

По-над речкой, немного в сторонке
Старый трактор тоскливо стоит.
Не сверкают его шестерёнки,
А из выхлопа дым не валит.

Все шипы заржавели, и в глине
Остов скорбно распятый лежит.
Ты когда-то пахал, ну а ныне
Под тобою земля не дрожит.

Синий дым над кабиной струился,
Лемеха полыхали огнём.
Лёгким рокотом в небе резвился
Твой утробистый шум шестерён.

А теперь твои кости ржавеют,
Сиротливо глядят в небеса,
Обречённо над речкой темнеют,
Лишь утрами их моет роса.

Ты один охраняешь деревню,
Чтоб никто не нарушил покой.
Облака серебристые внемлют
Тишине, защищённой тобой.

* * *

Запрягу я гнедую лошадку,
Потеплее надену тулуп;
Кину сена под ноги охалку
И поеду к тебе, милый друг.

Станет месяц ущербный мне светить
Из последних предутренних сил.
Между прочим, успею заметить,
Кто-то крепко его надкусил.

По ночному морозу поеду,
И под полозом снег будет петь.
Мне свиданье назначено в среду,
И я вовремя должен успеть.

Позвольте строчками этого стихотворения и закончить обзор сборника стихов «Осеннее признание». Сейчас я гораздо меньше занимаюсь поэзией, нежели пару лет тому назад. Не из-за того, что выдохся и мой творческий потенциал исчерпан, а потому что есть много другой неотложной работы. Вот сейчас, кстати, уже третий месяц пишу и не знаю, сколько ещё буду писать свою книгу. Только я опять отвлёкся и заскочил немного вперёд, нарушая тем самым очерёдность подачи информации о своём творчестве. Дело в том, что тогда я не ограничился выпуском сборника стихов «Осеннее признание». Администрация Ханты-Мансийского района помогла мне в очередной раз с выпуском книги, на сей раз сборника песен. И снова благодарю тогдашнего главу администрации Ю.Т. Манчевского, председа-

теля Комитета по культуре и спорту В.М. Комарова и его заместителя Олесю Макарову.

Для того, чтобы подобрать музыку на свои стихи, я для начала выбираю, на мой взгляд, самые лучшие из них. А потом долго и мучительно сочиняю музыку на баяне. Когда смотришь на сюжет стихотворения, то сразу представляешь, какой должна быть мелодия. У меня, вообще-то, многие стихотворения, в отличие от рассказов, отдают грустью. Естественно, песни тоже получаются с такой же грустинкой, хотя есть и весёлые. У меня, как у композитора (простите, что называю себя таким высоким званием, ведь я даже нотную грамоту не знаю, но, как по-другому назвать себя, не знаю) всегда возникают трудности с написанием нот. Благо, дочь Лилия обладает и музыкальной грамотой, и хорошим голосом, и, несмотря на занятость школьными делами, помогает мне. Она подбирает на пианино ноты и расставляет их на нотном стане. А потом мой хороший товарищ композитор Владимир Пшеничников набирает их уже в компьютерном варианте.

Но на последние несколько моих песен Владимир Леонидович сам набирал ноты и делал электронный вариант тоже сам. И делал это, несмотря на колоссальную загруженность своей работой. Мой низкий поклон тебе, Володя, и самая что ни на есть искренняя благодарность за это. Ты всегда пишешь красивую зажигательную музыку, и поэтому в полной мере оправдываешь присвоенное тебе звание «Заслуженный работник культуры РФ». Храни Господь тебя и твою семью!

Конечно, не все песни моего сочинения претендуют на то, что их когда-нибудь будут петь в народе, а может, и вообще не будут. Однако при должной аранжировке и профессиональном исполнении, судя по многочисленным отзывам, они могут иметь определённый успех. В настоящее время трудно, практически невозможно найти спонсора для качественной записи песен на компактный диск. И хотя в телевизионных программах

довольно-таки редко можно услышать хорошую песню, культура никакой заинтересованности в этом вопросе не проявляет. Если даже и объявят где-то какой-то конкурс, то в комиссию по отбору произведений приглашаются испытанные прикормленные специалисты, которые и объявляют нужных претендентов, а это, как правило, один и тот же круг.

Возьмём простой пример – к юбилею города Ханты-Мансийска я с композитором Владимиром Пшеничниковым написал песню, и она заняла только второе место. Но эту песню до сих пор исполняют почти на каждом концерте, а песню, занявшую первое место, после презентации я не слышал ни разу. Или возьмём конкурс песни, объявленный к шестидесятилетию Победы, так на нём даже не показали результаты голосования телезрителей. И вообще, считаю, что любое голосование, проведённое среди народа, самое объективное. Когда я отправлял свою песню «Память весны» в Москву, то меня предупредили заранее, что можно было этого не делать, потому что там запахло миллионом, и все места давно распределены. И, действительно, из десяти отобранных песен лишь одна тронула мою душу, и то её затолкали куда-то чуть ли не в конец списка. Ну, да Бог им судья, всё равно они ответят за содеянное, если не на этом свете, то перед Всевышним неотвратимо, а это гораздо страшнее и серьёзнее.

Сколько бы не смотрел телевизионных концертов, удовольствия от них чуть-чуть. Поют, в основном песни-однодневки, услышал – и тут же забыл. Причём исполнители, надо отдать им должное, обладают изумительными голосами. Однако, если музыка подчас и хорошая, то содержание стиха оставляет желать лучшего. За последнее время только одна песня «Ромашки-цветы» в исполнении Надежды Бабкиной крепко зацепила и взволновала мою душу. Однако вернёмся к основной теме и продолжим повествование.

Сейчас я планирую после выпуска этой книги всё-таки запи-

сать компакт-диск, и издать сборник песен к нему или, наоборот, к сборнику – компакт-диск. При создании какой-то песни мне часто помогает жена Валя. Она, бывает, или критикует или хвалит что-то в мелодии песни. Чаще всё-таки хвалит, а я на это ей возражаю, что для тебя, дескать, что ни понапишу, всё хорошо. Спорим иногда, но не до хрипоты, хотя к её мнению я прислушиваюсь. Конечно, можно писать песни по принципу Никиты Хрущёва: есть два мнения – одно моё, а другое ошибочное. Однако всегда следует брать любое замечание по творчеству во внимание, и потом обязательно анализировать его, иначе носозадирательство ни к чему хорошему не приведёт.

Я совсем выпустил из вида и не поблагодарил за помощь в наборе нот в электронном варианте на первые мои песни Александра (простите, если ошибся с именем) Белкина. Также моё отдельное спасибо работавшему в то время председателем Комитета культуры Ханты-Мансийского района Геннадию Васильевичу Соловару. Что ни говори, а хороших людей, встречавшихся в процессе издания моих книг, было гораздо больше, нежели равнодушных к творчеству. Также, пользуясь случаем, хочу поблагодарить за некоторое содействие в приобретении части тиража моей книги Виктора Сергеевича Седунова и пожелать ему успехов в административной деятельности. Вот, пожалуй, и всё, о чём я хотел рассказать по поводу создания и издания моих песен. И сейчас я вам представляю одну из сборника песен, и другую, вновь написанную не так давно.

Сон у костра

Разведу на поляне костёр,
Мне другого блаженства не надо –
Слушать, как заступают в дозор
Тишина да ночная прохлада.

Умывается в речке луна,
Величаво плывёт вдоль осоки,
И звенит, и звенит тишина
Под ночное своё караоке.

Несказанно тепло на душе,
Ночь всё крепче меня обнимает...
Тихо скрылась луна в камыше,
И костёр мой уже догорает.

Улетаю с последним дымком,
В колдовскую торжественность ночи...
И по небу иду босиком,
И мой сон, как дитя, непорочен.

Сон у костра

Муз. и слова – Н. Вторушин

Вbm Ebm F7

Раз - ве - ду на по - ля - не кос -

4 Вbm F7 Вbm

тер, Мне дру - го - го бла -

7 Bb7 Ebm

жен - ства не на - до: Слу - шать,

10 Вbm

как за - сту - па - ют вдо - зор Ти - ши -

14 F7 Вbm

на да ноч - на - я прох - ла - да.

17 Bb7 Ebm Вbm

Слу-шать, как за - сту - па - ют вдо - зор

21 F7 Вbm

— Ти - ши - на да ноч - на - я прох - ла - да.

Любовь неземная

Звёздочка в небе светила,
Наивно смотрела на мир,
Как юная дева влюбилась,
Влюбилась в звезду Альтаир.

Припев: *Любовь неземная -
Гореть, не упасть...
Там юность другая,
Там жгучая страсть.*

Страстью она запылала,
Рванулась навстречу любви.
Звёздочка вскоре упала,
Упала на тело земли.

Припев: *Долго сначала взирала
На луг возле синей реки,
Нежно лучами ласкала,
Ласкала цветы васильки.*

Припев: *Утром росой умылась,
Любовных добавила сил.
Искрою в небо метнулась,
Метнулась к звезде Альтаир.*

Припев

Любовь неземная

Муз. и слова – Н. Вторушин

Е♭m   В♭7   Е♭m

Звез - доч - ка   вне - бе   све - ти - лась, _____

4   Е♭m   В♭7   В♭7

На - ив - но   смот - ре - ла   на

7   Е♭m   Е♭m   А♭m

мир, _____   Как   ю - на - я

10   А♭m   Е♭m

де - ва   влю - би - лась, _____   Влю -

13   Е♭m   В♭7   Е♭m   Е♭m

би - лась взвез - ду   Аль - та - ир. _____   Лю -

17 **Привес**   Е♭m   Е♭m

бовь _____   не - зем - на - я,   -   Го - реть не - у -

22   В♭7   Е♭m

пасть _____   Там   ю - ность дру - га - я, _____

26   F7   В♭m

_____   Там   жгу - ча - я   страсть. _____   Лю -

Считаю, что в достаточной мере познакомил вас хотя бы с общим направлением сюжетов моих песен. К сожалению, не могу передать мелодии, но при желании это может сделать любой музыкант, знающий ноты. Однако, прежде чем перейти к следующему разделу моего творчества, хочу поведать вам о небольшом эпизоде, вернее, сюжете необычного полусна.

Как-то мы с ответственным секретарём нашей писательской организации Николаем Коняевым и поэтессой Галиной Х (икс) поехали проводить выездной семинар в город Сургут. Получилось так, что по разным причинам мы не смогли в течение дня пообедать. Вечером после встречи с писателями и литераторами в библиотеке города Сургута я попросил чего-нибудь перекусить. Мне дали там чай с печеньем, и я чуток утолил голод. Потом мы уехали в гостиницу и там уже поужинали вполне прилично, но, уверяю вас, без капли спиртного.

У нас с Николаем Ивановичем был двухместный номер, а Галя ночевала отдельно в одноместном номере. Когда мы разошлись по своим апартаментам, то сначала посмотрели недолго телевизор, а так как в дороге малость подустали, то и легли спать пораньше. Времени было что-то около двадцати двух часов или чуть больше. И только задремал, как вижу почти наяву, что на меня напал чёрт. Отбивался я от него как только мог, сейчас даже и не помню точно, каким образом это делал, но чётко запомнил, что стал звать на помощь Николая Ивановича:

– Коля, Коля!.. – шептал я еле-еле слушающимся меня языком.

Потом с трудом повернул голову в сторону койки Николая Ивановича, которая стояла от моей в двух метрах, и вижу, что он лежит неподвижно на спине, а глазницы полны слёз. Представьте себе такую картину – как будто человеку налили полные глазницы воды.

Я тут же проснулся, а так как в коридоре горел дежурный

свет, то увидел, что Николай Иванович, действительно, спит на спине, только слёз никаких не было видно. Со страху я прочитал несколько раз одну и ту же молитву «Отче наш», и всё, что можно, исперекрестил направо и налево, и вокруг себя тоже. После этого спокойно уснул, и больше никаких нападков на меня не было. Наутро, за завтраком, я рассказал коллегам о своём ночном злоключении. Николай Иванович сказал, что ничего такого во сне сверхъестественного он не видел, а может, и видел, да, как говорится, – заспал. Однако Галя заметила, что не нужно было есть печенье в библиотеке. Почему она так уверенно заявила об этом, мне до сих пор невдомёк, а спросить как-то не довелось. Описал же я эту полубыль потому, что просто-напросто забыл её включить в ту часть повествования, где уже упоминал о подобных случаях. Ладно, хватит пугать вас своими страшилками, надо идти дальше по тернистому пути творчества.

В декабре 2009 года у меня выходит в издательстве «Зауралье» города Кургана очередная книга рассказов «Хотите – верьте, хотите – нет» тиражом триста экземпляров и объёмом в десять условных печатных листов.

Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность сотрудникам издательства «Зауралье» за чуткое хорошее отношение к заказчику, и пожелать коллегам по перу издавать свои книги именно там, потому что цены у них самые приемлемые.

В книгу, кроме новых рассказов, вошли отредактированные мной рассказы из книг «Просто курьёзы» и «Китайский плацкарт». Об этой новой книге хорошо отозвался довольно-таки скупой на похвалы Николай Коняев. Ряд других соратников по перу тоже сказали теплые слова.

Издавал книгу на собственные средства, поэтому предложил администрации Ханты-Мансийского района закупить у меня часть тиража. Председатель Комитета культуры В.М. Комаров, при поддержке зам. главы администрации В.С. Седунова, пошел мне навстречу и закупил половину тиража издания. Потом кни-

ги были вручены почётным гостям на приёме в честь образования района главой администрации Ю.Т. Манчевским. Ну, что тут можно сказать этим людям, кроме слов искренней благодарности! Ещё хочу сказать о данном сборнике то, что это моя первая книга в твёрдой обложке. И вот уж в ней-то я обрисовал образы героев моих рассказов такими, какими они были на самом деле, вернее, какими я их вижу.

Не знаю, напишу ли когда-нибудь книгу подобного содержания, скорее всего, нет. И причина до банальности проста: где брать сюжеты? Если героев предыдущих рассказов я помнил по жизни или про кого-то слышал, то теперь моя память исчерпала свои возможности. А для того, чтобы подзарядить подсевшие «аккумуляторы», необходимо много и долго ездить. И черпать, и черпать из бездонного народного кладезя запасы фольклора. Можно придумывать любые истории. Но такие, которые услышишь из уст бывалого рассказчика, вряд ли можно будет сравнить с надуманными. И хотя я домосед, но при наличии хороших денежек не отказался бы от поездки по глубинке России. Дело в том, что в деревнях люди на виду друг у друга, и поэтому утаить какой-то казус практически невозможно.

Только из одной поездки на семинар в город Сургут я привёз сразу два сюжета для рассказов. И хотя сейчас себе противоречу в том, что только в деревне можно найти сюжеты, оказывается, и в городе тоже можно, но это, скорее всего, исключение, а не правило. Или вот: возвращается мой дружок Андрей Тарханов из поездки в город Екатеринбург и рассказывает, как он ехал в поезде:

– Знаешь, Коля, пьют наши российские мужики безбожно. А пьют они, когда возвращаются с деньгами, после месячной работы на Севере. Бывает, попутчики их выносят на руках на нужной станции. Смотрю, просыпается один такой бедолага и, увидев, что вокруг него одни китайцы, спрашивает у соседа по купе: «Мы, что по Китаю едем?» «Ага, – осклабился тот, – Шанхай проехали, сейчас Пыть-Ях будет, однако!»

После этого у меня появился рассказ «Китайский плацкарт», который даже дал название книге. К сожалению, сейчас книгу в Большую жизнь не отправишь, тиражи-то мизерные. Ну, сами посудите: что такое триста экземпляров? Хватит только раздать родственникам и знакомым. А для того, чтобы разослать хотя бы библиотекам округа, нужно не меньше тысячи. Ко мне обращались десятки читателей с вопросом, где можно взять мои книги, а мне остаётся только руками развести. Ладно, хватит сетовать, рано или поздно книга всё равно найдёт своего читателя. Сейчас я представлю на ваш суд четыре рассказа из книги «Хотите, верьте, хотите – нет», причём, один из них ещё и в стихотворном варианте.

Уполномоченный

В одну из отстающих бригад на проведение посевной и для поднятия производительности труда (дело было в конце Великой Отечественной) приехал уполномоченный. В разгар рабочего дня на краю поля, возле дороги, начальственный взгляд его увидел заглушенный трактор, из-под которого торчали кирзачи тракториста.

– Ага! – радостно подумал уполномоченный, – лодыря гоняет! Попался, голубчик! Посевная идёт во всю, а он спит под трактором, – и приезжий начальник потихоньку стал подкрадываться к бездействующему агрегату. Однако, подойдя поближе, вместо храпа он услышал ругань вперемежку с отборнейшим матом. Костеря всех правых и неправых, тракторист крыл по матушке колхозную власть, а за одно и районное начальство, вперемежку со святыми...

– Вот-вот, – плотядно ощерился подбравшийся к торчавшим сапогам уполномоченный, – он ещё и Советскую власть поносит...

С этими мыслями полпред цепко ухватил ногу тракториста и с силой стал трясти:

– Эй, работничек, а ну вылазь, ишь, как хорошо устроился! Люди на фронте кровь, понимаешь, проливают, а он тут прохлаждается, да ещё и Советскую власть материт!

Под трактором наступила тишина, затем послышалось звяканье ключей, и, наконец, на белый свет выбрался большой однорукый человек с перемазанным мазутом лицом. Уполномоченный невольно попятился. Тракторист же с ненавистью взглянул на упитанного начальника, нащупал единственной рукой прислонённый к гусенице лом и со словами:

– Ах ты, крыса тыловая! Вошь тифозная! Фашист недобитый! – пошёл в атаку на ретивого представителя власти. Уполномоченный, придерживая на ходу форменную фуражку, резво выскочил на дорогу и, оглядываясь и спотыкаясь, помчался к стоящей неподалёку подводе с водой. Когда он подбежал к водовозу, то, кивая в сторону тракториста, спросил, задыхаясь и крутя пальцем у виска:

– У него, что, не все дома?

Водовоз испуганно посмотрел на вспотевшего начальника и с готовностью ответил:

– Да он руку потерял, и старшой брат у него на фронте...

Уполномоченный недоумённо и запоминающе посмотрел на водовоза и, не сказав больше ни слова, поспешил за разъяснением в правление колхоза.

Затянувшаяся опохмелка

Игнат – сорокалетний тракторист, в силу своей профессии просто вынужден был иногда напиваться. Посудите сами – в деревне все друг друга знают, у многих родственные отношения, и как тут будешь брать деньгами за подвозку дров или сена. А вот угостить, причём хорошо угостить, чтобы он пошёл домой с песнями, – так это ж совсем другое дело!

Жена Игната Нина, работавшая завучем в школе, держала в строгости не только учеников, но старалась приструнить и

своего муженька. Особой психологической обработке подвергалась мать – тёща благоверного. Ну, кто, как ни она, избавит любимого зятя от страданий! И поэтому Нина частенько ругивала свою маманю за её сердобольство. Мать, чувствуя свою вину, или отмалчивалась, или обещала проводить твёрдую антиалкогольную линию и ни при каких обстоятельствах не похмелять зятя. Так они и жили – супруга жёстко преследовала муженька за пьянку, а он при каждом удобном случае напивался. А выпивал тракторист крепко, но знал меру. Или, вернее, пил с таким расчётом, чтобы ему хватило сил, не доходя до своего дома метров пятьдесят, затянуть любимую песню: «Меж высоких хлебов затерялося...», зайти домой и рухнуть на диван.

Этим утром Игнат проснулся в стадии величайшего похмелья. Он кое-как, разливая воду из трясущихся ладоней, сполоснул лицо и не совсем уверенной походкой пошёл – куда? – конечно же, к тёще. Однако она, упреждая его просьбу относительно поправки здоровья, решительным, не терпящим возражений голосом сказала:

– Даже и не проси! Лонись вон Нинка приходила и строгонастрого запретила мне опохмелять тебя. Так что, извини, зятёк, хотела бы, да не могу! Вот если чайку с горячими шаньгами желеаешь, то я мигом спроворю!

– Нет уж, ты меня тоже извини, – хрипло отпарировал Игнат, – но чай с шаньгами пей сама! А опохмелится можешь и не давать, я всё равно где-нибудь, да найду! Что же касемо дров, которые я хотел тебе сегодня подвезти, так, я думаю, пока перетопчешься! Конечно, недельки через две, если за это время трактор не сломается, я, может быть, и подвезу твои дровишки, а пока пойду к Семёнычу, у него-то наверняка опохмелюсь.

– Стой, змий подколодный! – воскликнула тёща. – Знает ведь, гад, чем меня изуись! На вот кружку и лезь сам в подполье. Там бидон стоит с брагой. Но пей не больше двух кружек, считать буду – понял?

– Всё исполню в точности и незамедлительно! – воспрявшим голосом согласился Игнат и, схватив кружку, ринулся в подпол.

В это время стукнула входная дверь, и в сенях послышались чьи-то шаги. Тёща, от греха подальше, быстро прикрыла западню и только отошла к окну, как в дом вошла дочь Нина.

– Ты моего алкаша не видела? – не здороваясь, спросила она с порога.

– Да нет, не заходил, – пряча взгляд от дочери, ответила мать.

– И куда его черти унесли? Опять ведь где-нибудь напьётся! – ставя стул на западню, посетовала Нина. – Ну, погоди, Змей Горилкович, попадись только мне!

Постепенно разговор перешёл на разные житейские темы. Игнат же, видимо, поняв, что беседа матери с дочкой закончится не скоро, стал принимать брагу кружка за кружкой. И пил он, сердечный, до тех пор, пока не дошёл до нужной кондиции. А когда пленник понял, что сил ему осталось только чтоб пройти заветные пятьдесят метров, то и взвёл свою любимую: «Меж высоких хлебов затерялося...»

– Он, наверное, где-то на улице поёт? – всполошилась для вида мать и, стараясь отвлечь внимание дочери от злополучного подпола, выбежала на улицу.

Однако многоопытную Нину не так-то просто было провести. Она посмотрела в окно, прислушалась и, определив, где находится солист, открыла подпол. Увидев возле открытого бидона с брагой Игнашу, выдала отливающим металлическими нотками голосом команду:

– А ну вылазь сейчас же оттуда, паразитина! Ишь, как хорошо пристроился, что твой телок до вымени! Быстро – я сказала!!!

Игнат, качаясь и не переставая петь, с превеликим трудом возник из подпола, сделал три шага и рухнул как подкошенный на тётчин диван.

Главные выборы

Жила в нашем посёлке довольно пожилая пара – Никита и Лукреция Полуяновы. Хотя и намотали они на колесо времени не один десяток совместной жизни, надоест друг другу так и не смогли и жили, вообще-то, дружно. Одним словом – семья как семья, если бы не одно «но»...

Два раза в каждые четыре года, как только подходило время выборов Госдумы и Президента, их отношения вступали в непримиримый политический конфликт. Бабка Лукреция традиционно поддерживала «ЛДПееРовскую» партию во главе с «Жириновским», а Никита ратовал за «куманистов с Зюганом». И каждый раз, чтобы склонить оппонента на свою сторону, Лукреция варила брагу, закрывала её до времени на замок, а ключ вешала себе на шею. Таким образом, доступ деда к бражке был исключён начисто.

Голосовать бабка всегда уходила первой и, вернувшись удовлетворённая исполненным долгом, направляла деда:

– Иди давай, да смотри, голосуй за линию моей партии, а не то будешь вместо бражки водой разговляться, понял, мухомор конопатой?! – и демонстративно помахав заветным ключиком, уходила в кухню.

Когда дед возвращался с избирательного участка, Лукреция выходила навстречу и, воинственно уперев руки в бока, вопрошала:

– Ну и чё? За кого мой Полупьян голосил?

– За кого надо, за того и голосил! – не глядя на старушку, прокуренным голосом басил дед.

– Понятна-а! Пойду-ка я чаёк разогреть!

– Можот, всё-таки осчастливишь бражкой-то?

– Куманисты осчастливят! – с металлом в голосе обрывала разговор Лукреция.

– Смотри, Лукреша, дело твоё, но ведь мы ишо и Президента выбирать будём! Можот, я за твоего Жихреновского голос

отдам! – кидал вслед уходящей бабке увесистый аргумент Никита.

– А не омманёшь?

– Клянусь Зюганом!

– Ладно, поверим последний раз! – смягчала политическую ситуацию бабка и шла отпирать чулан.

Наутро, когда дед, невыносимо страдая с похмела, канючил у Лукреции бражку на предмет пошатнувшегося здоровья, получал всегда один и тот же ответ:

– Ничего не получишь! Надо было за партию Жириновского голосовать, он всё же обещал убрать всех чёрных с базара, а твои куманисты чё обещают, а?

– Как хошь – можешь и не наливать, но тогда уж на главных-то выборах я точно за Жихреневского голосовать не буду!

...После этого убийственного аргумента консенсус наступал сразу, и заветный чуланчик с укрытой там бражкой открывался незамедлительно.

Косач

Толя – здоровенный и вороватый парень, стащил у жившего через дорогу деда Андрея мороженого осетра. Но вездесущий маленький мужичонка Марк, которого все в деревне звали Марушко, увидев его с добычей, поднял шум, и сбежавшиеся соседи кинулись за вором в погоню. Погоняв его какое-то время меж дворов, они, в конце концов, загнали его под крыльцо заброшенного дома, где он и затаился. Посоветовавшись, мужики решили сходить за хозяином осетра, а охранять осаждённого поставили Марушка.

Часовой вооружился длинной палкой-жалиной и стал для острастки время от времени трусливо тыкать ею в убежище вора. При этом он приговаривал тонким, дрожащим от страха голосом:

– Не уазь, острожник, не уазь! Сиди тихо и не шевелися, а то я тебя ишо не так колом угощу!

Когда Толян понял, что Марушко остался один, то после очередного тычка заострённой палкой в бочину с рёвом вывалился из-под крыльца на притоптанный снег. Сильно боднул охранника головой в живот и, не упуская осетра из рук, кинулся наутёк. Марушко, жалобно охнув, повалился на спину, а жалина в его ослабевших руках, словно пика поверженного воина, удивлённо уставилась в звёздное небо...

– Ты пошто его не удержал?! – трясли за плечи возвратившиеся мужики дрожащего от страха и холода Марушка.

– Дак ляшак его удержит! – стуча зубами, ответил горе-охранник. – Восподи, прости меня, вылетел, как косач из снегу!..

Вот с той поры и прилипло к Толе имя Косач.

Он до того привык к своему прозвищу, что иногда давал команду своей первой жене (кстати, лет на двадцать старше его):

– Но-ка, Косачиха, пока лампасея робит, слетай за бутылкой...

Косач

(стихотворный вариант)

Жил когда-то в прошлом веке

На селе среди людей,

Сказ веду о человеке, –

Его звали дед Андрей.

Был тот дед рыбак фартовый,

Осетров ловил и щук.

Лёд долбил почти метровый,

Не жалел ни ног, ни рук.

Рыбу ложил в сараюшке,
Клал отдельно осетров.
Дверь сарая лишь на клюшку
Закрывал он от воров.

Рядом с домиком Андрея,
Скажем так, рукой подать,
Жил Толян с душой злодея,
Что угодно мог урвать.

Как-то раз, лишь потемнело,
Дед Андрей подался спать,
Толя-вор задумал дело –
Осетра у деда взять.

Выбрал рыбину в сарае,
С ней пустился наутёк.
Да соседский пёс залаял.
– Всё – попался, ёк-марёк!

Так подумалось Толяну,
Грустно стало на душе:
– Ладно, спёр бы рыбу спьяну! –
Вон бегут с колом уже!

Под крыльцо чужого дома
Толя тут же занырнул,
Но уже в лазило схрона,
Кто-то больно вора ткнул.

– Не уазь, острожник дикой, –
Страж кричит, а сам дрожит, –
Я тебя колом, как пикой,
Вмиг затычу, паразит!

Понял вор, при лунном свете :
«Право, нечего терять!»
Тут же вылетел как ветер,
Сбил охрану и бежать.

Шум услышали и вскоре
Все сбежались мужики.
Встретил их охранник-горе –
Полны снега сапоги.

– Ты пошто, тряси холера,
Вора тут не удержал?
– Так ляшак ту силу мерял! –
Им охранник отвечал.

– Я его колишшом тыкал,
И ругался, как басмач,
А он вылетел, зафукал...
Прямо, вылитый косач!

С той поры прилигло, вроде,
Не отлепится никак –
Толю стали звать в народе
Не иначе, как Косач.

На этом позвольте и закончить знакомить вас с представленной частью рассказов из сборника «Хотите – верьте, хотите – нет». Прочитав их, вы поймёте, в каком приблизительно ключе написаны и остальные сто пятьдесят таких же коротких произведений. В данной главе я познакомил вас с содержанием всех книг, которые издал за этот небольшой, по творческим меркам, период. Сейчас у меня есть желание и материал для издания сборника стихов и прозы для детей. Издаю его или нет, неизвестно, а пока напечатаю в этой книге несколько стихотворений, одну поэму и рассказ для пробы сил в этом жанре.

Только на первый взгляд кажется, что писать для детей легко, на самом же деле заинтересовать ребёнка своим произведением невообразимо трудно. Да и на каждый возраст нужны совершенно разные жанры. Не знаю, удастся мне или нет увлечь кого-нибудь из малышни, заставить проникнуться любовью или осуждением к моим героям? Ну да, ладно, – не Боги горшки обжигают! Итак, вперёд – в мир детства!

Неслух Квак

Жил в пруду, заросшем тиной,
Лягушонок юный Квак.
Был уж очень он строптивый –
Что ни сделай – всё нитак.

– Не хочу, не буду, сами
Лучше слушайте меня!
Я и сам почти с усами,
Я всё знаю, я, я, я...

– Ты зачем, – кричит он маме, –
Муху к завтраку дала,
Мне б личинку в шоколаде
Или майского жука!

А потом сестрёнке Кваше
Кинет муху он в компот:
– Нате вам, пожалте, наше! –
И смеётся во весь рот.

Заревёт сестрёнка Кваша,
Слёзы капают в компот...
– Мама, дай мне манной каши,
Пусть он сам компотик пьёт!

А ему того и надо,
Выпьет сразу весь стакан.
И хохочет до упаду...
Право слово – хулиган.

Выйдет Кваша порезвиться,
Поиграть на бережок,
Братец тут же изловчится,
Кинет в майку ей песок.

А вчера соседу Квазу
Раздолбил мячом окно.
Два стекла он вышиб сразу,
А потом залёг на дно.

Папа сделал Квазу раму,
Всё окошко застеклил,
А сыночку-хулигану
Не на шутку пригрозил:

– Если снова у соседа
Разобьёшь мячом окно,
То оставлю без обеда
И без ужина за одно!

Нет житья соседям Квака
От таких его проказ,
Потому что даже папа
Для сыночка не указ.

Папа детскую качалку
Дочке Квашеньке купил,
Так наш неслух, взявши палку,
Ту качалку разломил.

Как-то вышел дед Квасилий
Организм свой разогреть,
Накопить лягушьей силы
И под солнцем посидеть.

Дед присел, и посох рядом
Он на травку положил
И заснул под тёплым взглядом
Лучезарных солнца сил.

Квак увидел, что дедуля
Благодушно задремал,
Посох хватить и, словно пуля,
Недалёко отбежал.

Дед проснулся и за посох,
Только нет его нигде,
А над ним, над дедом-лохом,
Квак хохочет в стороне.

– Ты зачем, нахальна рожа,
Мою палку утащил?
Кто теперь, ква-ква, поможет
Мне вернуться в водный мир?

Мы вот были пикванеры,
Как тимуровцев отряд,
Чем могли, ква-ква, без меры
Помогали всем подряд.

Мы тогда седой Кваксюне
Наловили много мух,
А нахалу Кваквалюне
Надавали оплеух.

Надавали, чтоб заборы
Не ломал у стариков,
Не зорил бы, ква-ква, норы
Безобидных пауков.

А сейчас давай мне палку, –
Вдруг Квасилий завопил, –
А не то скажу начальству –
Будет свет, ква-ква, не мил!

– Забери свою подмогу, –
Бросил палку хулиган, –
А не то на третью ногу
Охромеешь, старикан!

Я хочу, что б завтра цапля
Тебя съела на обед,
Долго буду хохотать я,
Что тебя на свете нет!

– Ты не рой другому яму, –
Дед Квасилий пригрозил, –
Как бы сам, ква-ква, той даме
На обед не угодил!

– Ничего, я шустрый малый,
Не тебе чета, старик!
Я до ужаса удалый, –
Прыгнул в воду в сей же миг!

И пошёл скольльзящим шагом,
Пнул букашку на ходу,
За траву, не моргнув глазом,
Привязал он стрекозу.

Она сразу подлетела,
Но забилась: – Боже мой!
Видно, я неладно села,
Как теперь вернусь домой?

Билась влево, билась вправо,
Вверх летела, сколь могла...
Квак кричит ей: – Bravo! Bravo!
Вертолёт – не стрекоза!

Хорошо, что одноглазый
Муравей траву косил,
Он махнул косой и сразу,
Стрекозу освободил.

А когда увидел Квака,
То сердито закричал:
– Вот связать тебе бы лапы,
Как тогда бы заскакал?

– Не боюсь тебя, безглазый,
Бойся лучше ты меня!
Я-то всё-таки двуглазый,
А ты так, ни тя, ни мя!

Я хотя и одноглазый,
Но увечья не стыжусь.
Ты не плюй в колодец сразу,
Может, я и пригожусь!

Так и жили, и страдали
От проделок сорванца...
Об одном лишь все мечтали –
Проучить бы наглеца.

Как и словом, так и делом,
Лишь восток зарю явил,
Прилетела цапля в сером,
В сером платье крокодил.

Цапля хищно посмотрела
И шагнула в гладь пруда,
Но, беда, – ногой задела,
Мимоходом муравья.

Не смотри, что одноглазый,
Муравей не прозевал,
И вонзил косу он сразу,
В ногу цапли, как кинжал.

Цапля чуть остановилась
И задргала ногой:
– Это что со мной случилось?
Как же больно, Боже мой!

В этот миг по громкой связи
Дед Квасилий объявил:
– Цапля к нам идёт по грязи,
Злая цапля – крокодил!

Разбудите всех, кто рядом,
Дочерей и сыновей,
А то цапля вон уж взглядом
Выбирает, кто вкусней!

Все попрятались, кто может,
Только Квак оцепенел.
Кто теперь ему поможет?
Кто же будет нынче смел?

Тут увидел папа Квака,
Что сынок попал в беду,
Он схватил его за лапу,
Потащил бегом к пруду.

Но и цапля быстрым шагом
К ним уж стала подходить,
Да нырнул папаша с Кваком,
Чтобы в пасть не угодить.

Посмотрела цапля злобно,
Клювом щёлкать принялась,
Хоть и было ей прискорбно,
Восвояси убралась.

А потом Квасилий вскоре
Той тревоге дал отбой
И уснул на косогоре,
Бросив рядом посох свой.

Вышел Квак, дрожа всем телом,
Рядом с дедушкой присел,
И укрыл из травки пледом,
Чтоб не мёрз и не храпел.

А потом помог трудяге –
Муравью сметать стожок
И соседке тёте Кваге
Грядки выполоть помог.

Эпилог

После страшной той минуты
Понял юный неслух Квак:
Без друзей, как ни крути ты,
Не сумеешь прожить никак.

Не прожить без папы, мамы.
Надо слушать их всегда,
И не рыть другому яму,
А то может быть беда.

Несовместные игрушки

Подружились две игрушки,
Несовместные совсем, –
Юный львёнок Грозентишка
И телушка Мукамен.

То дружили, то ругались.
С ними чистая беда!
Смотришь, только обнимались –
Разбежались кто куда.

На лужок пойдёт телушка,
Юный львёнок вслед за ней.
Подкрадётся к ней неслышно,
Да как рявкнет: – Бармалей!!!

– Дуралей! – взбрыкнёт телушка,
Львёнка примется бодать,
Но отскочит Грозентишка,
Ноги в лапы – и бежать.

– Надоел ты мне, зверюга! –
Разозлится Мукамен, –
Ты же вылитый бандюга,
Хулиган, не супермен!

– Это что ещё за слово?
Грозентишка зарычит, –
Толстопузая корова,
Травоядный паразит!

– А ты крашенная кошка,
Самый грязный мышелов!
Подожди ещё немножко,
Подберу побольше слов!

Поругавшись, разбегутся
И обиженно сопят.
Только к вечеру сойдутся,
Друг на друга не глядят.

А потом, забыв обиды,
Львёнок встанет во весь рост,
Да как дёрнет со всей силы
Мукамен за длинный хвост.

И пошла плясать губерня –
Побегут в перегонки...
И, да здравствует веселье
Без печали и тоски!

Так и дружат две игрушки,
Несовместные совсем –
Юный львёнок Грозентишка
И телушка Мукамен.

Живая кочка

Шёл по лесу Дед Мороз
И махал руками,
Бормотал себе под нос:
– Всё забью снегами!

Только всё же Дед одну
Сделал заморочку –
Кинул снег он на сосну –
Угодил на кочку.

Разозлился Дед Мороз,
Покраснел щеками,
Стал кидать он снег вразброс
Из мешка руками.

Испугалась кочка вдруг,
Понеслась скачками...
Что же делал зайчик тут? –
Догадайтесь сами.

Такси

Ирка – ученица третьего класса – шла из школы, которая находилась метрах в ста от её дома. Неторопливо и с удовольствием поскрипывая первым выпавшим снегом, она восхищённо любовалась его непривычной белизной.

Когда важно шествующая ученица с чувством выполненного перед школой долга зашла во двор своего дома, то увидела шестилетнего пацана Егора. Он шёл и с деловым видом тащил за собой снежный самокат. И тут Иринкина школьная усталость взяла верх над её неприкосновенным запасом – оставшейся с обеда в школе шоколадной конфеткой.

– Слушай, шеф, я вижу у тебя такси свободно? – спросила она Егорку.

– Да! Куда хошь отвезу!

– Ну, тогда подбрось меня до дома, – кивнула она на своё жилище, пройти до которого ей оставалось метров тридцать, – а то я что-то подустала сегодня. Да и пятёрка полная сумка, боюсь, не донесу!

– Садись, поехали! – великодушно согласился Егор.

Ирка взгромоздилась на самокат, и процессия двинулась в пункт назначения. Когда они поравнялись с крыльцом соседнего дома, то навстречу им неожиданно выскочил Иркин одноклассник Антон.

– Понятна-а-а! Не успел я свой велосипед поставить в стойло, как ты уже с другим катаешься! – воскликнул он с ноткой ревности и недовольства.

– Не парься, Антоний! – отмахнулась Иринка, – просто устала я сегодня. От одной только математики головушка моя многотрадальная опухла, вот и решила на тачке домой подъехать.

Когда водитель остановил своё транспортное средство у нужного дома, Ирка встала, достала конфетку и со вздохом отдала Егорке:

– Держи, шеф, сдачи не надо!

Водила схватил расчёт, взбрыкнул, как застоявшийся конь.

– Ребята, кого подвезти? Катаю почти даром – конфетка за рейс! – и с криком помчался на поиски пассажиров.

Эпилог

Заканчивая эту главу, ради которой, собственно, и написана книга, мне хочется пожелать читателям проникнуться сочувствием и пониманием к моему творческому пути. Почему я встал на эту дорогу и иду по ней, такой ухабистой, полной неожиданностей, сомнений и часто причиняющей душевную боль, – я и сам толком не понял до сих пор. По всей вероятности, такая участь была мне написана на роду, и, когда душа созрела для творчества, Господь просто подтолкнул меня к нему. Если вы внимательно читали, то выше я упоминал о Господнем прикосновении. Так это было на самом деле или нет, однозначно не могу утверждать, но предполагать имею право.

Прочитав книгу, вы, конечно, не сможете дать оценку всему моему творчеству, но иметь представление о том, как я пишу и о чём, можете вполне. Вот и всё, о чём я хотел рассказать. Желаю вам, дорогие читатели, мира, добра и благополучия.

Николай Вторушин.

Брат Гоша в Шалимово.

*Папа Вторушин Михаил Степанович,
двоюродный брат Н.Г. Курятников, старший брат Анатолий.*

Внучка Ксюша, зять В. Роцин, внук Егор и дочь Лилия.

Директор БЛЗП Андрей Фёдорович Селивёрстов.

Сестры Аня и Валя.

Семья сестры Вали: муж В. Родионов, зять Алексей, внучка Елизавета, дочь Ирина, зять Александр, дочь Алёна.

*Жители д. Шалимово
И.П. и Р.И. Пуртовы.*

Сестра Зоя.

*Жители
д. Шалимово
Виталий и Галина
Переплёткины.*

Мачтовая погрузка леса.

Сестра Валя, мама, брат Гоша, папа, сестра Аня.

*Слева направо:
сестра Валя,
соседка Нина
со своей
сестрой Леной,
сестра Аня
и мама
Вторушина
Екатерина
Антоновна.*

*Отец,
сестра Валя
с мужем
В. Родионовым,
сестра Аня.*

С П. Захаровым.

*Муж сестры Ани Виктор Бехтерев,
сестра Аня, их сын Андрей и его дочь Лида.*

Пос. Бобровский, вид сверху.

Внук Дима, сын Эдик, сноха Юля, внучка Анита.

Содержание

Зачем я пишу?	3
Глава I. Детство	5
Глава II. Тугалово, и не только... ..	24
Глава III. Шалимово и Соколовка	31
Глава IV. Шалимово – Горная Суббота – Шалимово ..	45
Глава V. Армия, город Саратов	52
Глава VI. Город Тюмень, судостроительный завод	60
Глава VII. Поселок Бобровский, ХМАО-Югра	64
Глава VIII. Я – машинист бульдозера	74
Глава IX. Дела семейные	83
Глава X. Трудное становление	91

Николай Вторушин

Жизни моей бытиё

Редактор – В. Грановская

Технический редактор – Г. Доровских

Дизайн, верстка – Э. Назарова

Корректор – Т. Панкова

Сдано в набор 20.08.2010. Подписано к печати 01.10.2010.

Формат 60x84/16. Объем 11,4 п. л. Гарнитура «FrizQuadrataC»

Тираж 250 экз. Заказ 1138.

Отпечатано в ООО «Полиграфический комбинат «Зауралье».

640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

Тел./факс: (3522) 24-80-81, e-mail: zpress@zaural.ru

Сайт: pkzaural.ru

Николай Михайлович Вторушин родился 12 ноября 1946 года в деревне Шалимово Уватского района Тюменской области.

Первые стихи были напечатаны в альманахе «Самаровский ямб». Рассказы печатались в альманахе «Эринтур», окружной периодике, журнале «Югра».

Николай Михайлович – автор книг:

«Лунные ночи» – стихи, рассказы; «Непридуманные истории» – рассказы, стихи; «Просто курьёзы» – рассказы; «Китайский плацкарт» – рассказы; «Осеннее признание» – стихи; «Сборник песен»; «Хотите – верьте, хотите – нет» – рассказы.

Николай Михайлович Вторушин – член Союза писателей России. Живёт и работает в городе Ханты-Мансийске.

